

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2013

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 3 (Том 1)'2013
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Гренье, доктор филологических наук, профессор (США);
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
Л. В. Дербенёва, доктор филологических наук, профессор (Украина);
О. Н. Морозова, доктор филологических наук, профессор;
М. К. Пезенти, доктор филологических наук, профессор (Италия);
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Уртминцева М. Г.

Древнерусский Пролог в художественном сознании Н. С. Лескова7

Артемьева Л. С.

Шекспировский контекст «театральных» рассказов

А. П. Чехова 1880-х годов14

Лучкина О. А.

Институты рекомендательной библиографии для детского чтения

в дореволюционной России.....22

Гаганова А. А.

Эволюция мотивации героя как результат жанровой конвергенции

социального очерка и производственного романа35

Матюшкина Е. Н.

Авантюризм в исторической прозе Б. Окуджавы43

Чаплыгина Ю. А.

Огненная стихия в поэзии Ф. И. Тютчева (опыт школьного анализа).....50

ЛИНГВИСТИКА

Пузов Н. А.

Синтаксические фразеологизмы в художественном тексте58

Федулова У. М.

Осложнение простого предложения в современном русском языке.....66

Лёвин К. Ю.

Психолингвистическая терминология как основа моделирования

процессов порождения и восприятия речи

(на материале русского и английского языков).....70

Садыки Н. Н.

К вопросу о функционировании местоимений

в английском и лезгинском языках79

Косвои М. М.

Сравнительный анализ лексических единиц

лексико-семантического поля «еда» в русском и персидском языках86

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

Ерофеева Т. И.

Лингвистика городского пространства.....92

Волкова Т. А.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода

в профессиональной подготовке устных переводчиков98

Керимов Р. Д.

Актуализация метафорической модели «Политика – это война»

в немецкоязычном политдискурсе106

Бачалиашвили О. В.

Некоторые стилистические особенности судебного дискурса.....116

<i>Храмченко Д. С.</i> Тактическая реализация коммуникативной стратегии в условиях динамического взаимодействия прагмасемантических подсистем коммуникантов (на материале англоязычного делового дискурса).....	124
<i>Станишевская А. И.</i> Категория автора в романе Э. Бронте «Грозовой перевал».....	131
<i>Шмулевич Л. И.</i> Нарушение принципа кооперации как механизм порождения юмористического эффекта	138

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

<i>Смирнова Н. В., Советов И. М.</i> Говорящий и его самооценка в личном дейктическом поле	144
<i>Воронина Л. В.</i> Репрезентация смысла «часть целого» и «часть – целое» средствами словообразования немецкого языка	151
<i>Скокова Т. Н.</i> Перцептивные категории и их отражение в языке	159
<i>Никифорова О. О.</i> Стереотипы о политиках в немецкой языковой картине мира.....	167
<i>Ли Цианьхуа, Смирнов И. Б.</i> Концепт «счастье» в китайских пословицах и поговорках.....	175

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Щелчкова Е. Б.</i> Стратегии коммуникативного поведения американцев в ситуации «Принятие приглашения».....	186
<i>Строганова О. А.</i> Понятие грамматический «шотландизм» и уровень структурной самостоятельности языка (на материале шотландской поэзии XVIII–XX веков)	195
<i>Печенкина Т. А.</i> Лингвокультурная специфика количественных обозначений в российских и немецких рекламных текстах	206
<i>Лю Жуйфэн</i> Системные отношения лексических единиц в тематической группе «Война»...215	
Сведения об авторах	222

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Urtminzeva M.</i> Old Russian Prologue in Artistic Consciousness N. S. Leskov	7
<i>Artemjeva L.</i> Shakespearian Background of A. Chekhov's "Theatre" Short Stories of the 1880s	14
<i>Luchkina O.</i> Russian Institutions of Pre-revolutionary Reader's Advisory for Children's Reading	22
<i>Gaganova A.</i> Evolution of the Hero Motivation as a Result of Genre Convergence of the Social Sketch and Production Novel	35
<i>Matyushkina E.</i> Adventurousness in Historical Prose B. Okudzhava	43
<i>Chaplygina Y.</i> Fire Element in the Tutchev's Poetry (School's Analysis Experience)	50

LINGUISTICS

<i>Puzov N.</i> Syntactical Phraseology in the Artistic Text	58
<i>Fedulova U.</i> Complication of a Simple Sentence in Modern Russian Language	66
<i>Lyovin K.</i> Psycholinguistic Terminology as a Basis for Modeling of the Speech Production and the Speech Recognition Processes (Based on Russian and English Language Sources)	70
<i>Sadyki N.</i> On the Problem of Functional Characteristics of Pronouns in the English and Lezghin Languages	79
<i>Kasvaei M.</i> Comparative Analysis of Lexemes in Lexical-semantic Field "Food" in Russian and Persian Languages	86

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

<i>Erofeeva T.</i> Linguistics of City Space	92
<i>Volkova T.</i> Discourse and Communication Translation Model in Interpreter Training	98
<i>Kerimov R.</i> Activating the Metaphorical Model "Politics is War" in the German Political Discourse	106
<i>Bachaliashvili O.</i> Some Stylistic Features of Judicial Discourse	116

<i>Khramchenko D.</i> Tactical Realization of Communicative Strategies and Dynamic Interaction of Interlocutors' Pragmasemantic Subsystems (Based on the Material of Business English Discourse)	124
<i>Stanishevskaja A.</i> Category of the Author in the Novel by E. Brontë "Wuthering Heights"	131
<i>Shmulevich L.</i> The Violation of the Principle of Cooperation as the Mechanism of Generation of a Humorous Effect.....	138

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

<i>Smirnova N., Sovetov I.</i> The Speaker and his Self-appraisal in Personal Deictic Field	144
<i>Voronina L.</i> Representation of the Sense Part of the Whole and Part – Whole by the German Word Building Means.....	151
<i>Skokova T.</i> Perceptive Categories and Their Reflection in the Language.....	159
<i>Nickiforova O.</i> Stereotypes about Politicians in German Linguistic Picture of the World.....	167
<i>Lee Jianghua, Smirnov I.</i> The Concept of "Happiness" in Chinese Proverbs and Sayings	175

LINGUISTIC CULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Schelchkova E.</i> Communication Strategies Americans Use to Accept an Invitation	186
<i>Stroganova O.</i> The Concept of Grammatical «Scotticism» and the Level of Language Structural Autonomy (Based on the Scottish Poetry of XVIII – XX Centuries).....	195
<i>Pechonkina T.</i> Culture-linguistic Specifics of Numerical Indication in Russian and German Publicity Texts	206
<i>Liu Rui Feng</i> Systematic Relations of Lexical Units in the Thematic Group "War"	215
About authors	222

УДК 821.161

Уртминцева М. Г.

Древнерусский Пролог в художественном сознании Н. С. Лескова*

Исследование идейных и художественных принципов интерпретации сюжетов Прологов в художественном и публицистическом наследии Лескова – одно из современных направлений в изучении творческого наследия писателя. Проложные сюжеты в произведениях Лескова – важнейшая составляющая их поэтики, ключ к истолкованию его концепции мира и человека, пониманию идеи «праведничества» и форм ее художественного воплощения в произведениях художника.

Research of the ideological and art principles of interpretation of plots of Prologues in Leskov's art and publicistic heritage – one of the modern directions in studying of a creative heritage of the writer. Pro-false plots in Leskov's works – the most important component of their poetics, a key to interpretation of its concept of the world and the person, to understanding of idea of "pravednichestvo" and forms of its artistic realization in works of the artist.

Ключевые слова: Лесков, Пролог, сюжет, поэтика, интерпретация, «праведничество», Толстой, Пушкин.

Key words: Leskov, Prologue, plot, poetics, interpretation, "pravednichestvo", Tolstoy, Pushkin.

Проблема «Лесков и древнерусские Прологи», много раз поднимавшаяся комментаторами собраний сочинений писателя в связи с подготовкой текстов «легендарных», как их называл сам писатель, повестей, практически не изучена в отечественном литературоведении. Причин возникновения этой научной лакуны несколько.

В течение многих лет ученые-филологи не имели возможности познакомиться с тем, что собой представляет Пролог – сборник кратких житий святых, патериковых легенд, поучений и назидательных рассказов, расположенных по месяцам и дням года [9]. Другая сложность решения проблемы в том, что состав одного Пролога может существенно отличаться от другого. Это объясняется тем, что переведенный на славянские языки Пролог, возникший в X – XI веках в Византии, в XII веке был дополнен русскими житиями святых (Житие Бориса и Глеба, княгини Ольги, Феодосия Печерского и др.). Этот процесс расширения состава Пролога продолжился и в дальнейшем: в него стали включать местные сказания и легенды,

© Уртминцева М. Г., 2013

* Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России". Номер соглашения 14.132.21.1050 от 14 сентября 2012 г.

апокрифические повести и т.д. И наконец, третья причина, состоит в том, что долгое время в отечественной литературной науке репутация Лескова была «подпорчена» не только печальной славой его романа «Некуда». На нем стояло «клеймо» человека, пропагандирующего в своих произведениях идеи христианства, религиозной веры, что не вписывалось в сферу интересов советского литературоведения. В задачу данной статьи не входит решение поставленной проблемы, мы постараемся наметить лишь основные подходы к ее разработке.

Интерес Лескова к Прологу впервые был обозначен им в статье «Жития как литературный источник», в которой писатель говорил о постоянном интересе русских писателей к житийным сюжетам: «Жития читали Пушкин, Герцен (Искандер), Костомаров, Достоевский, и по слухам, ими же усерднее всех вышеупомянутых занимается граф Лев Н. Толстой» [6]. Во второй половине 80-х годов Лесков уже сам много работает над «Систематическим обозрением Пролога». (В одном из неопубликованных писем к Суворину Лесков называет другой вариант заглавия – «Женские типы по Прологу») [2, л. 130]. В неопубликованном письме к Суворину Лесков признавался: «Пролог – хлам, но в этом хламе есть картины, каких не выдумаешь. Я их покажу *все*, и другому в Прологе ничего искать не останется... Апокрифы писать лучше, чем пружиться над ледащими вымыслами» [2, л. 121]. В авторском примечании к первой публикации легенды «Прекрасная Аза», обработанной в числе тридцати семи женских типов «Обозрения», Лесков писал: «Рассказ о Египтянке Азе составляет этюд, приводимый здесь отрывком из систематического обозрения Пролога, которое в полном изложении будет напечатано в ежемесячном журнале» [7]. Готовя читателя к восприятию идеи своего рассказа, писатель сопровождает его послесловием, в котором оговаривается, «что житийные книги не почитают Азу святою и что повесть ее – просто повесть для чтения, но в ней есть поэтическая прелесть и литературное значение» [4, X, с. 597]. Однако в связи с публикацией «Прекрасной Азы» и других проложных рассказов («Скоморох Памфалон», «Гора», «Совестный Данила») Лесков постоянно испытывает цензурные притеснения как со стороны духовных чинов, так и со стороны литературной критики. Он убеждает редакторов, издателей в том, что в его «Обозрении» все серьезно и *нравственно, все скромно* и что автор «не усиливал, а смягчал всякое выражение Пролога» [8, с. 83]. Современная Лескову критика неоднократно упрекала автора в том, что при пересказе Пролога он много дает от себя. Так, Л. Толстой считал, что «у Лескова нет чувства меры <...> Лесков берет «Прологи», заимствует из них, но искажает их» [5, с. 58]. Свободное обращение Лескова с источниками часто заставляло его оппонентов прибегать к тому, чтобы противопоставлять варианты интерпретации сюжетов Пролога Лесковым и Толстым, убеждая читателя в том, что рассказы Лескова – грубые подделки, которые он выдавал «за подлинные сказания Пролога» [1]. Лесков защищался, настаивая на своем праве художника интерпретировать

Пролог так, как ему подсказывало чутье художника и публициста. В статье «Лучший богомолец» (1886), посвященной проблеме проложных источников в творчестве позднего Л. Толстого, Лесков предоставляет подготовленному читателю возможность составить мнение о справедливости сделанных упреков не только ему, но и его знаменитому современнику. Речь идет о Прологах, которые печатались в Москве, как пишет Лесков, «в типографии тамошнего единоверческого монастыря, для единоверцев. Единоверческие Прологи состоят из четырех томов в лист; они продаются везде открыто, стоят 36 рублей и не разнятся в содержании ничем от старых, патриарших Прологов» [9, с. 102].

Пафосом статьи становится защита Толстого от обвинений в неверном и вредном толковании евангельских истин: Лесков утверждает, что Толстой «знает богословские науки», но «не согласен с известными выводами», которые делает из евангельских постулатов официальная церковь и ее защитники. В качестве аргумента Лесков включает в состав статьи переведенный им сюжет о богоугодном дровоколе, чья молитва принесла кипрскому народу долгожданный дождь и спасла урожай от засухи, а народ от голодной смерти. Перевод стал иллюстрацией тезиса Лескова о том, что «можно представить простого человека даже соделывающим такие дела, которые приходились не по силам лицам духовным» [3, с. 103]. Писатель рассказывает о простой правде маленького человека, убежденного, что «не трудясь кушать» невозможно, которую в доступной форме он преподносит в ответ на просьбу *преклонившегося* перед ним епископа. Этот рассказ, по мнению Лескова, имеет самое «сильное сродство с духом народных рассказов Л.Н. Толстого» и служит примером благочестивого и назидательного чтения для народа, как и рассказ Толстого «Три старца», где художественно обработана идея о епископе, который, согласно легенде, «важность свою ставил ни во что, а искал только пользы народу и для того нимало не стеснялся всенародно поставить себя ниже дровокола» [3, с. 109]. В постскрипуме статьи Лесков «дописывает» сюжет легенды о дровоколе, соединяя его с сюжетом повествования Памвы от 16 ноября, цитируя слова том, что страшно будет то время, когда «монахи оставят труд и последуют пениям и гласам». Действительно, Лесков «искажает» источник, соединяя фрагменты Пролога, разведенные во времени их чтения, но в этом соединении, по мнению писателя, более отчетливо проступает тенденция, доступная пониманию простого человека.

Функцию аргумента в защите Толстого от нападков критики, упрекавшей его в сочинительстве, выполняет проложный сюжет и в статье Лескова «О куфельном мужике и проч». Содержание и структуру статьи определяет образ-артефакт, на который Лесков обращает внимание читателя, выделяя его курсивом: многие сюжеты позднего Толстого *позаимствованы* им из древнерусского Пролога. Рассказывая один из эпизодов жития Макария Александрийского, к которому вернулась нетронутая *кисть свежего винограда*, отданная им ученику, в свою очередь пославше-

го ее другому, Лесков убеждает читателя поверить в то, что *мотив* благородной жертвы во имя других «имеет *полное сходство* с тем, как представляется у Толстого подобное же событие, случившееся три века ранее в той же Палестине». Эпизод из жития Макария Александрийского взят Лесковым из книги «Лавсаик» Палладия Еленопольского [9, с. 136]. Лесков имеет в виду евангельскую легенду о том, как Иисус Христос накормил пятью хлебами пять тысяч человек, так, что все насытились. Толстой дал толкование этой легенды в «Кратком изложении евангелия».

Конечно, Лесков не имеет в виду тождественность стилевых воплощений источника и его художественную обработку Толстым: ему важно показать, что дух житийных сказаний – тот дух, который в «повествовательной форме ближе знаком нашему религиозному простолыдину». Эта мысль становится основанием для интерпретации идеи рассказа Толстого «Смерть Ивана Ильича», где *куфельному мужику* Герасиму отводится роль носителя высшего нравственного знания жизни. В общении с ним герой Толстого понимает, что «вся его жизнь была не то». Таким образом, приведенная Лесковым евангельская притча служит доказательством мысли писателя о необходимости возвращения к народным нравственным идеалам, хранящимся в сюжетах Пролога.

Изложенные в публицистике принципы интерпретации проложных сюжетов Лесков вскоре воплощает в собственной художественной практике, в частности, в египетской повести «Гора», имевшей первоначальное название «Зенон-златокузнец». Сюжет Пролога от 7 октября повествует о торжестве христианской веры над языческой: истинный христианин златокузнец, лишивший себя глаза, чуть было не соблазнившего его на грех, молитвой спасает единоверцев [10]. Гора Адер сошла в Нил, и «мнози варвари вероваша в Святую Троицу и крестися». Лесков переставляет акценты в сюжете и выстраивает его вокруг истории обращения язычницы Нефоры в христианство художником Зеноном – «потаенным христианином», посвятившим себя искусству и «размышлениям о высоких вопросах». Центральным испытанием героя повести Лескова является испытание Зенона-художника. Нефорис решает *купить* мастера, сделав его своим любовником и таким образом «присвоить себе его искусство». Будучи уверенной в том, что «долг художника служить красоте» [4, X, с. 10], она не знает о нравственном аспекте творчества. Страстное желание Нефоры *продать* себя сталкивается с отказом Зенона вступить в сделку. Так же, как и в проложном сюжете, художник как истинный христианин лишает себя глаза, едва не соблазнившего его. Сохраняя в пересказе легенды этот мотив, Лесков значительно расширяет другой – мотив торго.

Мотив купли-продажи приобретает социально-нравственный характер, обнаруживая истинную сущность каждого персонажа. Лесков вводит в повесть отсутствующих в Прологе героев Бубасту, Пеоха, «персонифицируя» и тем самым усиливая функцию мотива торго. Одиннадцатая глава повести начинается с «пушкинской» темы бунта, «бессмысленного и бес-

пощадного». «Бунты и восстания, – пишет Лесков, – всего легче затеваются при унынии и страхе» [4, X, с. 28]. Движение сюжета, ранее объясняемое только стремлением Нефоры отомстить Зенону, осложняется теперь темой мщения христианину и его Богу. Лесков, не обращаясь к форме прямой речи, передает волнение героини особым ритмом сбивчивой речи («... он будет ее невольник, ее раб и... любовник... Или она будет его томить, терзать, мучить ...»). Смятение Нефоры объясняется тем, что она не знала, «чем это кончится, но это даст *цену* всей ее жизни...» [4, X, с. 54]. Гибель христиан станет платой за нанесенную личную обиду: Зенон *не оценил* ее красоту. Причиной бунта, спровоцированного властями, стала «вина» христиан, продававших свои товары по более *низким ценам*, чем другие жители Египта.

Лесков показывает, что практически каждый состоятельный христианин готов «продать» чужую жизнь, чтобы спасти свою. Епископ *ценит* свою жизнь равной жизням всех христиан Александрии, представляя список их имен правителю, богатые христиане *откупаются* состоянием и бросают бедняков на произвол властей, патриарх *покупает* милость императора коврами, сделанными членами его общины. В реализации мотива торгового мотива в его социально-нравственном варианте особая роль отводится Лесковым образом мемфита Пеоха. Этого персонажа нет в сюжете Пролога, но именно ему Лесков отводит роль автора идеи направить против христиан слово их Бога: сила веры может заставить гору «тронуться с места и броситься в воду» [4, X, с. 30]. Пеох движим ненавистью к представителям иной веры, давая выход своей страсти, подобно тому, как это представлено в образе Клеопатры из «Египетских ночей» Пушкина. На первый взгляд, чувственная страсть Клеопатры не имеет ничего общего с ненавистью язычника Пеоха. Пушкинская Клеопатра произносит знаменательные слова: «Блаженство можно вам купить.../ Внемлите мне: могу равенство / Меж нами я восстановить. / Кто к торгу страстному приступит?» [11, VI, с. 387.]. Равенство, о котором говорит Клеопатра, сродни стремлению Пеоха справедливо разрешить ситуацию: христиане имеют возможность стать на равных с представителями других вер, сдвинув с места гору, чтобы спасти Александрию, или умереть во имя своего Бога.

Обрабатывая сюжет Пролога, Лесков не мог не дать комментарий своего понимания христианства. С ним в повести связано окончательное прозрение Нефоры, освобождение ее от эгоистического стремления обладать Зеноном и принятие идеи свободы нравственного чувства. На горе, во время буйства стихии, Зенон объясняет Нефоре высший смысл христианства как путь «ко всеобщему счастью», для которого «надо сдвинуть в жизни что тяжелее и крепче горы» [4, X, с. 74]. В понимании Лескова смысл этого движения в том, чтобы сделать стремление человека к добру высшим нравственным законом. Утверждение этой истины совпадает с кульминацией повести. Движение горы в воды Нила убедило народ Александрии в величии Бога христианского, но «сдвинул гору художник Зенон-

златокузнец!» [4, X, с. 78]. Этот момент повествования представляет собой «материализацию» первой фразы эпитафии: «Этот анекдот совершенно древний. Такой случай нынче несбыточен, как сооружение пирамид, как римские зрелища – игры гладиаторов и зверей». Он содержит, на первый взгляд, парадоксальное определение рассказанной легенды как *анекдота*. Художественная функция анекдота, который Лесков рассматривал как форму передачи знания о реальности жизни, он характеризовал в одном из своих писем. Здесь Лесков противопоставляет канонической агиографии знаменитый памятник «отреченной литературы» – «Пролог», видя его преимущество в том, что «там не все говорится о подвижниках, а часто подвижники говорят... о случаях им известных, по-нашему – рассказывают друг другу анекдоты» [4, XI, с. 454]. Таким рассказанным читателю «анекдотом» является история «идущей» по воле стихии горы, которая заставила измениться Нефору и на какое-то время оздоровила атмосферу торгового царства в обществе. В данном случае анекдот заменил у Лескова традиционную романическую интригу – взаимоотношения между героями восстанавливаются не благодаря святости Зенона, а как следствие свершившегося чудесного события.

Лесков, переосмысляя проложный сюжет, подчеркивает значение творческой ипостаси Зенона-художника. В кульминации повести Лесков представляет его как обладателя нравственной силы, соизмеримой с энергией божественного. Такая интерпретация проложного сюжета, несомненно, не может восходить к житийной традиции, поэтому позволим себе предположить, что здесь вступает в действие собственно лесковская концепция творчества. Зенон-златокузнец в изображении Лескова прежде всего художник. Об этом свидетельствует последнее признание Зенона патриарху в том, что он мало наставлен в вере и уподобляет ее тетиве лука, которая напрягается и сильно ударяет лишь в самые ответственные моменты жизни. Лесков как бы «завершает» пушкинскую мысль и его анекдот об импровизаторе. К итальянцу-импровизатору относится утверждение Лескова о том, что, если тетиву «постоянно тянуть и держать в напряжении, она истончается, и сила ее ослабевает» [4, X, с. 82]. Чужое слово, не пережитое чувство не могут стать источником вдохновения, это то, что нельзя эксплуатировать постоянно, потому что подлинное искусство не подлежит торгу.

Таким образом, проложные сюжеты в творчестве Лескова приобретают смыслопорождающее значение, подчиняясь цели, которую ставит перед собой писатель. Включая проложные сюжеты или их элементы в публицистический текст, Лесков использует их в качестве аргумента при доказательстве высказанной идеи, предваряя или заключая ими текст. Создавая собственный вариант проложной истории, он придает ей остросовременный, часто злободневный смысл, что, впрочем, не умаляет достоинств художественного целого, созданного в результате интерпретации высших идеалов нравственности, на которых строятся жития, слова и легенды Пролога.

Список литературы

1. Георгиевский Г. Апокрифическое сказание или литературная фальсификация // Русское обозрение. – 1892. – Сентябрь. – С. 957.
2. ИРЛИ, ф. 268, № 131.
3. Леонтьев К. Н. Наши новые христиане. – М., 1882.
4. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. – М.: ГИХЛ, 1958.
5. Маковицкий Д. М. Яснополянские записки. – 1923. – Вып. 2.
6. Новое время. – 1882. – № 2323. – 17 августа.
7. Новое время. – 1888. – № 4347. – 5 (17) апреля.
8. Письма русских писателей к А.В. Суворину. – Л., 1927.
9. Пролог по рукописи императорской Публичной библиотеки Погодинского Древлехранилища № 58, в. 1 – 2. – Пб., 1916 – 1917 (Общество любителей древней письменности, № 135 – 136).
10. Пролог. Избранные тексты. Слово о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и воврещися в Нил реку // Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. – М.: АН СССР, 1990. – С. 213 – 216.
11. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – М.:Л: АН СССР, 1950.

Шекспировский контекст «театральных» рассказов А. П. Чехова 1880-х годов

В статье исследуется влияние творчества У. Шекспира на творчество А. П. Чехова на материале «театральных» рассказов Чехова 1880-х годов. Рассматриваются функции цитат, аллюзий, реминисценций в сюжетах, характерах, структуре повествования в прозе Чехова, апеллирующей к шекспировской «памяти жанра».

The paper is devoted to the problem of Shakespearian influence upon A. Chekhov's works. The research is based on the material of A. Chekhov's "theatre" short stories of the 1880s and studies the way excerpts, allusions and reminiscences function in the plot, the characters and the structure of Chekhov's narration, which appeals to Shakespearian "genre-memory".

Ключевые слова: Шекспир, Чехов, аллюзия, реминисценция, память жанра.

Key words: Shakespeare, Chekhov, allusion, reminiscence, genre-memory.

Вопрос о характере влияния творчества У. Шекспира на творчество А. П. Чехова в отечественном литературоведении имеет давнюю традицию. Следует отметить основные направления исследований в этой области: изучение генетических и типологических связей их творчества в рамках проблемы «русского гамлетизма» [8; 12], изучение образно-семантических притяжений Чехова и Шекспира [4; 5], характеристика особенностей рецепции произведений Шекспира в творчестве Чехова [6; 7]. В зарубежных исследованиях отмечалось жанровое сходство пьес обоих драматургов [16]. Между тем, исследование шекспировского контекста, присутствующего в прозе Чехова в виде аллюзий и реминисценций, позволяет поставить вопрос о характере «типологических схождений», проявляющихся на тематическом, образном и структурном уровнях, определяющих особенности воплощения шекспировской «памяти жанра» в прозе Чехова.

Одним из наглядных примеров такого включения шекспировского «текста» в чеховское повествование являются «театральные» рассказы Чехова «Барон» (1882) и «Юбилей» (1886). В обоих рассказах появление одной незначительной детали – упоминание трагедии «Гамлет» – сигнализирует о структурном уподоблении произведений обоих авторов. Формально аллюзия мотивирована тематически: местом действия (театр) и персонажами (актеры), что неудивительно, так как пьесы Шекспира широко входили в репертуар провинциальных театров. Однако при детальном анализе обнаруживается полифункциональность аллюзий в тексте рассказов. Они моделируют сюжетные ситуации, оказывающиеся парафразами из

шекспировской трагедии, которые к тому же поддерживаются цитатами и реминисценциями, и поэтому общая структура каждого из рассказов выстраивается с «оглядкой» на структуру трагедии в целом.

В рассказе «Барон» конфликт разворачивается на фоне театрального представления «Гамлета»: на сцене вновь и вновь оживает созданный Шекспиром вечный образ, а вместе с ним – в памяти зрителя – вечные общечеловеческие проблемы. Однако Чехов показывает, что в современном мире и современном театре трагедия не обретает жизнь, как должна бы, а скорее наоборот – теряет свой смысл и значение. Становясь лишь способом развлечения, трагедия не пробуждает ни у зрителей, ни у актеров сочувствия героям: они не испытывают катарсиса. Конфликт в рассказе разворачивается между старым суфлером, прозванным бароном, и актерами, механически повторяющими слова героев пьесы. Ситуация, в которой раскрывается конфликт, является игровой: жизнь барона – это жизнь театра, вне которого его самого как будто не существует. Громко подавая реплики актерам, он нарушает целостность сценической иллюзии, но при этом стремится по-своему восстановить утраченную гармонию шекспировской идеи, заставить зрителя поверить в присутствие на сцене страдающего Гамлета.

Таким образом, трагедия Шекспира проявляется в рассказе Чехова на двух уровнях: формальном, тематическом (как фальшивая игра актеров), выполняя функцию декораций для развития центрального конфликта, и структурном – трагический пафос пьесы, сталкиваясь с обыденным, преобразует действительность, изображенную в рассказе, и сам приобретает новое звучание внутри чеховского повествования.

Шекспировский контекст вводится в рассказ Чехова посредством прямых цитат из трагедии «Гамлет». Эти моменты сюжетного движения являются ключевыми в создании образа чеховского барона. Каждая из введенных в рассказ цитат имеет отношение к образу Гамлета. Первая из цитат, появляющихся в рассказе, принадлежит несобственно прямой речи персонажа: он хочет оказаться, подобно Гамлету, там, «где одна пустыня места, / Сама собой, готова довести, / К отчаянью, когда посмотришь в бездну / И слышишь в ней далекий плеск волны» [11, I, с. 456] (I, 4) [13, с. 174]. В пьесе Шекспира Гамлет идет «в пустыню места», невзирая на уговоры друзей, чтобы узнать тайну Призрака. Чеховский барон мечтает о моменте истины, который он мог бы воплотить на сцене, поскольку «сорок лет он штудирует, страдает, сгорает от мечты» [11, I, с. 456] и, чувствуя приближение смерти, готов решиться на отчаянный шаг. У Шекспира Горацио говорит:

Think of it –

The very place put toys of desperation,

Without more motive, into every brain

That looks so many fathoms to the sea

And hears it roar beneath it (I, 4) [13, с. 677].

Здесь сюжетным мотивом, ведущим к дальнейшему развитию действия и ставящим Гамлета в позицию главного действующего лица, является появление и откровение Призрака убитого короля. К безумию принца приводит не «пустыня места», не безличный шум моря («hears it [sea. – Л. А.] roar»), но наоборот – персонализированный образ «испорченности» этого мира («Something is rotten in the state of Denmark» (I, 4) [13, с. 677] – «Подгнило что-то в Датском государстве» (пер. М. Лозинского) [14, VI, с. 32], – как комментирует появление Призрака один из придворных). Именно Привидение наделяет Гамлета его знанием. В рассказе Чехова именно «пустыня места», равнодушие мира и его театрального двойника толкает барона на отчаянный шаг. Мотивом, определяющим дальнейшее развитие действия, оказывается душевный порыв самого персонажа, его стремление провозгласить правду, стремление, как бы доставшееся ему в наследство от прочитанной трагедии. Именно его чуткость к тому, к чему весь остальной мир уже давно глух, ведет его к «погибели».

Ощущая себя носителем правды, барон, подобно Гамлету (с которым он себя соотносит), дающему указания актерам, берет на себя смелость декламировать вместо них:

Распаленный гневом,
В крови, засохшей на его доспехах,
С огнем в очах, свирепый ищет Пирр
Отца Приама [11, I, с. 457] (II, 2) [13, с. 204].

Произнесенная героем Чехова реплика восстанавливает в памяти читателя ситуацию из пьесы Шекспира. В разговоре с актерами Гамлет не случайно выбирает именно этот отрывок из одной малоизвестной пьесы:

Hamlet: I heard thee speak me a speech once, but it was never acted; or if it was, not above once, for the play I remember pleased not the million <...> If it live in your memory, begin at this line <...> it begins with Pyrrhus –

<...> Roasted in wrath and fire,
And thus o'er-sized with coagulate gore,
With eyes like carbuncles, the hellish Pyrrhus

Old grandsire Priam seeks (II, 2) [13, с. 686] (*Гамлет:* Я слышал когда-то, как ты декламировал монолог – но его никогда не произносили на сцене или не больше одного раза: я помню, пьеса не понравилась толпе <...> Если помнишь, начни с этого стиха... <...> начинается Пирром... [13, с. 204]). Здесь принц повторяет слова чужой роли, чтобы напомнить себе о своем долге. Театральная реальность призвана показать, какой должна быть действительность. Обращаясь к предыдущему опыту, герой Шекспира стремится к преобразованию мира по его подобию, точно так же, как персонаж Чехова обращается к опыту шекспировской трагедии. Три сюжетные схемы (рассказ о Приаме, трагедия Гамлета, история барона), выстраивающиеся в одну линию и как бы продолжающие друг друга, подчеркивают непреходящий и надвечный характер вопросов, затрагиваемых в каждом из произведений. Но Шекспир, а вслед за ним и Чехов,

показывают, что мир не хочет слышать правду. В пьесе английского драматурга Полоний, во всем подыгрывающий «безумию» принца, отвечает на его декламацию: «'Fore God, my lord, well spoken, with good accent and good discretion» (II, 2) [13, с. 686] – «Ей-богу, принц; вы прекрасно декламируете: с хорошим выражением и благородно!» (II, 2) [13, с. 204], но уже на прочитанное актером продолжение добавляет: «This is too long» (II, 2) [13, с. 686] – «Это слишком длинно» (II, 2) [13, с. 205], – очевидно, что пьеса и ее содержание ему не интересны, его волнуют лишь политические вопросы. В рассказе Чехова эта ситуация мнимого одобрения повторяется: «Думали, что прервал Гамлета не суфлер, а старый барабанщик <...> Публика любит театральные недоразумения» [11, I, с. 457], – а истинный смысл произошедшего остается сокрытым.

Однако если шекспировский Гамлет упрекает себя в неспособности «вжиться в роль» мстителя, то чеховский барон действительно проживает в слове трагедию принца датского, лишь сожалея о тщетности этого переживания. Как герой Шекспира не может изменить мир, так и персонаж Чехова не может изменить законы театра, который олицетворяет в рассказе пространство реальной жизни.

Тем не менее, в обоих произведениях подлинное сценическое действие может быть единственным способом для преобразования действительности. В трагедии Шекспира принц подготавливает сцену мышеловки, чтобы посредством представления выяснить правду и восстановить справедливость; также герой чеховского рассказа жаждет торжества настоящего театра, настоящей игры. Но проклятия обоих в адрес ложного, лишённого истины мира ничтожны перед лицом этого мира, который остается глух к их словам.

«Из будки, – комментирует Чехов, – опять понесся голос, полный желчи, презрения, ненависти, но, увы! уже разбитый временем и бессильный:

Кровавый сластолюбец! Лицемер!

Бесчувственный, продажный, подлый изверг!» [11, I, с. 458] (II, 2), [13, с. 207]. Проклятье в адрес Клавдия, которое Гамлет произносит наедине с собой, одолеваемый совестью и сомнениями («Remorseless, treacherous, lecherous, kindles villain! O, vengeance!» (II, 2) [13, с. 687]), барон прямо и открыто адресует миру. Однако, несмотря на то, что суфлер берет на себя право голоса, и голос его «был бы голосом Гамлета настоящего» [11, I, с. 458], для публики эта его «выходка» оказывается лишь забавным недоразумением, и даже сам барон понимает тщетность своего поступка: «Глупец, глупец! Куда как я отважен!» [11, I, с. 458]. Правда, которая еще не до конца ясна шекспировскому Гамлету, уже наперед известна чеховскому барону, заучившему его слова. В конце второго акта принц проклиная себя за бездействие, за отсутствие хитроумного плана: «Why, what an ass am I! <...> Fie upon't; foh! // About, my brains» (II, 2) [13, с. 687] («Глупец, глупец! <...> Нет, стыдно, стыдно!

К делу, голова!» [13, с. 207 – 208], – и лишь после сцены с мышеловкой Гамлет убедится не только в правоте Призрака, но и в том, что искоренить зло невозможно, что все его попытки исправить ход времени обернутся злом еще большим. Но слабый и разбитый временем барон знает об этом уже теперь, когда в конце второго акта даваемого представления берет на себя смелость декламировать вместо актера.

Трагический пафос шекспировской пьесы дважды преломляется в рассказе Чехова: отраженный фальшивой игрой признанного актера, он появляется в настоящих словах слабого, являющегося для всех посмешищем суфлера. Это двойное отражение подчеркивает не просто невозможность воплотить этот пафос, но и неспособность самого мира (даже в рамках театральной реальности) принять его.

Барон – единственный во всем театре, кто способен почувствовать этот пафос, но он не смог стать актером («не хватило <...> смелости» [11, I, с. 454]). Теперь он лишен этой возможности: после устроенного им скандала, «нужно выгнать его из театра» [11, I, с. 455]. «Прокаженный» мир, который воплощает художественное пространство как Шекспира, так и Чехова, всегда стремится избавиться от того, кто знает правду. Месть принца, чью маску примеряет на себя барон, никак не влияет на положение вещей и, в сущности, остается незамеченной; голос барона остается неуслышанным.

Невоплотимость трагического пафоса, который хорошо чувствует суфлер, в рассказе Чехова обнаруживается также на стыке внешнего и внутреннего уровней повествования: барон смешон, нелеп, комичен, но весь «скроен» из лоскутов шекспировских трагедий, он носит вещи, оставшиеся от великих трагиков (Сальвини, Росси), воплощавших образы Макбета, Лира, Отелло, Гамлета. Взаправду погруженный в мир этих пьес, стремящийся воплотить их, жить ими и по-своему привносить художественный мир в реальность барон всеми воспринимается как удачно загримированный актер, маска, фикция. Но шекспировский контекст, обнаруживаемый в повествовании рассказа, показывает, что, согласно Чехову, только эта «маска» является настоящей.

В рассказе «Юбилей» сценическое пространство, призванное воплощать собой правду, как бы продолжено за пределы подмостков, и когда-то заученные и отрепетированные роли начинают звучать в устах актеров и за кулисами. Наделенные даром творчества, способностью менять и создавать действительность, персонажи Чехова даже в повседневной жизни невольно следуют привычному амплуа, однако претворить их в жизнь они не могут, и неосознанные реминисценции чужих трагедий (в данном случае «Гамлета») так и остаются невоплощенными.

Герой рассказа, отмечающий юбилей служения на артистическом поприще, трагик Тигров, выступает в роли борца за правду, желающего разоблачить корыстолюбие и нечестность антрепренера. Свою речь, обращенную к товарищам по ремеслу, трагик начинает словами: «Пусть

волосы ваши станут дыбом, пусть кровь замерзнет в жилах и дрогнут стены, но истина пусть идет наружу!» [11, I, с. 454], которые являются неточной цитатой из шекспировской трагедии – монолога Тени отца Гамлета, явившейся принцу, чтобы открыть тайну своей смерти: «I could a tale unfold whose lightest word // Would harrow up thy soul, freeze thy young blood, // Make thy two eyes, like stars, start from their spheres, // Thy knotted and combined locks to part, // And each particular hair to stand an end // Like quills upon the fretful porpentine» (I, 5) [13, с. 677-678] («Я начал бы рассказ, который душу // Твою легчайшим раздавил бы словом, // Охолодил бы молодую кровь, // Глаза из сфер их вырвал бы, как звезды, // И каждый волос вьющихся кудрей // Поставил бы на голове отдельно, // Как иглы на сердитом дикобразе» [13, с. 177]). Считая себя жертвой интриг и страстно желая вывести «интриганов» на чистую воду, чеховский персонаж невольно вторит герою шекспировской пьесы и как бы ставит себя на его место: отец Гамлета пал жертвой обмана, и, неотомщенная, его душа не могла упокоиться. В припоминаемой пьесе Призрак – это свидетельство ушедшей эпохи, последний отголосок прекрасного прошлого и единственный, кто знает правду. Он приходит, чтобы передать Гамлету свое знание, и именно его откровение становится движущей силой для дальнейшего развития сюжета. Принадлежа уже новой эпохе, принц, тем не менее, оказывается единственным, кто еще связан с прошлым и способен его воспринять. Однако восстановить связь времен ему уже не под силу. Знание роли заставляет чеховского персонажа действовать, хотя он сам этого не осознает.

Реминисценция шекспировской пьесы в повествовании Чехова объединяет в одном персонаже, в пределах одного речевого потока черты как принца датского, так и покойного короля. Подобно Привидению, он не может не стремиться к раскрытию правды, которую обычный мир не готов услышать: «But things eternal blazoned must not be // To ears of flesh and blood. List, list, O list!» (I, 5) [13, с. 678]. («Но слух из крови и костей не может // Постигнуть откровенья вечных тайн. // Внимай, внимай, внимай...» [13, с. 177]). Подобно Гамлету, он хочет восстановить истинный ход вещей, но в силу своей слабости он, как и шекспировский герой, чья попытка исправить зло обернулась еще большим злом, не может это стремление реализовать.

Невозможность рассказать правду объясняется не только слабостью чеховского персонажа, но и нежеланием самого мира, изображенного писателем, принять ее. Один из актеров обращается к Тигрову: «Черт тебя знает, везде ты <...> суешься со своей честностью куда и не нужно...» [11, V, с. 453]. Честность – черта гамлетовская, и юбиляр наследует ее вместе с заученной ролью. И подобно тому, как мир шекспировской Дании не принимает и не слышит «безумного» носителя истины – Гамлета, провинциальный мир Чехова остается глух к той правде и тому контексту, носителем которых является Тигров.

Однако сам персонаж и не может воплотить их в полной мере. Конфликт между трагиком и его антагонистом – трусливым, заискивающим антрепренером – даже не зарождается: не только Тигров теряется при виде своего врага, но и антрепренер прямо игнорирует попытки разоблачить его: «К чему эти намеки, полуслова? Говорил бы прямо, в глаза... Впрочем, мне некогда, я ведь на минутку убежал...» [11, V, с. 455]. Хотя на формальном уровне столкновения между протагонистом и антагонистом не происходит, на структурном уровне, раскрываемом возникающей аллюзией на «Гамлета», обнаруживается несовпадение трагического пафоса пьесы Шекспира и бытовой обыденной жизни, не способной его воспринять. Едва намеченный конфликт в рассказе Чехова «разрешается» насмешкой по отношению к герою: «— А креслице-то вы из театра взяли! — сказал он [антрепренер. – Л. А.], подойдя к двери и указывая на кресло, на котором сидел юбиляр. — Не забудьте назад принести, а то «Гамлета» придется играть, и Клавдию не на чем сидеть будет. Доброго здоровья!» [11, V, с. 455]. Так же, как месть принца оказывается принципиально не совершенной, честь – не восстановленной, а датский престол не возвращается к своему законному владельцу, так и слабая попытка Тигрова восстановить справедливость не доведена до конца. Трагик лишь временно (на время юбилея) обретает власть над обстоятельствами, а в финале он подчиняется непреложному закону бытовых обстоятельств (возвращает креслице, на котором в спектакле сидит король, а на юбилее – он сам), в которых его личная трагедия проступает со всей очевидностью.

Таким образом, шекспировский контекст, вносящий трагический пафос в рассказ, проявляется дважды. Первый раз невольное припоминание Тигровым слов роли расширяет границы сценической иллюзии. Второй – в бытовой мотивировке неспособности героя к действию, которая отнюдь не снижает, а наоборот, усиливает трагический пафос финала рассказа.

Цитаты, реминисценции и аллюзии на пьесы Шекспира, проявляясь на внешнем, формальном уровне организации чеховского повествования, обнаруживают его глубинную структуру, тем самым обновляя и план идейного содержания произведений Чехова, который может быть полностью раскрыт только с помощью шекспировского контекста, который условно можно назвать ключом, открывающим путь к постижению подтекста чеховской прозы.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа). – [Электронный ресурс]: <http://mmbakhtin.narod.ru/eposrom.html>
2. Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000.
3. Белинский В. Г. Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета. – [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1180.shtml
4. Виноградова Е. Ю. Шекспир в художественном мире А. П. Чехова. – М.: РГГУ, 2004.

5. Виноградова Е. Шекспировская цитата у Чехова // Вопросы литературы. – 2006. – № 4. – С. 176 – 197.
6. Головачева А. Г. Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога. – Симферополь, 2005.
7. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. – Л.: Наука, 1988.
8. Луков В. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Гамлет как вечный образ русской и мировой культуры. – [Электронный ресурс]: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/gamlet-lukov-zaharov-gajdin/index.htm>
9. Михайловский Н. К. Гамлетизированные поросята. – [Электронный ресурс]: http://ruslit.com.ua/russian_classic/mihaylovskiy_nk/gamletizirovannyye_porosyata.9860 (дата обращения: 25.09.12).
10. Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. – М.: Худож. литература, 1971.
11. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1974.
12. Шах-Азизова Т. К. Русский Гамлет («Иванов» и его время). – [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0280.shtml
13. Шекспир У. Ромео и Джульетта; Гамлет; Король Лир: Трагедии; Сонеты / пер. с англ. А. Кронеберга; вступ. ст. Н. Стороженко; коммент. Б. Акимова. – М.: Литература, Мир книги, 2006.
14. Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. – М.: Наука, 1960.
15. Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Library Collection, 2007.
16. Styan J. L. The dark comedy. – Cambridge, 1962.

Институты рекомендательной библиографии для детского чтения в дореволюционной России

Детское чтение регламентируется взрослыми, которые консолидируются в институты. В Российской империи традиция контроля и руководства детским чтением получает в 60-е годы XIX века институциональное оформление. В рамках статьи рассматриваются центральные институты рекомендательной библиографии: Священный Синод, Министерство народного просвещения, Военное министерство и IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Children's reading is controlled by adults, which are consolidated into institutions. In the Russian Empire the tradition of the control and management of children's reading gets in the 1860's institutionalized. In this article we reviewed the central institutions of pre-revolutionary reader's advisory: the Holy Synod, the Ministry of National Education, Military Ministry and fourth section of H. I. M. Own Chancery.

Ключевые слова: руководство детским чтением, XIX век, рекомендательная библиография, круг детского чтения, отбор книг, Священный Синод, Министерство народного просвещения, Военное министерство, IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Key words: management of children's reading, XIX century, reader's advisory, the range of children's reading, the selection of books, the Holy Synod, the Ministry of National Education, Military Ministry, fourth section of H. I. M. Own Chancery.

Отечественная практика и система внесемейной регламентации детского чтения сложилась в XIX веке. До этого периода участие взрослого в чтении ребёнка было семейной и частной практикой. В 1830-х годах появляются первые организованные формы регламентации круга детского чтения – редакции журналов, которые, по сути, создавали контент детской литературы, отбирая тексты для чтения, а затем публиковали на страницах журналов избранные тексты или обзоры и списки рекомендуемых книг. В отличие от частной практики публичное руководство отличается унифицированным характером, потому как распространяется на всех детей, а не на одного конкретного ребёнка, и транслирует одну идею (комплекс образовательной, воспитательной и политической идеи) для всех. Такая унификация позволяет сделать руководство детским чтением одним из инструментов, конструирующих гражданскую идентичность и помогающих воспитывать во всех подрастающих гражданах те идеалы и те качества, которые созвучны образовательной политике государства.

В 1860-х годах в имперской России появились институты, контролирующие детское чтение. Из семейной практики руководство

чтением превратилось в поле общественной и государственной деятельности. В советской литературе по вопросам библиографии было принято критиковать Министерство народного просвещения (далее – МНП) как монопольное ведомство [7, с. 323; 17, с. 33]. Однако в дореволюционной России детское чтение контролировалось сетью институтов. А МНП можно считать в этом ряду центральным, но не главным и уж тем более не единственным. Основными центрами создания круга детского чтения были: Священный Синод (Св. Синод), Министерство народного просвещения (МНП), Военное министерство, Ведомство учреждений Императрицы Марии (ВуИМ), также IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Мариинское ведомство. Кроме того, действовали общественные силы, частные лица, родительские и учительские сообщества, которые также составляли и издавали рекомендательные списки и указатели. Издателями неправительственных пособий были земские и частные книжные склады, книжные магазины, общественные организации и отдельные лица (А. И. Лебедев, А. В. Панов, Н. А. Рубакин, М. В. Соболев).

Типология учреждений, существующих в едином социокультурном пространстве руководства детским чтением, позволяет реконструировать регулирование литературного процесса для детей и процесс становления сообщества людей, участвующих в создании детской литературы. Рассмотрим их участие в руководстве детским чтением.

Учебный комитет при Священном Синоде (образован в 1867 году) занимал верхнюю ступень в иерархии ведомств, регламентирующих детское чтение в XIX веке. С нашей точки зрения, это объясняется следующим. Во-первых, Синод отчитывался только перед императором и занимал независимую позицию по отношению к МНП и прочим институтам, так как в его компетенцию входила прежде всего литература религиозного характера, оценка которой была востребована авторами и составителями списков других ведомств и обществ (на рекомендации Св. Синода ссылались и при составлении собственных указателей другие ведомства и частные лица). Во-вторых, литература на религиозную тему — особая литература, поддерживающая официальную позицию государства по отношению к церкви.

В состав Учебного комитета входило десять человек: особый председатель и девять членов, обязанностью которых среди прочего было обсуждать «книги, сочинения и периодические издания, предполагаемые для распространения в тех заведениях» [13, с. 26]. Под теми заведениями имелись в виду духовные училища и семинарии. Таким образом, Св. Синод курировал чтение детей, обучающихся в вышеназванных учебных заведениях. В сфере его деятельности оказывались и учащиеся учебных заведений МНП.

В Центральное управление духовного ведомства авторы представляли сочинения с целью их одобрения для духовно-учебных заведений, или центральные учреждения других ведомств передавали в это управление

сочинения для сообщения отзыва о степени пригодности представляемых сочинений при изучении Закона Божия. Далее Учебный комитет выносил заключения (отзывы) о книгах, которые фиксировались в журналах подразделения. Решение комитета утверждалось определениями Св. Синода: «Рекомендовать означенную книгу для употребления в <...>». Училищный совет при Св. Синоде контролировал и ограничивал наполнение библиотек при церковно-приходских школах. В журналах совета также публиковались определения, в которых выносились одобрения книг для чтения. Но прежде определения утверждались обер-прокурором Св. Синода. Долгое время (с 1880 по 1905 годы) эту должность занимал К. П. Победоносцев, который считал религиозное воспитание основой народного образования.

Одобрения о книгах помещались в официальных печатных органах Синода (Церковный Вестник; Церковные ведомости, издаваемые при священном Синоде). Также стоит учитывать тот факт, что МНП одобряло для учебных заведений и публиковало в своих указателях только те книги религиозного содержания, которые были рассмотрены и одобрены одним из двух подразделений, состоящих при Святейшем Синоде (Учебный комитет, Училищный совет). Самостоятельного, отдельно изданного и полноценного каталога или указателя Учебный комитет не опубликовал. Однако мы можем назвать отдельные попытки составления рекомендательных пособий представителями духовного ведомства. Священник А. Маляревский представил опыт критического разбора детских и народных книг религиозно-нравственного содержания «Воскресная церковно-приходская народная библиотека» [6]. В рамках отдельно изданного пособия он рекомендовал для детского и народного чтения более двухсот книг преимущественно духовного содержания. Автор разбора сопровождал перечисляемые книги краткими аннотациями с указанием степени их пригодности для чтения. Местная церковная власть предлагала списки и предписания, которые исходили от епархиального начальства. В «Прибавлениях к тульским епархиальным ведомостям» публиковались руководства по пополнению церковных и училищных библиотек, а в 1864 году в них был представлен официальный «Указатель книг для народа» (1864, № 3). Составителем указателя был священник А. Иванов. В данном случае оценку и отбор книг осуществлял не руководитель-педагог детского чтения, а квалифицированный специалист по религии. Он же мог оценивать художественные тексты, рекомендуемые для детей.

Другим печатным органом Св. Синода, на страницах которого затрагивались вопросы детского чтения, был журнал «Народное образование» (редактор П. П. Мироносицкий), который издавался комиссией Училищного совета с 1896 года.

На основании списков книг, помещаемых в «Народном образовании» и «Церковных ведомостях», издательская комиссия Училищного совета

при Св. Синоде составляла библиотеки для церковно-приходских школ. Так одобрялись для чтения сочинения А. С. Пушкина [15, с. 115]. Кроме произведений Пушкина в рекомендательном списке оказались: «Кавказские поэмы» Лермонтова, басни Крылова, избранные сочинения Ломоносова, «Записки охотника» Тургенева, сочинения Кольцова, «Юрий Милославский» Загоскина, «Князь Серебряный» А. Толстого, «Тарас Бульба» Гоголя, «Оливер Твист» Диккенса и пр. [8].

Другие тексты получали отрицательную характеристику от рецензентов «Народного образования», например: «Третий рассказ «Изо дня в день» изображает трудовую жизнь рабочего, полную всяческих невзгод и лишений, проходящую среди непрерывной удручающей работы из-за куска хлеба. <...> Такие книжки могут воспитывать в детях тягостные чувства злобы и недовольства» [22, с. 100 – 101].

Большинство списков, обзоров и указателей детских книг, которые составлялись другими институтами, открывались разделами о священных книгах. Книги на религиозно-нравственную тематику – приоритетный корпус текстов. Авторами-составителями рубрик, представляющих религиозно-нравственное чтение, были главным образом священнослужители, которые рекомендовали лучшие книги для детского чтения по теме. В 1892 году вышел «Указатель книг для детского и народного чтения с обозначением одобренных из них Святейшим Синодом, Министерством народного просвещения, детскими журналами и частными специально для рассмотрения народных и детских книг составлявшимися комиссиями» [21]. Так расставлялись приоритеты в выборе регламентирующих инстанций: Синод, МНП и потом уже редакции журналов и комиссии по детскому чтению.

При составлении и пополнении библиотек духовное ведомство рекомендовало пользоваться каталогом Ученого комитета Св. Синода, списками книг, опубликованными в «Церковных ведомостях, издаваемых при священном Синоде», в циркулярах по духовно-учебному ведомству и каталогами книг, составленными Ученым комитетом МНП. В рамках руководства детским чтением Св. Синод сотрудничал с МНП, ссылаясь на министерские указатели, а также создавая совместно подготовленные каталоги. В 1875 году И. Кальнев составил «Систематический каталог книгам, рассмотренным Ученым комитетом Министерства народного просвещения и Ученым комитетом при Св. Синоде, в период с 1869 года по 1874 год включительно и одобренным для мужских и женских гимназий и прогимназий и для реальных, уездных, городских, женских и еврейских училищ, а также для учительских семинарий и институтов» [19]. Подобные совместные каталоги демонстрируют взаимовыгодное сотворчество институтов в рамках конструирования идеального круга детского чтения.

Центром конструирования круга чтения ребёнка и институтом, который во многом определял тот корпус книг, который должен был стать детской литературой, было Министерство народного образования, так как

1) оно ведало самой широкой сетью школ, гимназий и училищ для разных сословий в сравнении с другими институтами, что увеличивало сферу его влияния; 2) при комплектовании школьных библиотек необходимо было руководствоваться министерскими каталогами; 3) составители рекомендательных списков и указателей, представляющие другие сообщества, должны были ориентироваться на определения МНП.

Указом правительствующему Сенату от 18-го июня 1863 года Ученый комитет должен был рассматривать по поручению министра: а) поступающие в министерство педагогические вопросы и предположения; б) учебные руководства и программы преподавания; в) книги, сочинения и периодические издания, которые предполагаются для распространения в учебных заведениях; г) сочинения, предназначенные для поднесения Государю Императору и особам Императорской Фамилии. В 1863 году комитет составил «Реестр книг, которые могли бы быть с пользой употреблены в начальных народных училищах» [16]. Составителями списка были А. Д. Галахов¹ и А. Н. Бекетов². В следующем году состав авторов рекомендательных списков учебных пособий несколько изменился: А. Д. Галахов, П. Л. Чебышев³, Н. Х. Вессель⁴. При этом каждый из перечисленных составлял «определения» для книг отдельной тематики и области. Среди рецензентов происходило распределение оцениваемых книг, которое соответствовало профессиональным компетенциям авторов рекомендаций: география, математика, азбуки и книги для чтения и др. Преимущественно рассматривалась образовательная книга.

Печатным органом МНП и официальным педагогическим журналом стал «Журнал Министерства народного просвещения» (1834 – 1917), в котором с 1860-х годов публиковались определения (или «одобрения») рассмотренным книгам Ученого комитета. Основателем и идейным руководителем издания был министр С. С. Уваров. Журнал распространялся в обязательном порядке и в основном в системе народного образования. Жанр определения представлял собой аннотацию, которая подкреплялась заключением министра народного просвещения. В 1865 году были утверждены правила о порядке работы по одобрению учебных руководств для низших и средних учебных заведений, по

¹ А. Д. Галахов (1807 – 1892) – историк литературы, профессор русской словесности, автор пособий по истории русской литературы («Русская хрестоматия», «Историческая хрестоматия», «Учебник истории русской словесности» и др.).

² А. Н. Бекетов (1825 – 1902) – педагог, ботаник, заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургского университета. Ему принадлежит ряд научно-популярных работ («Беседы о земле и тварях», «Из жизни природы и людей», «Беседы о зверях»).

³ П. Л. Чебышев (1821 – 1894) – математик, механик, член Петербургской академии наук, основатель Петербургской математической школы.

⁴ Н. Х. Вессель (1834 – 1906) – публицист, литератор, собиратель русских народных песен, редактор журнала «Учитель» (1861 – 1864), «Педагогического сборника» (1864 – 1882).

которым Ученый комитет не мог самостоятельно рекомендовать книги. Заключение комитета и коллектива его авторов должны были утверждаться министром народного просвещения [4]. Министр мог давать и собственные отзывы [19, с. 38]. Так, отдельная книга могла выделяться особо, когда появлялась ссылка на авторитетное лицо.

Оговаривались в правилах и принципы составления списков книг, одобренных МНП. Редакция «Журнала Министерства народного просвещения» должна была «вести каталог всем учебным руководствам и пособиям, одобренным к употреблению в гимназиях и низших училищах», и публиковать такой каталог ежегодно в одной из первых книжек журнала. При этом каждый новый каталог должен был составляться по принципу кумуляции, включая в себе повторение прежнего списка. Кроме того, в 1867 году были внесены изменения в порядок отбора книг, по которым членами Ученого комитета рассматривались только присылаемые авторами опубликованные книги. Рукописи не рассматривались и не оценивались. Таким образом, отдельная книга могла быть допущена в библиотеку и учебное заведение при условии прохождения следующих этапов: публикация; представление книги авторами или заинтересованными лицами для рассмотрения и рецензирования в Ученый комитет; рецензия компетентного члена Ученого комитета; рассмотрение книги и рецензии на заседании Ученого комитета; определение комитета, одобряющее или не одобряющее книгу для чтения; заключение министра народного просвещения. Последний утверждал список уже одобренных книг. Такой процесс должна была пройти каждая книга, помещаемая в каталог и допускаемая в библиотеки и школы. Журнал «Министерства народного просвещения» был конечной инстанцией такого процесса отбора. В тоже время издавались официальные каталоги. Например, «Указатель книгам, одобренным Ученым комитетом Министерства народного просвещения» А. Сопецинского [20], оценки книг которого использовались на страницах других пособий.

Рекомендательная библиография МНП, являвшегося государственным институтом, носила предписывающий характер. Учебные заведения и библиотеки должны были комплектоваться только теми книгами, которые находились в одобренных списках, то есть участие коллектива учителей и родителей в руководстве детским чтением лимитировалось властью. Рекомендательную библиографию МНП можно назвать основой для многочисленных рекомендательных пособий, издаваемых во второй половине XIX века (1863–1890), которые не могли легально рекомендовать книгу, не попавшую в комитетский список. Однако оппозиционные институты комментировали и оценивали уже разрешенные тексты. В то же время сложно говорить о том, что политика МНП в области детского чтения в достаточной степени оказывала влияние на выбор книги ребёнком, родителем или учителем. Альтернативные каталоги и указатели различных объединений и кружков были доступны для всех и популярнее министерских.

«Свои» дети были и у военного министерства. Преподаватели военно-учебных заведений относили чтение к числу значимых воспитательных инструментов: «Внеклассное чтение книг кадетами, как самостоятельно, так и с воспитателями, имеет *первенствующее*, после учебной работы, значение в ряду образовательных средств заведения и вообще оказывает весьма сильное влияние на развитие и направление детей и юношей в *нравственном* отношении. А потому на строгий, вполне соответствующий воспитательным целям, выбор книг для чтения и вообще на правильное ведение этого рода занятий все воспитатели, руководимые начальством заведения, должны обращать самое серьезное внимание» [1, с. 109].

Процесс обучения словесности и чтения книг контролировался Главным управлением военно-учебных заведений. Управление было введено в состав Военного министерства в 1863 году. В его компетенцию включалась деятельность по инспекторским, воспитательным, ученическим, учебным и хозяйственным частям подведомственных ему заведений. К числу последних относились Пажеский Е.И.В. корпус, военные училища (пехотные, кавалерийские и казачьи), кадетские корпуса. Чтение детей, обучающихся в этих заведениях, контролировалось именно Главным управлением военно-учебных заведений. Книги религиозно-нравственного содержания также отбирались в военном министерстве, а не переходили из каталогов и журналов Учебного комитета при Св. Синоде: круг чтения представителей военного сословия регулировался внутри среды военных педагогов и администрации Управления. Другие центральные институты не вмешивались в регламентирование чтения учащихся военных учебных заведений.

В начале XX века при Главном управлении действовали три постоянные комиссии: экзаменная, санитарная, книжная для рассмотрения книг, рекомендуемых в библиотеки военно-учебных заведений; под предс. Ген.-майора А. П. Михневича (Приказ по военно-учебным заведениям 1906 года № 95) [2, с. 20]. Тот или иной генерал как представитель интересов военного ведомства становился руководителем детского чтения и наделялся полномочиями рекомендовать книги для чтения обучающимся в военных учебных заведениях. В состав комиссий, педагогического комитета, педагогического музея приглашались штатские педагоги и священники. Но в Военном министерстве доминирующая роль оставалась за военными педагогами. Так, с 1882 по 1910 годы редактором «Педагогического сборника», который издавало Главное управление, был генерал А. Н. Острогорский¹, окончивший Петербургский кадетский корпус и Михайловскую артиллерийскую академию.

¹ Острогорский А. Н. (1840 – 1917) – педагог, детский писатель, журналист, редактор журналов «Детское чтение», «Педагогический сборник». Генерал от инфантерии. Преподавал в военных учебных заведениях. Основные труды: «Н.И. Пирогов и его педагогические заветы», «Педагогические экскурсии в область литературы», «Обучение и воспитание», «Педагогическая хрестоматия» и др. Составил шесть детских сборников. С 1883 года был членом учебно-воспитательного комитета педагогического музея.

В то же время привлекались к работе над отбором и оценкой книг и учебных пособий представители духовенства. В 1912 году при Главном управлении были учреждены особые комиссии по рассмотрению учебников, пособий и изданий специального характера (Приказ 1912 года № 168). Одна из них – по Закону Божию – работала под председательством генерала-лейтенанта Лайминга, а членами были протоиереи Александров, Магницкий и Лебедев [2, с. 86].

При Главном управлении функционировали Педагогический музей (с 1864 года) и редакция журнала «Педагогический сборник» (с 1864 года), которые представляли результат работы комиссий. При музее в 1887 году был открыт педагогический отдел (секретарь отдела – П. Ф. Каптерев; другие известные педагоги, участвующие в работе отдела: Н. А. Корф, Д. Д. Семенов, П. Ф. Лесгафт, Л. Н. Модзалевский, П. Г. Редкин, Я. Г. Гуревич), в который входили кружок по начальному обучению, отдел критики и библиографии детской литературы и родительский кружок. Педагогический музей выполнял функцию библиотеки, представляя собой склад книг. Этот склад пополнялся в соответствии с «Каталогом книг для чтения воспитанниками кадетских корпусов» (1885) и рекомендательными отзывами в «Педагогическом сборнике». В состав «Родительского кружка»¹ при Педагогическом музее входил М. В. Соболев, который занимался вопросами детского чтения и опубликовал ряд известных библиографических пособий: «Указатель статей, помещенных в детских журналах и сборниках (за 1875 и 1885 гг.)», «Библиотека избранных сочинений для детей младшего и среднего возраста» (1882), «К елке» (1890, 2-е изд. 1895), «Справочная книжка по детскому чтению» (1903). С 90-х годов при комитете Педагогического музея был учрежден отдел самообразования, члены которого рассматривали и вопросы рекомендательной библиографии.

«Педагогический сборник» был учрежден по Высочайшему повелению об издании журнала вместо «Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». С появлением нового печатного органа управления начинают публиковаться отзывы на книги, чего не было в прежней версии журнала. «Педагогический сборник» был широко известным и востребованным изданием. В журнале принимали участие такие педагоги, как В. И. Водовозов, А. Я. Герд, Н. Ф. Бунаков, Н. Х. Вессель, А. Н. Острогорский, А. И. Григорович, В. А. Евтушевский, Г. А. Леер, Л. Н. Модзалевский, К. Д. Ушинский, Ф. И. Симашко, К. К. Сент-Илер.

¹ «Родительский кружок» – просветительское учреждение в области воспитания и обучения. Оно объединяло психологов, педагогов, священнослужителей, ученых, литераторов и врачей. Основная задача деятельности кружка — вовлечь родителей в гуманное воспитание детей. Кружок функционировал под руководством генерал-лейтенанта В. П. Коховского, основателя и первого директора педагогического музея военно-учебных заведений.

Военное министерство публиковало и отдельные каталоги: «Систематический каталог для фундаментальных библиотек военных гимназий» (1866), «Справочный каталог изданий, о которых было объявлено в Циркулярах Главного штаба с 1870 по 1875 г.» (1876), «Каталог книг для чтения воспитанников кадетских корпусов» (1885). Ими руководствовались при составлении библиотек военно-учебных заведений, содержание которых строго контролировалось инструкциями.

Военные педагоги осуществляли руководство детским чтением независимо от других центральных институтов через соответствующее подразделение (Главное управление военно-учебных заведений), а результаты отбора помещались как в собственном печатном органе, так и в отдельно изданных каталогах и указателях.

Ведомство учреждений императрицы Марии (ВуИМ, 1796 – 1918) не имело такой разработанной системы отбора и контроля детского чтения, которая существовала у трех представленных институтов. Учебно-воспитательное содержание (в том числе детское чтение) функционирования детских приютов заимствовалось у МНП и Св. Синода. Учебная программа детский приютов, за редкими исключениями, не выходит из тех скромных рамок, которые обуславливаются задачей приютского призрения и соответствует программам, утвержденным Министерством народного просвещения для народных училищ; обучение же Закону Божию производится по программам, одобренным для означенных училищ Св. Синодом [10, с. 71]. Детские приюты не относились к числу привилегированных учебных заведений. Большинство из них содержалось за счет самокупаемости и самообеспечения. Вероятно, использование и применение уже проработанных и изданных программ и пособий было удобным и недорогим вариантом.

Выделяя Ведомство императрицы Марии как регламентирующий институт, мы руководствуемся тем, что кроме читателей из духовно-приходских школ, читателей различного типа гимназий и школ, подведомственных МНП, кадетских корпусов и других военных учебных заведений, можно выделить *обездоленного* читателя-ребенка (сирота, больной и пр.), который находился на попечении благотворительных учреждений: воспитательные дома, сиротские приюты, школы благотворительных обществ. Читатель из детского приюта был читателем из народа. Потому для его образования применялись действующие программы и руководства, уже созданные для народных училищ.

Другой тип ребенка, образование и воспитание которого было доверено Мариинскому ведомству, – читатель женского пола. К числу опекаемых ведомством учреждений относились также женские учебные заведения. В начале 1870-х годов открытые женские гимназии численностью превосходили мужские гимназии. Ко второй половине XIX века Ведомство учреждений Императрицы Марии имело в своем попечении более пятисот благотворительно-воспитательных заведений [3,

с. 32]. Библиотеки женских гимназий нуждались в экспертной оценке и одобрении. В отчете за 25 лет деятельности ведомства отмечается, что «было сделано распоряжение о составлении каталогов книг на русском, французском и немецких языках для устройства библиотек в учебных заведениях ведомства» [9, с. 30].

Во главе Мариинского ведомства находился опекунский совет, которому покровительствовали император и императрица. В 1844 году при IV отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии существовал Учебный комитет, в компетенцию которого входило руководство детским чтением. В 1898 году в Учебном комитете председатель руководил девятнадцатью членами, среди которых был детский писатель В. П. Авенариус [11, с. 79]. Учебный комитет представлял на подпись главноуправляющему Постановление о рекомендованных книгах, которое утверждалось и передавалось для уведомления начальникам учебных и воспитательных заведений.

Рекомендация детской книги фиксировалась в журналах заседаний, которые не являлись открытыми и доступными источниками. Рассматривались учебные планы и списки рекомендованной литературы. Результат деятельности ведомственных заседаний широкой педагогической общественности был доступен в журнале «Женское образование»¹, в котором публиковались отзывы на книги в отделе библиографии и утвержденные постановления [12, с. 58 – 59]. Кроме того, к журналам ведомства можно отнести журнал «Звёздочка», который издавала А. Ишимова. В заглавие журнала было вынесено: «Звёздочка, журнал для детей, посвященный благородным воспитанницам институтов Её Императорского Величества». Отметка о рекомендации книги Мариинским ведомством помещалась и на издаваемых книгах. На титуле каждой книги В. П. Авенариуса печаталась «очень много в ту пору значившая» ремарка, своего рода «доверительный знак»: «Одобрено Ученым Комитетом Министерства народного просвещения и рекомендовано Учебным комитетом ведомства императрицы Марии для всех библиотек учебных заведений, а равно для наград» [14]. Рекомендация Учебного комитета ВуИМ так же, как и рекомендация МНП, использовалась в качестве маркера как художественной ценности книги, так и её «благонамеренного» характера. А члены комитета, председатель и начальник ведомства были одной из тех сил, которые предлагали читателю, читательницам и их родителям корпус книг для чтения. Сам же институт находился под опекой представителей императорской семьи.

Традиция контроля и руководства детским чтением получила, таким

¹ «Женское образование» – педагогический журнал для родителей, наставниц и наставников. Издавался в Санкт-Петербурге с 1876 г. С 1872 по 1875 гг. издавался как «Педагогический листок Санкт-петербургских женских гимназий». С 1892 г. переименован в «Образование». В 1909 г. вышел последний номер журнала.

образом, в XIX веке институциональное оформление. В 1860-е годы детскую литературу оценивали и ранжировали не только отдельные критики (В. Г. Белинский) или образовательные (школа) и воспитательные (семья) силы в частном и нерегламентированном порядке. Представления о «правильной» детской литературе стали формироваться специально учреждаемыми комитетами, комиссиями, обществами и кружками как со стороны власти, так и со стороны общества. Мы выделяем три силы, регламентирующие чтение ребёнка в дореволюционной России с 1860-х по 1917-е годы: власть, общественность, местные учительско-родительские объединения. Власть представлена Св. Синодом, МНП, Военным министерством, ВуИМ. Эти центральные институты руководили оценкой и отбором книг «сверху» и были равнозначными. Помимо рассмотренных в настоящей работе агентов влияния на чтение детей существовал ряд других структур. Второй силой (общественные организации разного статуса) стали редакции журналов, кружок педагогов-писателей при книжном магазине С. А. Скирмунта «Труд», Общество распространения полезных книг, Общество распространения технических знаний, Подвижной музей при Русском техническом обществе, Петербургское общество содействия дошкольному воспитанию детей, а также Петербургский, Московский и Киевский Комитеты грамотности. Названные институты являлись сообществом педагогов, писателей, библиографов, общественных деятелей, журналистов, издателей, деятельность которых в свою очередь руководилась органами царского правительства (прежде всего МНП). Комиссии по детскому чтению, которые учреждались этими объединениями, были коллегиальными сообществами, регулярно издающими списки и указатели книг. К последней силе относятся родительские комитеты и учителя.

Правительственные институты (духовное, военное ведомства, МНП и ВуИМ) предлагали одобренный и единственно верный корпус текстов. Другие подсистемы играли не меньшую роль в формировании круга детского чтения. Однако они ориентировались на официальные министерские каталоги и должны были рекомендовать те книги, которые в них входили.

Разветвленная система учреждений, руководящих чтением детей, обусловлена особенностями образовательного сектора, в котором были представлены разные типы школ, на основании чего формировались читательские группы: учащийся церковно-приходской школы, мужской гимназии, женской гимназии, кадетского корпуса и т.д. Можно говорить о том, что «многообразие форм образовательных организаций, их организационно-правовой формы, ведомственной подчиненности, состава учредителей и источников финансирования» [18, с. 27] распространилось на институты рекомендательной библиографии.

Все существующие формы (Учебные комитеты, кружки, комиссии и пр.) не выходили за рамки проекта власти по созданию «нового человека». Функцией «инструмента преобразования нравов и интеллектуального совершенствования» наделялось не только образование [5, с. 350], но и чте-

ние, с помощью руководства которым планировали вырастить прекрасного ребёнка в духе «самодержавия, православия и народности». Сообщество людей, участвующих в просветительно-контролирующем сопровождении детского чтения в 1860-х – 1917-х годах, образовало новую профессиональную группу чиновников. Традиция контроля чтения детей продолжилась в советской России с видоизмененной институциональной структурой и другими руководителями.

Список литературы

1. Бахтин Н. Чтение с воспитательными целями // Труды руководителей и слушателей педагогических курсов военно-учебных заведений. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1906. – С. 109 – 147.
2. Бернацкий В. А. 50-тые гл. упр. военно-уч. зав. 1863 – 1913. – СПб., 1913.
3. Ведомство учреждений Императрицы Марии 1797 – 1897. – СПб.: Общественная польза, 1897.
4. Высочайше одобренные временные правила о порядке рассмотрения, одобрения и введения в употребление учебных руководств и пособий для средних и низших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // ЖМНП. – 1865. – Ч. СХХVI. – № 4.
5. Лескинен М. В. Книги для чтения и хрестоматии для начальной школы как инструмент формирования «нового человека» в России последней трети XIX в. // Учебный текст в советской школе. – СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. – С. 349 – 374.
6. Маляревский А. И. Воскресная церковно-приходская народная библиотека. – СПб., 1888.
7. Машкова М. В. История русской библиографии начала XX в. (до октября 1917 г.). – М., 1969.
8. Народное образование. – 1896. – № 1.
9. Обзорение учреждений Императрицы Марии в 25-летие, с 1828 по 1853 г. – СПб.: Типография Опекунского Совета, 1854.
10. Отчет по ведомству детских приютов. – СПб.: Типография В. Киришбаума, 1896.
11. Памятная книжка Ведомства учреждений Императрицы Марии. – СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1898.
12. Постановления Учебного комитета // Женское образование. – 1876. – № 7. – С. 58 – 59.
13. Правящая Россия: полн. сб. свед. о правах и обязанностях адм. учр. и должн. лиц Российской Империи: от гос. совета по дер. сел. старосты: в 3 ч. – СПб., 1904.
14. Прокопов Т. Ф. «И твой восторг уразумел...». Книги для всех Василия Авенариуса // Авенариус В. П. О Пушкине: Биографическая диалогия. Литературные очерки. Лицейские стихотворения А. С. Пушкина / сост., вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. – М.: Школа-Пресс, 1998. – [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/a/awenarius_w_p/text_0020.shtml (дата обращения: 25.03.2012).
15. Разбор 35-ти книжек «Приходской библиотеки С. Миропольского // Народное образование. – 1896. – № 1. – С. 115.
16. Реестр книг, которые могли бы быть с пользою употреблены в начальных народных училищах // ЖМНП. – 1863. – № 6.
17. Рыбина Е. Ф. Библиография литературы для детей: Учеб. для библиотеч. фак. ин-тов культуры и пед. вузов / под ред. С. А. Трубникова. – М.: Книга, 1984.

18. Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской Империи. – М., 2009.
19. Систематический каталог книг, рассмотренным Ученым Комитетом Министерства народного просвещения и Ученым комитетом при Св. Синоде, в период с 1869 года по 1874 год включительно и одобренным для мужских и женских гимназий и прогимназий и для реальных, уездных, городских, женских и еврейских училищ, а также для учительских семинарий и институтов. – Одесса: тип. П. Францова, 1875.
20. Сопецинский А. Указатель книг, одобренным Ученым комитетом Министерства народного просвещения. – СПб., 1884.
21. Указатель книг для детского и народного чтения с обозначением одобренных из них Святейшим Синодом, Министерством народного просвещения, детскими журналами и частными специально для рассмотрения народных и детских книг составившимися комиссиями. – М.: тип. Е. Г. Потапова, 1892.
22. Читальня народной школы. Март-июнь 1896 г. // Народное образование. – 1896. – № 12. – С. 98 – 110.

Эволюция мотивации героя как результат жанровой конвергенции социального очерка и производственного романа

В статье рассматриваются причины художественного кризиса жанра производственного романа в эпоху «оттепели». Автор анализирует эволюцию личностной мотивации героя произведений о человеке труда в период с 20-х по 60-е годы XX века и делает вывод о ее динамике от внешней (социальной) к внутренней (индивидуальной, психологической) мотивации. Анализируя специфику художественного кризиса производственного романа, автор выдвигает гипотезу о жанровой конвергенции социального газетного очерка и производственного романа.

Article's author dwells on the reasons of artistic crisis in a production novel in "thaw" epoch. Author analyses evolution of self-motivation of the hero of novels about a man of labour in the period of 1920s to 1960s, and summarizes its dynamics from external (or social) to internal (individual, psychological) motivation. Analysing particularities of the production novel artistic crisis, author hypothesizes the genre convergence of the social newspaper sketch and the production novel.

Ключевые слова: производственный роман, социальный очерк, эпоха «оттепели», индивидуальная и социальная мотивация личности, человек труда.

Key words: production novel, social sketch, "thaw" epoch, individual and social character motivation, a man of labour.

Эволюционная специфика литературных портретов героев производственного романа способна дать ответ на вопрос о кризисе этого жанра в годы «оттепели». Действия персонажа определяет образ цели. «Мотивация вспыхивает на всех уровнях характера, сознательном, подсознательном, инстинктивном. И превращается в намерение, осознанное желание достичь цели. Драматическая ситуация – это барьер, который надо преодолеть, чтобы двигаться дальше», – считает А. Митта [14, с. 65]. В ранних производственных романах такой целью является запуск крупного промышленного объекта, например, домны (Н. Ляшко, «Доменная печь»), индустриального предприятия (Ф. Гладков, «Цемент», В. Катаев, «Время, вперед!», Я. Ильин, «Большой конвейер»), металлургического завода (А. Малышкин, «Люди из захолустья», И. Эренбург, «День второй») или другой масштабной стройки (М. Шагинян, «Гидроцентральный», Ф. Гладков, «Энергия»). Нередко запуск индустриального гиганта связан с освоением с риском для жизни диких и безлюдных территорий (Л. Леонов, «Соть», В. Кетлинская, «Мужество»). Это внешняя, или социальная, мотивация. Она совпадает с внутренней психологической системой ценностей героя.

Ведущей личностной характеристикой литературных портретов канонического производственного романа является воля, сила духа. Эта личностная доминанта даже отражена в названии романа В. Кетлинской «Мужество». Воля как доминанта литературного характера и яркий образ цели (построенного своими руками завода или города) позволяют героям преодолевать сложнейшие драматические обстоятельства: «Ребята! Комсомольцы! Что же вы голову повесили! вспомните Пашу Матвеева, – у него была цинга, он вечером лежал, отдышаться не мог, а на работе был первым, и на каждый случай у него находилась шутка! А все потому, что он мечтал о комсомольском городе, хотел построить его» [6, I, с. 175].

Нечеловеческими усилиями возводится бумажный комбинат на Соти (Л. Леонов, «Соть») и Красногорский металлургический комбинат («Люди из захолустья» А. Малышкина). Азарт победы позволяет героям романа-хроники В. Катаева «Время, вперед!» в рекордные сроки забетонировать плотину. Волевая одержимость героев доходит до героического фанатизма. На стройке плотины на глазах у немецкой делегации погибает инженер Байкалов («Энергия» Ф. Гладкова). Ради индустриальных побед герои отказывают себе в семейных радостях («Цемент» Ф. Гладкова, «Василиса Малыгина» А. Коллонтай), в сне и отдыхе («Время, вперед!» В. Катаева), днюют и ночуют на производстве («Доменная печь» Н. Ляшко), не обращая внимания даже на болезни (В. Кетлинская, «Мужество», Л. Леонов, «Соть»).

В художественном образе героя важно разграничить внешнюю (социальную) мотивацию и внутреннюю (индивидуально-психологическую). Однако в раннем производственном романе социально обусловленная профессиональная самореализация сопровождается чувством личной сопричастности к великому строительству, а значит, внутренняя и внешняя мотивация срашиваются. Такова особенность образа героя производственного романа 1920 – 1930 годов. Но в годы «оттепели» мы будем наблюдать уже не конвергенцию внутренней и внешней мотивации, а, напротив, их дивергенцию.

Вообще, структура самооценки (термин Р. Б. Бернса [3]) не обязательно ограничивается профессиональной самореализацией. Это характерно для людей определенной ценностной ориентации [13] и с интеллектом выше среднего, по мнению А. К. Марковой [12]. Однако для большинства людей самооценка зависит не только от профессиональной, но и от других социальных ролей, – семья, дети, хобби [12]. Такого рода ценностные ориентиры появятся у героев производственного романа в годы «оттепели», и художественный портрет героя станет более многогранным и дифференцированным.

В раннем производственном романе самооценка героя определяется его ролью в рождении индустриального детища, которое способно стать значимее собственного ребенка. Понятие дома расширяется до масштабов стройки, а понятие семьи до понятия коммуны, как в романе А. Коллонтай

«Василиса Малыгина». Не случайно Н. Л. Лейдерман определяет производственный роман как «жанр, в котором человек рассматривается прежде всего в свете его рабочих функций» [16, с. 30].

В производственном романе эпохи «оттепели» производственная социальная доминанта снижается, и линейная зависимость между самоуважением в структуре самооценки героя и его трудовыми подвигами прекращается. Так, в «Журбиных» В. Кочетова коллизии рабочего коллектива подаются через призму семейной жизни: «Иван Степанович отдавал заводу все силы, все свое время, ничто иное, кроме завода для него и не существовало. Он не ездил в театр, почти не бывал в кино, читал только техническую литературу. От семьи оторвался, домой приезжал пообедать да переночевать. Он думал, что так и надо. Но дед Матвей наговорил об этом таких слов, что Иван Степанович не мог их забыть» [8, с. 280]. Герои производственного романа эпохи «оттепели» мечтают уже не только трудовых успехах, но и о личном счастье, задумываются о смысле жизни, особенно, если их производство связано с наукой, умственной деятельностью. Так, герой «Атомграда» М. Колесникова Алексей Антонович мучительно переживает трагедию в личной жизни: «Я боюсь потерять Марину, но еще больше боюсь казаться смешным в ее глазах» [7, с. 74]. Одновременно ученый задумывается о смысле жизни: «Почему жизнь дается только один раз? В сорок пять задаешь себе этот банальный вопрос совсем по-иному, чем в юности. Почему?» [7, с. 75].

Дисгармония в личной (семейной) жизни для героев «оттепели» мучительно трагична, в то время как в раннем производственном романе подобное расценивается как нечто второстепенное относительно великого строительства: «Пожалуйста, без драм! – Сказала Тоня и вытерла лицо мокрой рукой. – Ты все преувеличиваешь. Любви нет. Есть половая потребность. И незачем мокнуть под дождем из-за таких пустяков» [6, I, с. 226]; «Сергей не чувствовал грусти. Завтра он сам поведет паровоз <...> – «Девушек позвал бы. Есть у тебя знакомые девушки?» – «Знакомые есть, а звать некого» – «Что ж так? Не завел?» – «Некогда!», – хмуро ответил Сергей» [6, I, с. 662].

Спецификой внутренней (психологической) мотивации героя-производственника, которая в годы «оттепели» активно вытесняет мотивацию внешнюю (социальную), является насыщение романного образа очерковой спецификой. На первый взгляд, явление невероятное: сращение крупной формы романа и малой литературно-публицистической формы очерка. Однако у Николая Либана находим подтверждение нашей мысли о возможности жанровой конвергенции романа и очерка: «Очерковая литература стоит гораздо ближе к роману и повести, нежели к мемуару <...>. Сама форма очерка толкала писателя к тщательному анализу жизненных фактов. Более того, сама природа очерка требовала героя, но не в литературном смысле. Герой романа всегда заинтересовывает нас богатством своего духовного мира, герой же очерковой литературы волнует нас своей

предельной жизненностью, типичностью» [10, с. 317 – 318]. Именно житейскую и жизненную очерковость в образе героя мы видим, скажем, у героя производственной повести Г. Владимова «Большая руда» Вити Пронякина, который прибыл на рудник не трудовые подвиги совершать, а «хорошо обустроиться». Он подыскивает и своей жене «теплое местечко» кассирши в буфете и пишет ей соответствующее письмо: «Дорогая моя женулька! – вывел он с сильным наклоном влево и аккуратными закорючками. – Можешь считать, что уже устроился. Дали пока что старый «МАЗ», но я же с головой и руками, так что будет как новый, и прилично заработаю. Есть такая надежда, что и комнатешку дадут, хотя здесь многие нуждающиеся. А я бы лично, если помнишь наш разговор на эту тему, своей бы хаты стал добиваться. Хватит, намыкались мы у твоих родичей, да и они над нами вдоволь поизгалялись...» [4, с 21].

В годы «оттепели» трудовой героизм теряет привлекательность. Сравним романы о прокладке оросительных каналов в Туркменистане Б. Ясенского «Человек меняет кожу» и Ю. Трифонова «Утоление жажды». Атмосфера героического строительства у Б. Ясенского коррелируется с романом-хроникой «Время, вперед!» В. Катаева, достаточно вспомнить письмо американского инженера Джима своей жене: «Как я здесь живу? Живу довольно странно. Атмосфера, в которой мы работаем, мало походит на ту рабочую обстановку, к которой мы привыкли в Америке. И работа мало походит на работу у нас. Здесь ее называют ударной работой. Атмосфера героического азарта, что-то среднее между спортивным соревнованием и крупной игрой» [23, с. 280]. А вот цитаты из романа «Утоление жажды» Ю. Трифонова, повествующего также о строительстве оросительного канала в Туркменистане: «Я ехал в пустыню потому, что у меня не было выхода. И я не любил ее, и не думал о ней. Я вспоминал о другом. И кроме того, меня мучила жажда» [19, с 17]; «Есть такой экскаваторщик, Нагаев. Известный человек, о нем писали газеты, даже я сам писал.... Так вот, я у Нагаева спрашиваю: «Зачем, говорю, вы себя так дьявольски изнуряете? Ведь работают, они, звери, без выходных и ночей не спят, жадность к этим самым кубам – лютая. – А что ж, говорит, пока рубль длинный, теряться не приходится. Понятно? Я говорю о стимуле» [19, с. 91]; «Все врут, кроме Нагаева. А простофили вроде нас с тобой, у которых никогда ничего нет, говорят, что деньги – дерьмо» [19, с. 223].

Итак, тенденция перехода от внешней (социальной) мотивации к внутренней (индивидуально-психологической) и создание литературного портрета героя производственного романа на очерковой фактуре – одна из ведущих тенденций для литературы эпохи «оттепели». Так, трудовой стимул высокого заработка становится одной из личностных характеристик героев романа «Водители» А. Рыбакова: «Вертилин был деляга. Алчные, но трусливые по натуре, эти люди всю свою энергию отдают хитро маскируемым комбинациям, единственная цель которых – стяжание. Смысл жизни они видят в ее удобствах, но с годами каждый незаконно нажитый

рубль становится для них источником все новых страхов и забот. Они становятся расчетливыми и беспокойными, сохраняя, однако, замашки широких натур» [17, с. 130]. Отметим, что высокий заработок является одной из ведущих тем социального очерка, но в большинстве своем она носит не осуждающий стяжательство, а позитивный характер. Так, в социальном очерке «Легко ли быть шофером» известного советского очеркиста В. Аграновского целых два эпизода посвящены деньгам – «долг» [1, с. 11 – 12] и «бюджет семьи» [1, с. 15 – 16]: «В воскресенье сижу дома у Пироговых. Мы рассчитываем бюджет семьи. С чего начнем? С еды? Нет, Пирогов предлагает иную систему подсчета. Давайте, говорит он, прикинем все траты за минувший год, а все что останется, – и есть еда. Я догадываюсь, что так они и живут, в основном, экономя, если уж приходится экономить, на пище. Именно поэтому есть в доме и холодильник, и телевизор, и радиоприемник, и ковры на стенах, и швейная машина. Живут Пироговы «со всеми удобствами» [1, с. 11].

Когда подобные очерковые точные детали становятся основой для литературного характера, то и сам образ героя теряет сюжетный потенциал для романного действия. Отметим, что фотографическая детализация образа героя без художественного обобщения проявила себя еще в индустриальных романах французского автора Пьера Ампа «Рельсы», «Шампанское», «Песнь Песней», а его повесть «Свежая рыба» вышла удачной во многом благодаря ограниченности текстового полотна. При этом у Пьера Ампа очевидна публицистическая тональность в повести «Свежая рыба»: «Сдержанный гомон стоял в ресторане, переполненном посетителями. Иногда под глухой аккомпанемент слитных человеческих голосов раздавался звон золотой монеты, брошенной на тарелку в уплату какого-нибудь крупного счета. Нетерпеливые обжоры, требуя официанта, стучали вилкой о звенящий фарфор посуды» [2, с. 45]. Сравнивая этот образец индустриальной прозы с отечественной производственной прозой и советским же социальным очерком, мы видим, что советские авторы также апеллируют к очерковой детализации, и газетной пропаганде. В повести о рыбаках «Капитан "Смелого"» Виль Липатов создает позитивный очерковый эпизод обеда рыбаков в доме капитана. Перед нами выполненный в художественной стилистике социальный заказ: «В доме капитана ужинают долго, не торопясь, и почти молча. Стол богато и разнообразно накрыт. В семье любят хорошо поесть. Суп с гренками, жаркое, вареники, простокваша, масло и на десерт варенье. Едят просто. Капитан жирные куски мяса хватает смело, кидает на тарелку, большим и острым ножом отваливает порядочные куски, круто солит и в два слоя мажет горчицей. Простоквашу едят деревянными ложками. На куски толстого хлеба мажут такой же толстый слой масла. Наедаются досыта» [11, с. 25]. Эта тональность перекликается и с социальным очерком, который во время «оттепели» издают отдельными книгами: «В сложной корабельной жизни особняком стоит столовая. Это не просто помещение, где завтракает, обедает, полдничает,

ужинает рядовой состав. Это не просто кинозал и место, где проводят собрания и политбеседы. Это своеобразный барометр настроения экипажа. Столовая все знает заранее по одним ей знакомым приметам. Продлят ли рейс, будет ли сменен район промысла, какие уловы у «тропиков» и каков промысел в других океанах. По всем вопросам столовая имеет свое мнение, выверенное ее опытом в предыдущих рейсах» [15, с. 71].

Отметим, что взаимопроникновение художественных приемов социального очерка и производственной повести характеризуется не только созданием образа социально позитивного трудового героя, но и, напротив, героя с уничижительной бытовщиной. И в этом случае, руководствуясь приоритетом натурализма, автор не создает романских характеров: «Маркони вытащил поллитру «Московской», мы отпили по глотку, и закусили яблоками. «Как находишь?» – он показал на расцарапанную щеку. – Все, как полагается? Пробоина чертова!» <...>. Мне хотелось про зарплату сказать, но я как-то уже и сам в нее не верил. Только сказал: «В таких случаях команда должна решать. Ситуация-то с судном аварийная!» – «Тоже верно. Значит, – за счастливый промысел?» Мы отпили еще из горлышка» [5, с. 216]. В этом эпизоде нет главного для романной перипетии – ситуации морального выбора, связанной с риском. Нет накала страстей, нет сшибки интересов, противостояния характеров, нет масштабности в образах героев, хотя «Три минуты молчания» сам автор именуется романом.

Художественно удачные психологические портреты встречаются лишь у тех авторов, которые способны включить героя в сюжетный конфликт, требующий от героя мобилизации всех жизненных ресурсов и ставящий героя на грань жизни и смерти. Именно таков «Танкер "Дербент"» Юрия Крымова (1938), заявленный автором, как повесть, но по сути своей, представляющий роман. В отличие от производственного романа «Три минуты молчания» в этом произведении о моряках мы видим при аналогичной же критической ситуации в море совсем иные по масштабности и эмоциональной насыщенности художественные портреты героев: «Опять затрещал телеграф. СОС <...>. Я, «Узбекистан», имею на борту груз мазута. Взорвались десятые танки. От взрыва теряю остойчивость. Танкер «Дербент» уходит, не отвечая на сигналы <...> СОС. <...> Пауза. Муся передает телеграмму. «Сволочи!» – Говорит она гневно. – Бросили товарищей! <...> Почему они уходят? – Они тоже с грузом мазута. Боятся сгореть. – Подлецы! Шкуру спасают, да?» [9, с. 9]; «Не знаешь? – бешено заревел Гусейн, расталкивая людей, чтобы получше разглядеть капитана. – Ты не знаешь? Должен знать, если ты командир, а не какая-нибудь...». Он не договорил и метнулся к рубке <...> [9, с. 168]. Таким образом, мы видим, что во время «оттепели» производственный роман потерял те романские характеристики в образе героя, которые присутствовали в этом жанре в предвоенные годы.

Производственный роман больше других литературных жанров оказался зависим от конъюнктуры времени. Время «оттепели», в сравнении с

годами первых пятилеток, – время низких производственных рисков. Не обладающие драматизмом смертельной опасности обстоятельства рождают рутинные сюжеты. Это коррелируется с социальным очерком, который в годы «оттепели» начинают издавать отдельными книгами. Трансформация проблематики производственного романа эпохи «оттепели» связана также с глобальным понятием цены человеческой жизни. В раннем производственном романе цена человеческой жизни подчас становится острой сюжетной проблемой: «Заговорил Гранатов. – «Я вас спрашиваю, разве можно перестроить жизнь без жертв? Мы должны строить в легендарно короткие сроки. И надо иметь мужество, сказать самому себе, да, будут жертвы! Да, этот город вырастет на костях <...>. Партком должен понять, главное – это корабли. Корабли, а не люди. И мы должны пойти на любые жертвы, но в кратчайший срок построить завод». Морозов прервал его грубо, недружелюбно. – «На костях, на костях! Вздор! Кому это нужно? <...>. Это паника какая-то, а не политика! В чем дело, лес кругом, дома построить нельзя? Врачей нет? Вот о чем надо говорить. А вы – "на костях!"» [6, I, с. 162 – 163].

Однако уже в 60-е годы героическая тональность морального выбора сменяется рутинной. Проблема цены человеческой жизни и высоких рисков, отвечающая драматургии именно романа, отсутствует за редким исключением, как, например, у Д. Гранина в «Иду на грозу». Житейские и будничные темы заработка («Утоление жажды» Ю. Трифонова, «Три минуты молчания» Г. Владимова), любовных походов («Атомград» М. Колесникова) и бытового обустройства («Большая руда» Г. Владимова) и даже борьбы с пристрастием к алкоголю и другими вредными привычками («Своя ноша не тянет» В. Липатова) вытесняют проблематику героического строительства. Замена социальной мотивации в образе героя мотивацией индивидуально-психологической парадоксальным образом демонстрирует незначительность личностных задач. Смыслополагание «работа ради денег» для образа героя производственного романа эпохи «оттепели» становится разрушительным. На примере романа «Не хлебом единым» В. Дудинцева мы видим, что деньги как средство решения социально значимой задачи могут стать элементом сюжетного поворота (История продажи норкового манто). Однако драматического потенциала в деньгах как самоцели действия персонажа для сюжета не оказывается. Это видно на примере «Легенды о Летучем голландце» из повести Г. Владимова о моряках «Три минуты молчания»: «Он сидел в банке до закрытия, с чемоданом денег под боком. Не знаю, чего он боялся, никто б его и без милиции не тронул. Ведь он же стал легендой! <...>. Если подумать, ведь он эти деньги все равно что в тюрьме отсидел, а ради чего? <...>. Я вот часто думал о нем и никак его не постигну» [5, с. 114].

Литературный портрет трудового человека, созданный на фактуре социального очерка, не обладает масштабностью характера и проблематикой, необходимой для произведения крупной формы. Перед нами феномен

«подмены жанровых категорий», литературный портрет героя социального очерка экстраполируется на жанр повести и даже романа. Можно говорить о конвергенции литературно-художественного и очерково-публицистического образов героя и о жанровом сращении двух, казалось бы, очень далеких друг от друга жанров – романа и очерка. Художественно удачными романы о рабочих оказываются в том случае, когда автор прописывает всю социальную пирамиду производства и полифоничность социальных ролей человека, а не только его производственные функции.

Список литературы

1. Аграновский В. Шофер // Социальный портрет. – М., 1967. – С. 5 – 22.
2. Амп П. Свежая рыба / пер. с фр. В. Малахиевой-Мирович, Л. Гуревич. – М.: Недра, 1925.
3. Бернс Р. Б. Развитие Я-концепции и воспитание / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. В. Я. Пилиповского. – М.: Прогресс, 1986.
4. Владимов Г. Н. Большая руда. – М.: Сов. Россия, 1962.
5. Владимов Г. Н. Три минуты молчания. – М.: Современник, 1976.
6. Кетлинская В. К. Собрание сочинений. В 4 т. – Л.: Худож. лит., 1978.
7. Колесников М. С. Атомград // М. Колесников. Атомград. [Миртовое кольцо]: повести. – [М.], 1966. – С. 3 – 195.
8. Кочетов В. А. Журбины. – М.: Вече, 2011.
9. Крымов Ю. Танкер «Дербент». – Л.: Лениздат, 1976.
10. Либан Н. И. Избранное. Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды: к 100-летию со дня рождения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
11. Липатов В. Капитан «Смелого». – Чита: Читин. кн. изд-во, 1960.
12. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996.
13. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. – 3-е изд. – М. [и др.]: Питер, 2011 (Мастера психологии).
14. Митта А. Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Курасаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Зебра Е, 2008.
15. Плешаков Л. Рыбак // Социальный портрет. – М., 1967. – С. 67 – 79.
16. Русская литература XX века, 1917–1920-е годы: учебное пособие для студентов высшего профессионального образования. В 2 кн. Кн. 2 / под ред. Н. Л. Лейдермана. – М.: Академия, 2008.
17. Рыбаков А. Н. Водители. – М.: Сов. писатель, 1953.
18. Социальный портрет. – М.: Правда, 1967 (Б-ка «Комсомольской правды»).
19. Трифонов Ю. Утоление жажды. – М.: Худож. лит, 1967.
20. Ясенский Б. Человек меняет кожу. – Л.: Лениздат, 1980.

Авантюренность в исторической прозе Б. Окуджавы

В статье рассматривается авантюренность как романное начало исторических произведений Б. Окуджавы. Авантюренность воплощается через специфическую формульность – соответствующие повествовательные приемы и сюжетные схемы (путешествие, погоня, любовная интрига, обыск). Авантюренный сюжет используется для раскрытия сложности современной писателю действительности.

In article adventurousness is considered as the novelistic beginning of historical novels of B. Okudzhava. Adventurousness embodied through specific formularity - corresponding narrative devices and plot scheme (travel, chase, a love affair, the search). The adventurous plot helped the writer to open complexity modern to it reality.

Ключевые слова: исторический роман, авантюренность, авантюрный герой, сюжет, ирония, свобода, «частный» человек.

Key words: historical novel, adventurousness, adventurous hero, plot, irony, freedom "private" person.

Исторические романы Б. Окуджавы являются неотъемлемой частью литературного наследия поэта и прозаика, репрезентативным явлением литературы позднего советского периода. Проза образует художественное единство, целостную систему взглядов писателя, в основе которой проекция русской истории XIX века на современную автору реальность.

Ориентация Б. Окуджавы на создание исторической прозы с ярко выраженным лирическим и философским началом не препятствует проникновению в нее авантюренности. По точному замечанию Н. Тамарченко, главным признаком исторического романа является «сочетание авантюренности и историзма», которое рассматривается в качестве «структурного, то есть формального и содержательного принципа» [9, с. 97]. Это утверждение вполне применимо для характеристики произведений Б. Окуджавы, где авантюренность, воплощаясь через специфическую формульность – соответствующие повествовательные приемы и сюжетные схемы (путешествие, бегство, погоня, любовная интрига, обыск и т.д.), – обеспечивает необходимую свободу для романного сюжета.

В первом историческом романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» авантюренный романский сюжет разворачивается вокруг фигуры главного героя. Важным представляется то, что писатель всегда показывает историческое событие через восприятие «частного» человека. Иван Евдокимович Авросимов служит писарем в Следственном комитете, фиксируя показания участников мятежа на Сенатской площади: «молодой рослый розовощекий человек <...> выражение его лица было всегда удивленным и даже вос-

торженным» [4, с. 26]. Свою должность он получил благодаря протекции дядюшки. Авантюрой являются в романе поиски закопанного «ужасного документа, именуемого Русской Правдой» [4, с. 152], которую должен найти Авросимов, сопровождая в Малороссию арестованного подпоручика Заикина, готового указать властям место сокрытия рукописи. Авантюристическим предприятием в произведении выглядят так и неосуществленные планы Авросимова по освобождению Пестеля из Петропавловской крепости: «“Мешкать нельзя, – подумал наш герой, нацеливая перо на бумагу, – не ровен час – все переменится, а переменится – прощай, полковник несчастный, не жди добра!” <...> План крепости со всеми подходами и углами неожиданно получился весьма верно <...>. Осуществить готовый план он решил нынче же в среду, в полночь» [4, с. 234]. Авантюрное в этом романе Б. Окуджавы имеет особый оттенок. Все, что происходит с героем, выглядит случайным и неожиданным: внезапно выявляется подлинный контекст и смысл сказанного декабристом, появляется та идея, которая меняет жизнь Авросимова. Автору важно показать, как меняется отношение Авросимова к Пестелю: в начале романа – «злодей», затем герой произносит следующие слова «мне вас жалко, жалко, жалко». Постепенно писарь проникается идеями декабризма, мечтает о благородном самопожертвовании во имя свободы и самоутверждения: «Господи, за что ты меня-то помиловал? Вот он весь я, живу на свободе, как голубь лесной. Разве ж это не счастье?..» [4, с. 223] или «свобода не казалась райскими кущами <...> но у него было такое чувство, будто он уже касался ее когда-то, где-то, однажды, совершив первый и теперь уже последний глоток» [4, с. 245].

Авантюрная линия проходит через весь роман, усиливая иронический оттенок в освещении происходящего. В центре повествования не яркая фигура декабриста, его мысли и поступки, а бедный «писарь», оказавшийся свидетелем исторических событий. Авросимов является вымышленным персонажем. Б. Окуджава подчеркивал, что этот собирательный образ почерпнут из протоколов допросов декабристов.

На фоне исторической романистики 1960-80-х годов произведение Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» выделяется, прежде всего, неожиданной в рамках избранной жанровой формы трактовкой прошлого. Критика того времени не смогла адекватно оценить роман, осознать его документальный характер. Исследователи определяли роман как «непонятную вещь» или «странную прозу» [3, с. 190]. Особое значение в этой связи приобретают слова Б. Окуджавы: «Старинный водевиль – это роман, роман исторический. Исторический потому, что он рассказывает об истинном происшествии, имевшем место в России сто лет назад. водевиль потому, что в основу его положено истинное происшествие, совершенно анекдотическое, водевильное по своей сути» [7, с. 24]. В произведении «Похождения Шипова» оригинальность подхода Б. Окуджавы к жанру исторического романа заключается в нарочитом вкраплении в

текст элементов водевиля: песенки-куплетов. Повествование постоянно прерывается повторением строк: «Зачем тебе алмазы и клятвы все мои? / В полку небесном ждут меня. / Господь с тобой, не спи».

В первой журнальной публикации произведение называлось «Мерси, или Похождения Шипова: Старинный водевиль: Истинное происшествие» («Дружба народов», 1971, № 12). В последующих изданиях исчезает слово «Мерси», затем Б. Окуджава убирает из названия «Истинное происшествие», оставляя его только на первой странице. Показательно, что именно слово «мерси» обозначает завязку всего действия. Так, Шипову предлагают узнать, что происходит в имени Л. Толстого, не собирается ли писатель организовать тайное общество. На это герой отвечает: «Мерси <...>. Рад стараться» [5, с. 19]. Водевильная история заканчивается неожиданным «воспарением» Шипова, перед которым он произносит следующие слова: «Вот теперь хорошо, – сказал преступник. – Мерси... – И сложа на груди руки, вытянулся весь, застыл на мгновение и вдруг начал медленно подниматься в воздух, все выше, выше и полетел легко и свободно, не меняя торжественной позы, с едва заметной благостной улыбкой на устах, озаренный пламенем заката, все выше, выше, пока не превратился в маленькую красную точку и не исчез совсем в сумеречном небе» [5, с. 200]. Становится очевидным, что «Истинное происшествие» и «Старинный водевиль» уже заглавием свидетельствуют о несомненной фарсовости документального повествования.

История с доносом на Льва Толстого, результатом которой явился обыск в Ясной Поляне, имела место в действительности. Водевильность этой ситуации описана в статье И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной поляне в 1862 г.» (1932), которая является главным источником для романа Б. Окуджавы. Не будет преувеличением сказать, что И. Ильинский ярко очертил абсурдность обстоятельств, а также раскрыл специфику главного героя Шипова (реального персонажа): «Постоянное появление на сцене этого горохового пальто среди блестящих мундиров шефа жандармов кн. Долгорукова, московского генерал-губернатора Тучкова <...> и других действующих лиц яснополянского охранительного фарса делают фигуру Шипова не только колоритной, но и загадочно-интересной» [2, с. 375]. Шипов – «специалист по карманным воришкам» и Гирос – «доносчик, филер» становятся героями авантюрного сюжета романа Б. Окуджавы. Характеры произведения гротескны в соответствии с законами авантюрного повествования. Сыщик Шипов вводит в заблуждение даже самого «шефа жандармов» князя Долгорукова. Вокруг героя-авантюриста постоянно происходят нелепые водевильные ситуации: то волки на него напали, и он всю ночь проводит на дереве, то Гирос растратил все казенные деньги, то в трактире его ограбят, после чего он отправляется пешком из Тулы в Москву. Комичными выглядят поиски подземных катакомб, тайных помещений или типографических станков для печатанья «противозаконных изданий»: «У пруда собрались уже все. Был полдень. Солнце пекло невыносимо.

Мужики и бабы из окрестных деревень собрались, как на ярмарку. Полковник Дурново сидел на взгорке в плетеном кресле под тенью молодой липы. Фуражку он держал в руке, <...> тонкая шея тянулась из воротника, готовая выскочить из него и мчаться туда, где два жандарма, закатав панталоны, готовились с бреднем зайти в воду <...>. Становой пристав Кобеляцкий стоял у самой воды <...>, надеялся различить очертания злополучного типографского станка» [5, с. 190]. Ирония Б. Окуджавы проявляется в противоречии между «миссией», которую должен был выполнить Шипов, и общей оценкой его действий.

Авантюрная канва романа «Похождения Шипова» помогает автору добиться остроты в постановке многих актуальных вопросов, так как он обращался только к тем историческим фактам, которые присутствовали в современной ему действительности. Собирая материалы о Л. Толстом, Б. Окуджава заинтересовался, почему жандармы постоянно преследовали писателя. Тема сыска, начатая в «Похождениях Шипова», будет развита в следующем романе «Путешествие дилетантов», в котором доноительство и преследование представляются абсурдными и трагическими: «Шпионство у нас – не служба, а форма существования» [6, с. 41]. Показательно, что роман «Похождения Шипова» создавался в тот период, когда разворачивалась писательская кампания в защиту А. Гинзбурга, создавшего «Белую книгу» (лето 1966 года), когда Б. Окуджава подписывает письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля. В контексте данных событий становится очевидным, почему в списке из 18 действующих лиц на первое место поставлен не авантюрист Шипов, а «Толстой Лев Николаевич, граф, отставной артиллерии поручик, тульский помещик, литератор, 34 лет» [5, с. 4]. Л. Толстой является ключевой фигурой исторического романа. Именно вокруг него завязывается водевильная история с обыском и слежкой, о которых он долгое время даже не подозревает. Толстой в романе «Похождения Шипова» – «частный» человек, не знающий, что ждет его впереди. Ни о чем даже не догадываясь, он отправляется «на кумыс», пишет письма тетушке Т. Ергольской. С. Бойко обращает внимание на то, что эти письма Толстого служат камертоном обычной жизни, противостоящей государственной системе, в них складывается мотив «прогулки фрайеров» [1, с. 16]. Данный мотив в дальнейшем актуализируется как в поэзии, так и в прозе Б. Окуджавы, особенно в его романах «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом».

В историческом романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» авантюрна история «бегства» Лавинии и Мятлева из Петербурга на Кавказ, которая составляет основное содержание романа. «Путешествие» в заглавии произведения маркирует фабулу, является косвенным указанием на его стилевые особенности. Сюжетные блоки романа соответствуют авантюрной традиции: тайна, путешествие, любовная интрига, погоня и др.

Нельзя не согласиться с точкой зрения С. Уваровой, которая, анализируя особенности сюжета романа «Путешествие дилетантов», справедливо

отметила: «Авантюрный и исторический хронотопы сосуществуют, разделив “сферы влияния”. Первый определяет внутреннюю жизнь героев и мотивированные ею поступки (вторичное бегство Лавинии, побег Мятлева и др.), второй – внешнюю, видимую, предназначенную для чужого глаза. При этом авантюрный хронотоп предстает как избранный путь, ведущий к идеальному бытию, тогда как исторический воспринимается как бремя судьбы, преграда на пути к идеальному бытию» [10, с. 126]. Героев Б. Окуджавы, вырвавшихся «за шлагбаум» обыденной жизни, преследуют сыщики. В произведении воссоздана эпоха царствования Николая I. Преследование и выслеживание представляются абсурдными: «главную массу составляют шпионы по любви, шпионы-бессеребренники, совмещающие благородную службу с доношением и слежкой» [6, с. 41]. Влюбленные по дороге знакомятся с помещиком Иваном Евдокимовичем, у которого надолго задерживаются, лишь в день отъезда выясняется, что это — Авросимов. Бедный «писарь», повстречавшийся на пути беглецов, показан одиноким, страдающим недоверием к людям: «вызывал ощущение чего-то недосказанного, недосмотренного <...> с непонятной тоской в голубых глазах <...>. Какая-то драма свела его с ума» [6, с. 310 – 321]. Через Москву и Тулу Лавиния и Мятлев отправляются в сторону Пятигорска, но неожиданная встреча с дружелюбно настроенным полковником фон Мюфлингом заставляет их повернуть в Тифлис, к родственникам Амирана Амилахвари. По дороге их задерживают и препровождают в Петербург: князя – в крепость, Лавинию – к законному супругу. Данная любовная коллизия в прозе Б. Окуджавы, увлекающая читателя, – продолжение разработки главной темы его творчества этого периода: судьба и свобода. Понятия «рока» и «судьбы» в исторических романах писателя определяют бессилие «частного» человека перед обстоятельствами, а шире – исторической действительностью. Все действия и поступки героев в романе «Путешествие дилетантов» так или иначе оправдываются действием судьбы, тем самым продолжая формировать авантюрную линию романа: «они обсудили свою незавидную долю, два маленьких человечка, брошенных друг к другу не собственным капризом или прихотью, а Судьбою, а с нею, как известно, шутки плохи» [6, с. 266]; «судьба тайно делала свое дело. Это она заставила его с радостной поспешностью одаривать своих друзей всякими милыми мелочами, будто бы в память об их совместной удаче, а вышло – в память о нем самом, ибо он был убит в самом начале дела» [6, с. 9]; «ночь была насыщена роковыми предзнаменованиями. Они царили во всем» [6, с. 516] и т.д.

В последнем историческом романе Б. Окуджавы «Свидание с Наполеоном» героями авантюрного сюжета становятся авторы трех дневников: Опочинин, Бигар и Волкова. Произведение начинается «записками» отставного генерал-майора Опочинина, который, находясь в своем имении Липеньки, планирует убийство Наполеона во время торжественного обеда: «Император Александр нервничает в Петербурге, поджимая обиженные

губы и негодуя на своих полководцев. Горячий Багратион интригует против осторожного Баркляя, Тимоша бьет по щекам липеньского старосту, распорядившегося высечь мужика перед лицом гибели отечества. Я приготавливаю нечто в надежде разом облагородить искаженный лик истории <...>. Когда обед достигнет апофеоза и все слова будут сказаны, я совершу предназначенное, подожгу фитиль <...>. И вот белые губы молвы разносят, что лазутчики Багратиона спасли Россию в тот самый момент, когда старый безумец Опочинин потчевал Бонапарта обедом и расточал хвалу французам?» [8, с. 276 – 277]. Герой не может остаться равнодушным к происходящему, хотя его идеи выглядят абсурдными. Когда читатель ожидает начала реализации авантюристического предприятия, дневник Опочинина обрывается, он исчезает из повествования, и о его смерти от пули французского солдата говорится уже вскользь.

«Горестные воспоминания о минувшем» французской «певички» Луизы Бигар посвящены событиям в горящей Москве: «Запах удушливой гари, надвигающийся огонь, канун гибели» [8, с. 382]. Во время длительного скитания по горящему городу судьба ее сводит со многими героями: племянником Опочинина Тимошей Игнатьевым, «безумным» гувернером Францем Мендером, с возлюбленным Варвары Волковой – Свечиным. Луиза Бигар рассказывает о событиях в горящей Москве, подробно описывая улицы и свои чувства: «Более недели я не выходила из дому и постепенно, не соприкасаясь с царящим на улицах адом, стала приходить в себя. Где-то там, за стенами, за картоном в окнах, продолжались, видимо, бесчинства <...>. Иногда по ночам до меня доносились из-за окон выстрелы, и я понимала, что жива лишь по милости божьей. В воздухе пахло переменами» [8, с. 410 – 411]. Показательно, что о происходящих событиях читатель узнает только по «горестным воспоминаниям» героини, которая только шесть лет прожила в Москве. Однако Луиза Бигар не снимает с себя ответственности за действия своих соотечественников: «Мне было стыдно, что я француженка, что мои соотечественники прервали нашу милую, почти беззаботную жизнь» [8, с. 369].

Авантюрной представляется история и Варвары Волковой – трансформация бунта ее мужиков в партизанские действия против отступающих французов под предводительством той самой помещицы, которую они еще вчера пытались сжечь: «Со мною собрались двенадцать мужиков, да повар Ефрем, да Дуня. Четыре ружья нашлось, штык, топоры, вилы. Получилось отличное воинство» [8, с. 445].

В рассказе о судьбе Тимоши Игнатьева автор затрагивает вопрос о декабризме, обращается к событиям, связанным со следствием над декабристами. В произведении Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» появляется образ Пестеля, который является героем его первого исторического романа «Бедный Авросимов». Тимоша «укатил на Украину знакомиться с “замечательным человеком” <...> с холодной и неотвратимой немецкой фамилией» [8, с. 487 – 488]. Однако если идеи декабриста полностью изменили

жизнь Авросимова, то Тимоша, вернувшись в Липеньки после встречи с Пестелем, «был растерян и удручен. Долго молчал и глядел в сторону» [8, с. 487]. Декабризм в представлениях Тимоши не олицетворение свободы и справедливости как для Авросимова, а «смерть и разрушение» [8, с. 488].

Так, авантюренность в исторических романах Б. Окуджавы служит «пружиной» в развитии сюжета. Авантюрно не только стремление героев к свободе, обретению собственного смысла жизни, но авантюрно их бытие. Высокие помыслы и благородные порывы оказываются иллюзорными, романтически настроенные персонажи терпят поражение, страдают, гибнут или со временем примиряются с исторической действительностью. За обыденными на первый взгляд поступками кроется трагедия судеб «частных» людей. Следует подчеркнуть, что авантурный сюжет помог Б. Окуджаве раскрыть сложность социокультурной ситуации своего времени: свобода творческого самовыражения в условиях «несвободного» общества.

Список литературы

1. Бойко С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011.
2. Ильинский И. Жандармский обыск в Ясной поляне в 1862 г.: По архивным и печатным материалам // Звенья. – 1932. – С. 374 – 412.
3. Меженков В. Странная проза // Октябрь. – 1972. – № 7. – С. 189 – 203.
4. Окуджава Б. Ш. Бедный Авросимов // Окуджава Б. Ш. Избр. соч. в 2 т. – М.: Современник, 1989. – Т. 1. – С. 25 – 265.
5. Окуджава Б. Ш. Похождение Шипова, или Старинный водевиль: Истинное происшествие // Окуджава Б. Ш. Избр. соч. в 2 т. – М.: Современник, 1989. – Т. 2. – С. 3 – 202.
6. Окуджава Б. Ш. Путешествие дилетантов. – М.: Известия, 1986.
7. Окуджава Б. Тайные агенты: Отрывок из романа «Старинный водевиль» // Памир. – 1970. – № 4 (август). – С. 24.
8. Окуджава Б. Ш. Свидание с Бонапартом // Окуджава Б. Ш. Избр. соч. в 2 т. – М.: Современник. – 1989. – Т. 1. – С. 265 – 527.
9. Тмарченко Н. Д. О своеобразии русского исторического романа («Князь Серебряный» А. К. Толстого) // Вопросы теории и истории русской литературы: Межвузовский сб. научных трудов. – Брянск, 1994. – С. 97 – 107.
10. Уварова С. «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы. Особенности сюжета // Миры Булата Окуджавы: материалы Третьей междунар. конференции, 18 – 20 марта 2005 г. – Переделкино, 2007. – С. 121 – 127.

Огненная стихия в поэзии Ф. И. Тютчева (опыт школьного анализа)

В статье описывается методика изучения творчества Тютчева в школе. Представленные материалы к уроку направлены на формирование исследовательских умений учащихся при анализе мифологических образов в тютчевском тексте.

The article is devoted to the methods of learning Tutchchev's creation at school. The materials presented for the lesson are directed at the research skills forming of students in the mythological image in the Tutchchev's creation.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, методика преподавания литературы, исследовательская деятельность учащихся, символ в художественном произведении, мифологический образ.

Key words: F. Tutchchev, methods of teaching literature, research activity of students, the symbol in the work of art, the mythological image.

Поэзия Ф. И. Тютчева насыщена вопросами о поиске смысла жизни, о великом круговороте природы и месте человека в пространстве бытия. В течение двух столетий появляются исследования, авторы которых пытаются раскрыть художественное своеобразие лирики поэта. Теоретический материал о творчестве поэта стал предметом исследования ученых-методистов, которые к настоящему времени накопили интересный опыт работы со стихотворениями Ф. И. Тютчева в школе. Так, рассматриваются общие вопросы изучения творчества поэта на уроках литературы в 5 – 11 классах (З. Я. Рез, В. Г. Маранцман, Г. И. Беленький, Т. А. Калганова, В. А. Никольский). Особое внимание отводится сопоставлению стихотворений Тютчева с поэзией Фета и Блока (В. П. Бессонова, Н. А. Бодрова, Л. Н. Гороховская), поиску в текстах библейских образов (М. Г. Качурин) и романтических мотивов (Сухая О. А.). Большое число публикаций о творчестве Тютчева принадлежит учителям-практикам, обобщившим в методических изданиях свой опыт работы. Сюда следует отнести статьи Т. Г. Соловей, Е. А. Щербининой, Н. Ю. Корнеевой, Л. С. Денисюк, Г. В. Гололобовой, И. А. Ширшиной и др. Таким образом, очевидно, что обращение к лирике Ф. И. Тютчева в процессе литературного образования имеет достаточно богатый опыт.

Представление о поэзии Тютчева как целостной системе, в которой существуют сложные связи, обусловленные философскими и эстетическими взглядами поэта, – задача непростая, но на завершающем этапе литературного образования следует попытаться решить именно эту сверхзадачу и, что особенно важно, ее решение потребует наличия и развития творче-

ских качеств читателей. Есть множество путей реализации такого замысла. В данной статье предлагается один из возможных.

Начать разговор с учениками можно с сообщения о том, что лирике Тютчева свойствен пантеизм, одухотворение природных сил. Всем, что происходит в окружающем мире, по мнению автора, человек может лишь любоваться. Он не способен полностью понять и осмыслить таинства мироздания, никогда не зависящие от усилий человеческих. В своем поэтическом мире Тютчев изображает беспорядочные стихии, первоосновы бытия. Мысль о мифологизме творчества поэта доказывают в своих исследованиях многие ученые (Ю. М. Лотман, Л. А. Фрейберг, Л. В. Пумпянский, Д. Д. Благой, К. В. Пигарев, Ф. Я. Прийма).

Образы тютчевского творчества часто уходят своими корнями в древние славянские представления о мире. Среди них – огонь как мировая стихия. Обращение к ней на уроке литературы – это один из способов знакомства школьников с образной системой поэта, ее ведущими мотивами. Символика огненной стихии прослеживается в стихотворениях, различных по тематике, пафосу и образным особенностям. Огонь может являться ключевым, центральным образом текста или художественной деталью. Этот образ, являющийся основой многих лейтмотивных цепочек в поэзии Тютчева, взаимодействует одновременно с наибольшим количеством словесного материала и составляет с ним основную ткань произведения. В дальнейшем, рассматривая символику огня (мы подразумеваем здесь ее непосредственную связь с мифологическими представлениями славян о мировом устройстве, изученными в работах А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, Ф. И. Буслаева и других ученых), мы попытаемся вместе с учениками выявить художественное своеобразие тютчевской лирики, почувствовать и понять неповторимость и цельность его поэтического мира.

В начале работы предлагаем ученикам отыскать тексты, в которых присутствуют образы огненной стихии. Из множества выбранных учащимися произведений для анализа отбираем стихотворение «Снежные горы»:

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, –
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, –

Горе, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Пейзажные зарисовки в поэзии Тютчева часто соединяются с размышлениями лирика о смысле жизни, глубине бытия и неспособности человеческого разума постичь истину: здесь воззрения о природе соприкасаются с философской лирикой. О чем размышляет поэт, какую картину рисует? Полусонный мир, изображенный поэтом в стихотворении, «во мгле полуденной почил». Лучи солнца обжигают землю, играют на водной глади, превращая ее в «озеро стальное». Горные ручьи бегут «в родную глубь». А в воздухе разлита «благовонная нега». Все великолепие солнечной картины можно почувствовать в последних двух строчках: «играют выси ледяные с лазурью неба огневой». Просим учеников подтвердить текстом тезис о том, что поэзия Тютчева строится на контрастах. Они видят эти контрасты: «ледяные» вершины гор и «огневое» небо. Вновь и вновь вчитываясь в текст, замечают, что несовместимые в обычной речи слова в стихотворении гармонично соединяются в художественный образ, дополняя друг друга. Учитель «подбрасывает» новую информацию: эпитет «лазурный», обозначающий то же, что «голубой», в поэзии XIX века упоминается достаточно часто. Слова, связанные по своему значению со словом «огонь» или его производные, поэты обычно использовали, обращаясь к определенному времени суток, закату или восходу солнца. Так, у того же Тютчева читаем: «Смотри, как запад разгорелся / Вечерним заревом лучей...». Слова «заревом», «разгорелся» обозначают лишь цвет – яркий, внешне похожий на пламя огня. В стихотворении «Снежные горы» эпитет «огневой» несет еще и другую семантическую нагрузку – это образ чистоты, непорочности, божественности. В русской культуре огонь воспринимался «как посредник между человеком и божеством» [3, с. 385]. Огонь – «символ торжества света и жизни над мраком и смертью, символ всеобщего очищения» [4, с. 54]. Этот образ не является единичным в поэзии Тютчева. И ученики без особого труда доказывают справедливость этого утверждения:

Лениво дышит полдень мгlistый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака...

Здесь встречаем все тот же образ «пламенной лазури», к которой автор добавляет синоним «чистая». Тютчев, мастер сложных эпитетов, не один раз использует необычное прилагательное «огнецветный», связанное с небесной стихией: «огнецветная струя солнца», «огнецветная пыль» фонтана, вершины гор «просветлеют огнецветно». Яркий, запоминающийся эпитет способен вместить в себя ключевую идею стихотворения. Чичерин А. В., исследователь поэзии Тютчева, замечает, что в сложных эпитетах поэта – «постоянная жажда захватить шире, объемнее, в них поэтическая конкретность» [2, с. 277]. Ученики приходят к важному выводу: в тютчев-

ской лирике огненная символика неразрывно связана с небесной стихией. Ночью, когда «сизые тени» спускаются на землю, бездонная пропасть открывается миру, небеса являются как откровение, как нечто неземное и далекое, покрытое тайной. Когда тьма окутывает землю, всемогущие стихии начинают править миром:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Обращаем внимание учеников на то, что тютчевская стихия динамична: каждое упоминание о ней связано со звуками и движением. Просим их доказать правоту этого утверждения. Вода считалась в народе стихией чистой и опасной. Прилив уносит воображение героя в «неизмеримость темных волн», туда, где небеса и океан сливаются на горизонте в «единую бездну», сверкающую, облитую сиянием луны. А вверху – «небесный свод, горящий славой звездной». Говоря о стихотворениях Тютчева, А. Фет, тонкий ценитель русской классики, интуитивно обозначил один из ключевых образов его лирики – образ звезд. В статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» А. Фет рассказывал о том, как он однажды смотрел на небо в одно из оконных отверстий темных переходов Колизея. Пораженный красотой природы поэт заметил: «Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, но мере того, как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые» [5, с. 35]. А. Фет увидел гармонию и мощь и в природной стихии, и лирике Тютчева: «Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева»: Таинственно, как в первый день создания, / В бездонном небе звездный сонм горит... [5, с. 35].

Разговор о звездах может быть начат учителем, размышляющим о том, что в поэтическом мире Тютчева звезды – символ бессмертия, холодной красоты и недоступности. Согласно представлениям славян «звезд на небе ровно столько, сколько людей живет на земле. Каждый человек имеет собственную звезду, она зажигается в момент его рождения и падает с неба, когда человек умирает» [1, с. 71]. Тютчевский звездный сонм горит величественно, словно «в первый день создания». Задача этого сравнения не

в прояснении образа, а в том, «чтобы увести в его глубины, может быть и смутные, но раскрывающие неведомые тайны» [2, с. 288]. Тютчев иным взглядом смотрит на окружающий мир: в обыкновенном и ясном он видит необычное и загадочное, внутреннюю жизнь природы, скрытую от людей. Эта жизнь предстает в стихотворениях как «гул ночной» неземных сил, «огневые зарницы», похожие на «глухонемых демонов», наконец, как «таинственное дело», совершающееся на небесах. Человек, обреченный на земное существование, может лишь на мгновение прикоснуться к истине, наблюдая за бушующим морем, красотой молнии и радужного света, любясь звездным небом. Зачитывается фрагмент из стихотворения «Проблеск»:

Как верим верою живую,
Как сердцу радостно светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его сулили;
Мы в небе скоро устаем,
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Ученикам предлагается подумать над смыслом названия. Вместе приходим к выводу о том, что уже само название отражает ключевую мысль: возможность ощутить прикосновение к неземной тайне, услышать звуки прелестной «воздушной арфы» и «ангельской лиры» приходит лишь на мгновение, которое названо «проблеском». Ограниченность человеческих усилий отражена в последних строчках: людям не дано «дышать божественным огнем». Эта тема отражена во многих стихотворениях Тютчева: «С поляны коршун поднялся...», «Фонтан», «Душа хотела б быть звездой...», «Над виноградными холмами...», «Как птичка раннею зарею...», «Кончен пир, умолкли хоры...», «Хоть я и свил гнездо в долине...», «Какое дикое ущелье...» и др. В качестве домашнего задания предлагаем проанализировать один из названных текстов, обратив внимание на следующие вопросы: присутствует ли в стихотворении образ огненной стихии? Каков он? В каких отношениях находится этот образ и лирический герой? Какие изобразительно-выразительные средства использует автор? С какими музыкальными или визуальными образами ассоциируется тютчевский образ?

И вновь размышления учителя. Помимо философской лирики, символика огня пронизывает стихотворения Тютчева о любви. Огонь символизирует силу, жизнь, страсть, сильные качества человеческой природы. «О, как в нем сердце пламенеет!» – восклицает Тютчев о способности поэта любить. Любовь в его поэзии – «союз души с душой родной» двух ярких личностей, двух «Я».

Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови –
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом...

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

В душе его царят «беспредельности», поэтому герой «не властен лишь в себе самом»: невозможно подчинить себе стихию. Любовь эта «страшнее пламенного гнева», она несет счастье и разрушение, радость и разочарование. Ученики понимают и принимают мысль о том, что с помощью огненной символики поэт изображает чувство во всей полноте, его наивысшее проявление.

Останавливаемся на стихотворении «Восток белел. Ладья катилась...». Автор в нескольких предложениях рисует свидание двух влюбленных. К этой теме обращались многие поэты XIX века. Предлагаем вспомнить изученное раньше стихотворение А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». Ученики видят и чувствуют в нем образ прохладной и чистой ночи, соловьиные трели, журчанье «сонного ручья», силуэты влюбленных. Используя номинативные конструкции, Фет создает нужный эмоциональный фон стихотворения: волнение, робость, переходящие в страсть, и состояние душевного трепета. Слова «лобзания» и «слезы», находящиеся рядом, напрямую соединены с центральной идеей стихотворения: настоящая любовь безрассудна, она доводит до предела все душевные порывы человека.

Предлагаем сравнить фетовское стихотворение с тютчевским. В стихотворении Тютчева та же идея, но воплощена по-другому: сила чувства, нагнетание волнения и внутренние переживания героев выражены в градации: «восток белел – восток алел – восток вспылал». Взгляд героини ассоциируется с небесной чистотой, а «огневые» капли слез говорят о ее страстной женской натуре. В поэтическом мире Тютчева ОН дерзок и самолюбив, уверен в себе. ОНА милая, скромная, умеющая любить, отдающая всю себя безграничному чувству. «Палящий огонь» в глазах героини характеризует ее чувство, иногда болезненное и острое, но неизменно сильное в своих проявлениях. Стихотворение «Не верь, не верь поэту, дева...» написано в 1839 году. Пройдут годы, и Тютчев встретит на своем жизненном пути любовь, превратившуюся в «поединок роковой»: его от-

ношения с Еленой Денисьевой, выпускницей Смольного института, продлятся 14 лет и принесут минуты счастья и «злую боль ожесточенья»:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей...

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей...

Просим учеников найти в тексте слова, наделенные символикой огня. Исследуя текст, ученики называют слово «слезы». Слезы «опалили», «выжгли», оставили в душе героини боль, но не уничтожили любовь, которая оказалась лишь «незаслуженным позором». Елена Денисьева умерла, в смерти любимой Тютчев винил себя. Боль утраты лейтмотивом пройдет через многие поэтические творения Тютчева. Его поздняя лирика наполнена раздумьями о жизни и вечности, о непреходящих человеческих ценностях и проблемах современной ему эпохи. Иногда воспоминания посещают поэта, напоминая о былых чувствах. Но вместо «горящего» небесного свода поэт видит в окружающем мире лишь следы потухшего пламени:

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Строка «нет искр в небесной синеве» глубоко символична: небесный огонь ассоциируется с силой чувства, с безграничной любовью, угасание этого огня – со скучным образом жизни, тоской по ушедшему счастью. «Храм опустел, погас огонь кадила...» – так одной строкой охарактеризо-

вана внутренняя опустошенность лирического героя. В 1830 году Тютчев написал стихотворение, в котором рассуждал о смысле жизни:

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает, –

Так с грустью тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле –
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!

Огонь – главный образ стихотворения. С тихо тлеющим свитком сравнивает герой свою жизнь, хотя и мечтает видеть ее короткой, но яркой вспышкой, позволяющей «просиять» и «погаснуть» в одно мгновение. По мысли поэта, в этом и заключается счастье. Обращаем внимание школьников на то, что символика огня занимает значимое место и в стихотворениях Тютчева о назначении поэзии, ее высокой миссии в мире:

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

Ученики приходят к осознанию того, что символика огня пронизывает всю художественную систему Тютчева и, рождая устойчивый круг ассоциаций, помогает познать авторский стиль, понять единый смысловой центр, характерный для многих текстов. Огонь олицетворяет чистоту природных сил, страстные чувства, поэтический дар, слетающий «с небес», яркую, как сияние языков пламени, жизнь и такой же яркий уход из нее сильной, неординарной личности.

Список литературы

1. Левкиевская В. Мифы русского народа. – М.: Астрель, 2003.
2. Чичерин А. В. Стиль лирики Тютчева // Контекст–1974. – М., 1975. – С. 275 – 294.
3. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М.: Русские словари, 2004.
4. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2006.
5. Фет А. А. Из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева» // Тютчев: Сб. ст. – СПб.: Парфенон, 1922. – С. 34 – 43.

УДК 808. 2. 56.

Пузов Н. А.

Синтаксические фразеологизмы в художественном тексте

В статье рассматривается специфика строения, значения и употребления в художественном тексте простых и сложных предложений фразеологизированной структуры со значением времени и обусловленности.

The structural, semantic and functional specificity of syntactical phraseology constructions of modern Russian language is defined.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, фразеологичность, контекст, лексический повтор, несвободная структурная схема, грамматикализованный элемент.

Key words: syntactic phraseological structure, phraseology, context, lexical repeat, not free scheme, grammaticalized element.

Одна из актуальных проблем современной синтаксической науки – изучение фразеологизированных синтаксических конструкций. Это обусловлено тем, что фразеологичность как свойство языковой системы в последнее время все более ярко обнаруживает себя не только на лексико-семантическом, но и на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) ярусах. Фразеологичность понимается в современной научной лингвистической литературе как свойство единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений), «состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычленяемых в их формальном строении, и соответственно в несводимости значения целого к значениям частей в данной их структурно-семантической связи» [4, с. 145]. Структурно-семантическое строение таких языковых единиц обнаруживает отклонения от общих закономерностей образования составных единиц.

Синтаксический фразеологизм – конструкция, имеющая формы простого или сложного предложения или сочетания слов, обладающая таким синтаксическим значением, которое неразложимо на значения форм и присущие им синтаксические отношения: *Ну и жара!; хоть плачь; проси не проси, а...* Синтаксические фразеологизмы могут быть представлены также конструкциями, в которых реализуется только нормативно закрепленный за ними ряд слов: *пойти в няни, в солдаты; ливня лить; ревя реветь*. Такие сочетания слов занимают промежуточное положение между синтаксическими и лексическими фразеологизмами. Синтаксические фразеологизмы образуются в результате переосмысления конструкции или

же сохраняют исторически утраченные синтаксические отношения: *впасть в немилость*.

Предложениями фразеологизированной структуры (фразеологизированными предложениями) называются «предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой» [3, с. 383]. Словоформы в этих предложениях связаны друг с другом идиоматически, не по действующим современным правилам функционируют в них служебные и местоименные слова, частицы и междометия. В «Русской грамматике-80» выделяются следующие типы простых фразеологизированных предложений: «1) с союзами; 2) с предлогами и предложными образованиями; 3) с частицами; 4) с междометиями; 5) с акцентирующими и местоименными словами» [3, с. 383]. Данная классификация, как, впрочем, и классификация любых фразеологизмов, условна, так как отдельные типы названных в ней предложений могут строиться не с одним, а с несколькими служебными компонентами. Подавляющее большинство фразеологизированных предложений принадлежит живой непринужденной разговорной речи и активно употребляется в художественной литературе в качестве элементов экспрессивного синтаксиса.

Рассмотрим наиболее существенные, на наш взгляд, особенности структуры, семантики и функционирования простых и сложных фразеологизированных предложений в художественных текстах.

Среди простых предложений фразеологизированной структуры с союзами наиболее распространены в проанализированных нами произведениях конструкции типа: *Дом как дом. Дорога как дорога. Дети как дети*. Характерной чертой структуры данных предложений является повтор именительного падежа существительного с союзом сравнения, формирующий семантику определения предмета как соответствующего обычному, широко распространенному. Употребляются эти фразеологизированные конструкции, как правило, в описаниях, где автору важно подчеркнуть типичность названного предмета или явления и его признаков: *Город как город: улицы, переулки, площади. День как день – ничего особенного: стирка, уборка, прогулка с детьми. Молодежь как молодежь: современные стрижки, модные словечки, яркая одежда*.

Довольно часто встречаются такие предложения в зарисовках В. Пескова, посвященных животным, которые обитают в разных природно-климатических условиях, сохраняя при этом свою типичную манеру поведения, свои привычные повадки: «Побывав в Африке шесть раз, я всегда львов встречал. Как-то раз в кратере Нгоронгоро мы увидели семейство львов. *Львы как львы: величественны, неторопливы*»; «Поехал я взглянуть на кота-вездехода. Он сидел на виду – *кот как кот: черный, пушистый, зеленоглазый. Длинные усы и хвост довершали портрет «героя». И все-таки было в нем что-то необычное: странный, почти человеческий взгляд*» (курсив в примерах здесь и далее наш. – Н. П.).

Из фразеологизированных предложений с предлогами следует отметить конструкции типа: *Радость не в радость. Сон не в сон. Пир ему не в пир*. В них представлена характеристика предмета или явления как лишённого своего обычного положительного качества. И здесь в основе строения синтаксической единицы – повтор однокоренных имен в формах именительного и винительного падежа, но в качестве связующего служебного элемента используется сочетание отрицательной частицы с предлогом. Эти предложения обычно встречаются в контексте, содержащем качественную оценку описываемого явления в негативном аспекте. В такой роли употребляются данные конструкции В. Песков, характеризуя отрицательное состояние представителей животного мира: «Без рыбы коту, как известно, *и радость не в радость*. Для него это не просто еда, а нечто большее. Кот ждет этого лакомства как праздника»; «Потеряв хозяина, пес напрочь утратил интерес ко всему окружающему. Словно говорил всем своим видом и поведением: *«Теперь мне жизнь не в жизнь»*. Его все жалели, несли кто что мог, а он отворачивался от еды и буквально таял на глазах».

Фразеологизированные предложения с частицами в структурном плане характеризуются повторением имен существительных в именительном падеже или глаголов в форме инфинитива в сочетании с частицами: *Вот сила так сила! Вот зима так зима! Вот бас так бас! Гулять так гулять! Ехать так ехать! Любить так любить!* Конструкции данного типа, как правило, эмоционально окрашенные, семантически близки между собой: в них сообщается о том, что предмет (лицо) обладает высокой степенью присущего ему признака (качества), или о позитивной оценке действия, о принятии окончательного положительного решения. Основная сфера функционирования этих предложений – контекст разговорного стиля: речь персонажей или авторская речь.

Используются предложения данной модели в рассказах В. Пескова обычно для обозначения решительных действий человека или животного: «Долго мы с другом собирались в эти лесные края, и наконец решились: *ехать так ехать*, завтра же! Благо и время есть, и погода подходящая. А тут еще и это письмо знакомого лесника, знатока и любителя природы. Ну как не откликнуться на такое приглашение?»; «Недавно пришлось мне побывать в наших зимних лесах. *Вот уж краса так краса*: настоящее сказочное царство. Деревья в снежных шубах и шапках, снег кругом по колено, а где и по пояс. Кругом тишина божественная, а когда встает и садится солнце – небо красоты неопишуемой».

Наиболее яркими и распространенными из фразеологизированных конструкций с акцентирующими и местоименными словами являются предложения типа: *Всем грибам гриб! Всем финалам финал! Всем праздникам праздник! Всем жукам жука!* Для них характерно значение качественного превосходства одного названного предмета (явления) над другими ему подобными, выраженного с помощью лексического повтора одинаковых имен существительных в разных падежных формах (дательный – име-

нительный падежи) в сочетании с определительным местоимением. Обычно эти эмоционально окрашенные (восклицательные) предложения функционируют в контексте разговорного стиля (чаще – в речи персонажей художественного произведения): «Бродил я как-то после дождя по лесу – природой нашей любовался, грибы искал. Воздух чистый, прозрачный, свежий. Проходя под деревьями, глянул под ноги – и обомлел: ну и гриб! *Всем грибам гриб!* На толстой длинной ножке – шляпка с тарелку. Такие грибы редко мне видеть приходилось, хоть и считают меня в округе грибником не из последних»; «Разных кошек на земле много: наши домашние любимцы, лесные дикие, степные коты, леопарды, львы, тигры. Но рысь – случай особый. Вот уж поистине *всем кошкам кошка*: и внешним видом, и повадками, и манерой поведения! Кто, кроме рыси, мог бы вот так же случайно лежать рядом с домашними мышеловами? И к кому кошки могли бы испытывать столь благоговейное чувство близкой родни?»

Таким образом, можно отметить следующие структурные, семантические и функциональные особенности простых фразеологизированных предложений в языке художественной литературы: 1) в области структуры – лексический повтор имен в одинаковых или в разных падежных формах и глаголов в форме инфинитива; 2) в области семантики – значение оценочности, качественной характеристики предмета или действия; 3) в области функционирования – употребление в рамках контекста разговорной стилистической окрашенности.

Достаточно часто встречаются предложения фразеологизированной структуры в рассказах В. М. Пескова, посвященных жизни животных и природы. Эти конструкции помогают автору глубже и точнее выразить чувства и эмоции героев своих произведений, сделать читателя соучастником описываемых событий, учат нас сопереживать «братьям нашим меньшим».

Особое место в системе синтаксических конструкций современного русского языка занимают сложные предложения фразеологизированной структуры со значением времени и обусловленности. Эти предложения, построенные по несвободным структурно-семантическим моделям, основной сферой использования которых является живая разговорная речь, стали объектом детального изучения исследователей сравнительно недавно [1; 3; 5]. К числу структурных особенностей сложных фразеологизированных предложений относится использование наряду с основными средствами связи грамматикализованных лексем, специфическое соотношение видо-временных и модальных форм глаголов-сказуемых, фиксированный порядок следования частей, вследствие чего предикативные части в этих предложениях «оказываются взаимозависимыми, выражающими отношения взаимоподчиненности» [1, с. 186]. Семантическое своеобразие сложных предложений фразеологизированной структуры состоит в том, что в них основное значение осложняется дополнительными смысловыми оттенками, вследствие чего «семантика предложения в целом идиоматизируется, т.е. не обуславливается прямым значением связующих элементов» [4, с. 145].

В исследуемых сложных предложениях нет четкого противопоставления главной и придаточной части, что позволяет квалифицировать эти конструкции как «предложения переходного типа» [1, с. 289] между союзными (сложноподчиненными и сложносочиненными) и бессоюзными полипредикативными единицами.

Отмеченные выше структурно-семантические особенности сложных предложений фразеологизированной структуры обусловили их функциональное своеобразие: в последнее десятилетие значительно расширилась сфера их употребления, и прежде всего – за счет активного использования в произведениях художественной литературы. Так, в рассказах В. М. Пескова сложные фразеологизированные предложения придают особый колорит разговорности и непринужденности как авторскому повествованию, так и речи персонажей.

Рассмотрим наиболее важные структурно-семантические особенности таких предложений на примерах из творчества В. М. Пескова.

Фразеологизированные предложения со значением времени обладают следующими особенностями структуры: 1) формально главным средством связи в них являются подчинительные союзы *как, чтобы*, но выступают они не в качестве самостоятельного выразителя отношений, а как компонент двухместного соединения: *не успел..., как; не проходило дня..., чтобы не*; 2) в позиции подчинительного союза *как, чтобы* здесь возможны сочинительные союзы *а, и*; допустимо и отсутствие союза вообще (т.е. бессоюзная связь); 3) противопоставление главной и придаточной части фактически нивелировано (отсутствует). Семантическое своеобразие данных предложений в том, что значение времени в них всегда осложняется дополнительным оттенком субъективно-оценочного характера.

В рассказах В. М. Пескова встречаются три группы фразеологизированных сложных предложений с временным значением, включающие отрицание и союз *как*: 1) *не успел..., как*; 2) *не прошло минуты..., как*; 3) *не..., как*.

В предложениях первой группы глагольная форма с отрицанием *не успел* выполняет две функции: является компонентом главного средства связи (двухместного соединения) и в то же время выступает в функции сказуемого в сочетании с инфинитивом лексически свободного глагола совершенного вида. В этих предложениях выражается значение непосредственного следования действий, причем подчеркивается минимальность интервала между ними, а второе действие противопоставлено первому как неожиданное. Проиллюстрируем это положение. *Не успели мы углубиться в чащу, как услышали треск слева, у реки. Не успел я оглянуться, как почувствовал чье-то прикосновение. Не успел он добежать до воды, как откуда-то раздались выстрелы.* Вместо союза *как* в составе двухместного соединения встречается использование сочинительного союза *а*: *Не успел я еще войти во двор, а он уж ко мне бежит. Еще не успели мы подойти по-*

ближе, а ребята – врассыпную. Обнаружены в рассказах и примеры, где союз вообще отсутствует: *Не успел еще я ружье поднять – зверь бросился на меня. Не успели мы еще слова сказать, все на нас напустились.*

В основе семантики фразеологизированных предложений второй группы, построенных по модели *не прошло минуты... как* – значение следования действий друг за другом с подчеркиванием краткости временного интервала между ними, причем значение это осложнено оттенком внезапности или преждевременности. Языковой материал рассказов В. М. Пескова, которым мы располагаем, позволяет отметить интересную структурно-семантическую особенность предложений этой группы: в них отрицательное значение частицы *не* может быть сохранено, или ослаблено, или утрачено совсем.

В первом случае действие первой части предложения характеризуется незавершенностью: *И полчаса еще не прошло, как разразился ливень. Не прошло еще и года, как снова стали сюда приезжать гости из города.* Это значение возникает благодаря наличию типизированного лексического элемента – наречия *еще*. Во втором случае предшествующий временной отрезок воспринимается как обозначенный приблизительно: *Не прошло недели, как в здешних местах случилось наводнение. Не прошло пяти минут, как солнце скрылось за горизонтом.* В третьем случае действие, о котором сообщается во второй части предложения, совершается по завершении периода, обозначенного в части первой; при этом значение завершенности выражается с помощью типизированного лексического элемента – местоимения *какой-нибудь (какой-то)*: *Не прошло каких-то пяти лет, как снова здесь появилась рыба. Не прошло какой-нибудь недели, как река вновь вернулась в свои берега.*

В предложениях этой группы вместо подчинительного союза *как* может употребляться сочинительный союз *а*: *Не прошло и часа, а мы уже были дома. Не прошло и недели, а меня снова потянуло в эти таежные места.* Возможна и бессоюзная связь между частями: *Не прошло месяца, он снова приехал сюда.*

Предложения третьей группы, в основе которых – модель *не... как*, характеризуются тем, что в них частица *не* всегда сохраняет свое отрицательное значение (в отличие от конструкций первых двух групп), вследствие чего в первой части этих предложений говорится о незавершенном действии, а действие второй части оценивается как неожиданное. Несоответствие этих действий во времени выражается с помощью наречий *еще* (в первой части) – *уже* (во второй части). Это подтверждают синтаксические фразеологизмы из текста: *Еще зима не вступила в свои права, как лесные обитатели уже попрятались. Солнце еще не вышло из-за туч, как ребята уже высыпали на улицу.* На месте подчинительного союза *как* в предложениях данной группы встречается сочинительный союз *а*: *Я еще не ушел, а лисята уже вылезли из норы.*

Фразеологизированные предложения с двухместным соединением *не проходило дня...*, *чтобы не* выражают значение регулярности повторения одного и того же действия. Хотя обе части построены по модели отрицательных предложений, частица *не* в обоих случаях лишена отрицательной семантики, вследствие чего предложение в целом выражает значение утверждения. Предикативный центр первой части включает сочетание глагола с отрицанием и родительного падежа существительного со значением временного отрезка: *не проходит (не прошло) дня (недели)*, причем в позиции глагола может находиться отрицательное слово *нет* или глагол бытия: *нет (не было) дня (недели)*. Во второй части отрицательная частица *не* всегда связана непосредственно с глаголом–сказуемым и может отделяться от союза *чтобы*. Например: *По наблюдениям местных старожилов, не проходит года, чтобы река не заливала этот участок. Кажется, нет зимы, чтобы здесь не выпал обильный снег.*

Фразеологизированные сложные предложения со значением обусловленности в качестве главного средства связи имеют двухместные союзные соединения *стóит (стоило)...*, *чтобы*; *стóит (стоило)...*, *как*; *стóит (стоило)...*, *и*; *достаточно...*, *чтобы*; *достаточно...*, *как*; *достаточно...*, *и* и характеризуются следующими структурно-семантическими особенностями: 1) союз не является здесь самостоятельным показателем связи, а выполняет связующую функцию совместно с грамматикализованной словоформой (*стóит/стоило*, *достаточно*), которая выступает как связующее средство и одновременно участвует в формировании предикативной основы предшествующей части; 2) композиционная схема таких построений, как правило, фиксирована: грамматикализованная словоформа обычно начинает сложное предложение; 3) главная и придаточная части строго не противопоставлены друг другу, так как, во-первых, позицию подчинительного союза (*как*, *чтобы*) может занимать сочинительный союз; во-вторых, первая часть союзного соединения (*стóит*, *достаточно*) соотносится по функции с подчинительным союзом временной или условной семантики (*как только*, *если*); 4) в оформлении первой части действуют ограничения видового характера; 5) значение достаточного основания представлено здесь всегда в осложненном виде: вторая часть указывает на неизбежное следствие, результат того, о чем сообщается в первой части, или на мгновенную или непосредственную реакцию. Проиллюстрируем это языковым материалом. *Стóит только раз побывать здесь, чтобы навсегда проникнуться любовью к этим лесам. Стóит повнимательней присмотреться к здешней природе, как ощущаешь всю ее прелесть. Стóит побродить здесь пару дней, и заряд бодрости обеспечен вам на целый месяц. Достаточно только вслушаться в звонкие птичьи голоса, чтобы почувствовать себя счастливым. Достаточно малейшего шороха, как вся стая взмывает ввысь. Достаточно продержаться такому морозу всего неделю, и река покроется ледяным панцирем.*

Как видим, все эти сложные фразеологизированные предложения со значением обусловленности характеризуются отмеченными выше структурно-семантическими особенностями, а в функционально-стилистическом плане, как и простые фразеологизированные предложения, придают тексту разговорно-бытовую стилевую окрашенность, делая повествование живым и непринужденным разговором с читателем-собеседником, что составляет одну из важных особенностей творческой манеры В. М. Пескова.

Список литературы

1. Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык: Теоретический курс. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация.
2. Песков В. М. Рассказы из серии «Окно в природу» // Комсомольская правда. – 2005 – 2006. – № 27 – 167.
3. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980. – Т. 2. Синтаксис.
4. Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
5. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.

Осложнение простого предложения в современном русском языке

В статье рассматривается явление осложнения структуры предложения в современном русском языке. Осложнение простого предложения – явление синтаксическое, грамматическое, оно имеет свои отличительные признаки: обладает особыми синтаксическими позициями, синтаксическими отношениями и синтаксическими связями, а также имеет формальные показатели, оформляющие синтаксические связи.

The article describes the phenomenon of complications in sentence structure in modern Russian language. Complication of a simple sentence is the syntactic and grammatical phenomenon, it has the distinctive signs: it possesses special syntactic positions, the syntactic relations and syntactic links, and also the formal indicators which are making out syntactic links.

Ключевые слова: синтаксис, грамматическая сущность предложения, осложненное предложение, синтаксические функции.

Key words: syntactic system, grammatical essence of the sentence, the complicated sentence, syntactic functions.

Вопросы, касающиеся грамматической сущности предложения, остаются важными и актуальными. В лингвистической литературе существует большое количество публикаций, посвященных анализу проблемы осложненного предложения, но до сих пор среди лингвистов нет единой позиции.

В традиционном синтаксисе обычно описываются различные виды осложнения, но не определяется общее понятие осложненного предложения. К осложненным предложениям относят такие предложения, в которых имеются относительно самостоятельные синтаксические конструкции и обороты: обособленные члены предложения, уточняющие члены предложения, однородные члены, сравнительный оборот, вводные слова и другие вводные компоненты, вставки, обращения и некоторые другие [1, с. 8].

Прежде всего, надо определить отношение осложненного предложения к синтаксическим единицам – к простому или сложному предложению. С одной стороны, осложненное предложение может представлять собой довольно сложное образование, насыщенное конструктивно, и семантически не менее сложное, чем полипредикативное образование. С другой стороны, несмотря на конструктивную и семантическую сложность, осложненное предложение – это предложение с одним предикативным центром, осложнение происходит в пределах простого монопредикативного предложения. Следовательно, вопрос об отношении данного явления к синтаксическим единицам решается однозначно: это

предложение простое, а не сложное, так как грамматической полипредикативности, главного признака, отличающего сложное предложение от простого, в осложненном предложении нет [6, с. 7].

Таким образом, осложнение простого предложения – явление синтаксическое, грамматическое, и как таковое оно имеет свои отличительные признаки. Некоторые исследователи выделяют следующие признаки, отличающие осложненное предложение от неосложненного [7].

В неосложненном предложении есть только такие синтаксические позиции, которые выражаются словоформами: это компоненты предикативного ядра, присловные распространители, включающиеся в предложение как компоненты словосочетания, а также детерминанты, распространяющие предложение в целом и выражающие связь с предложением словоформой. В осложненном предложении есть особые синтаксические позиции: распространитель вводится в предложение непосредственно, а не через словосочетание, или позиция дублируется, то есть предложение содержит два (и более) подлежащих, дополнений и др.

Неосложненное и осложненное предложения различаются синтаксическими отношениями. В неосложненном предложении существуют синтаксические отношения двух видов: предикативные (отношение между подлежащим и сказуемым) и субординативные (отношения присловного распространителя к главному слову, детерминанта к предложению). В осложненном предложении обязательно присутствуют синтаксические отношения других видов: координативные, полупредикативные, пояснительные и др.

Различие между неосложненным и осложненным предложениями проявляется также в синтаксических связях. В неосложненном предложении связи двух типов – предикативная и присловные подчинительные (согласование, управление, примыкание). В осложненном предложении, помимо указанных связей, обязательно есть связи других типов: сочинительная, пояснительная; двунаправленные связи, оформленные собственно синтаксическими показателями.

Один из признаков, отличающих осложненное предложение от неосложненного, – это формальные показатели, оформляющие синтаксические связи. В неосложненном предложении наличествуют только морфолого-синтаксические показатели (словоформы и непроизводные предлоги). В осложненном предложении наличествуют морфолого-синтаксические и собственно синтаксические показатели. К последним относятся союзы (сочинительные и подчинительные), производные предлоги «союзного» типа (с обстоятельственными значениями типа «несмотря на», «вопреки», с сопоставительно-выделительными значениями типа «кроме», «вместо»), различные аналоги союзов – частицы, вводно-модальные слова, а также порядок слов и интонация.

Роль порядка слов и интонации особенно велика при отсутствии других формальных показателей. Например: В конце мая приехал художник

Иванов. В конце мая приехал Иванов, художник. Первое предложение – неосложненное, второе – осложненное. Средствами осложнения являются порядок слов и интонация, которые оформляют полупредикативное отношение компонента «художник» (ср.: Иванов, который был художником).

Формально-синтаксическое осложнение – это наличие в предложении компонента, не только содержащего добавочную информацию, но и структурно занимающего дополнительную синтаксическую позицию, не реализующую валентность основных членов предложения, и не имеющего самостоятельной предикации. Как считают некоторые исследователи, в русском языке данному определению формально-синтаксического осложнения соответствуют: вводные слова, словосочетания и предложения; вставочные конструкции; выделительно-ограничительные обороты; обособленные причастные и адъективные обороты; обособленные несогласованные определения, деепричастные обороты; приложения; сравнительные обороты; поясняющие и уточняющие конструкции; однородные главные члены предложения; конструкции с осложняющим инфинитивом, обращения и коммуникативы [2; 3; 5]. Например, сегодня остается актуальной проблема обращений и вводных элементов как конструкций, осложняющих простое предложение. Требуется дальнейшего изучения вопрос объединения данных элементов в рамках одного разряда, так как они представляют собой сопутствующие высказывания, имеющие самое непосредственное отношение к тому, о чем говорится в основном предложении [2; 4; 9; 10].

Анализ обращений и вводных элементов тесно связан с проблемой простого и сложного предложений, проблемой обязательности и факультативности языковых элементов, а также экспрессивно-эмоциональной функции языка. При рассмотрении сопутствующих элементов необходимо учитывать два плана: 1) план основного высказывания; 2) план элементов, которые сопутствуют этому высказыванию. План сопутствующих элементов представлен единицами разных уровней языка: от слова до предложения; кроме того это элементы разного лингвистического статуса: вставные и вводные конструкции, междометия, обращения. Их объединяет, прежде всего, содержательный момент, так как они не только сопутствуют основному высказыванию, но взаимодействуют с его содержанием и вносят в него различные стилистические оттенки. Следовательно, объединение данных элементов в один функционально-семантический разряд возможно на основе не категориальных признаков, а на основе их семантических, а также экспрессивно-стилистических особенностей.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. На материале русского языка // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 167 – 168.
2. Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. – Л., 1976.
3. Дмитриева Л. К. Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1981.

4. Красикова О. В. Семантико-стилистические функции элементов, сопутствующих основному высказыванию, в структуре английского предложения. – [Электронный ресурс]: <http://www.dslib.net>.
5. Манаенко Г. П. Осложненное предложение в языке и речи. Очерки по теории и методологии исследования. – Ставрополь, 2003.
6. Мельничук А. С. Взаимодействие грамматических единиц различных уровней в рамках предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 168 – 209.
7. Пантелеева Е. А. Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке: На материале художественных и публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005.
8. Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение в современном русском языке. – М., 1990.
9. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. – М., 1959.
10. Стунгене А. Э. Проблемы вводного и вставного элемента в потоке речи (на материале английской лингвистической прозы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974.

**Психолингвистическая терминология как основа моделирования
процессов порождения и восприятия речи
(на материале русского и английского языков)**

В статье исследуется проблема понимания и объяснения психолингвистической терминологии на иностранном языке. Актуальность проблемы обеспечивается частым цитированием психолингвистических источников, не переведенных на целевой язык, на международных встречах и конференциях. При этом смысл терминов (понятий) зачастую искажается или теряется.

The article is devoted to the problem of the comprehension and the explanation of the psycholinguistic terminology in a foreign language. The importance of the problem is related to the citation of psycholinguistic sources, which are not translated into the required language, during international scientific meetings or conferences. The meaning of the terms often gets misinterpreted or completely lost.

Ключевые слова: психолингвистика, термины, понятийный аппарат, терминологическая модель, объяснение смысла терминов, понимание терминов, неверное толкование терминов.

Key words: psycholinguistics, terms, conceptual framework, terminological model, the explanation of the terms' meaning, comprehension of terms, misinterpretation of terms.

В научной коммуникации существует проблема соотношения терминов (понятий) из источников на разных языках, особенно в том случае, когда литературные источники не переведены на иностранный язык. Это в первую очередь относится к психолингвистике вследствие ряда причин: психолингвистические концепции различных авторов отличаются большим разнообразием. Единой психолингвистической теории не выработано, внутри отдельных концепций и моделей речепорождения одни и те же термины могут иметь различное содержание, схожие понятия часто обозначаются по-разному. Все это затрудняет задачу перевода психолингвистической научной литературы и делает достаточно проблемным научное общение между представителями различных направлений данной области науки. Отечественная психолингвистика представляет значительный интерес в общем психолингвистическом научном пространстве, высокую частотность цитирования имеют работы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, они в большей степени переведены на западные языки. Работы некоторых других известных отечественных ученых (Н. И. Жинкина, И. Н. Горелова, Е. Н. Винарской) иногда претерпевают так называемые

мое «вторичное цитирование» из русских текстов других авторов, издающихся за рубежом. Часто на международных конференциях звучат термины (понятия), не имеющие эквивалента в целевом языке, при этом работы автора не переведены. Из наблюдений за научной коммуникацией в области психолингвистики возникла идея создания компактного представления концепций некоторых отечественных психолингвистов в моделях, основанных на авторских психолингвистических терминах. Это может помочь уяснить смысл этих терминов «внутри концепции». При этом речь не идет о переводе терминов, а об их представлении средствами языка автора и объяснении на других языках. Для объяснения смысла авторских психолингвистических терминов (понятий) мы предлагаем объединять термины в графические модели.

Преимущества моделей состоят в следующем: отражение содержательной части авторской терминологии; иллюстрация логической структуры терминологического (понятийного) аппарата, заложенной самим автором, и взаимосвязей терминов (понятий) в рамках терминологической (понятийной) системы; возможность сопоставления терминологических (понятийных) систем и обнаружения синонимичных терминов (понятий) у различных авторов (в различных «школах»).

Источником терминов (понятий) на русском языке служат труды ведущих отечественных психологов, психолингвистов, нейролингвистов, таких как: А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Е. Н. Винарская и других. В качестве материала на других языках выступают психолингвистические публикации последних десятилетий в области исследования порождения и восприятия речи, доступные в сети Интернет (на английском языке). Материал отбирался методом сплошной выборки терминов (понятий) с учетом их цитируемости.

Предпосылками для создания моделей на основе терминов (понятий) мы считаем: 1) частое цитирование за рубежом непереуведенных на целевой язык работ отечественных психо- и нейролингвистов; 2) отсутствие единого метода объяснения смысла терминов (понятий); 3) частые случаи обозначения одних и тех же явлений разными терминами (понятиями), что в свою очередь ведет к непониманию терминологии (понятий); 4) помещение термина в модель создает возможность определить его взаимоотношения с другими терминологическими элементами данной системы, что способствует оптимальному представлению понятий.

Перед созданием графической модели мы определяем авторские термины (понятия) средствами целевого языка. Каждая графическая модель показывает взаимосвязь между понятиями и терминами автора. Модели выполнены в форме блок-схем. За взаимосвязь между элементами отвечают следующие фигуры:

одинарная стрелка с одним острием свидетельствует о подчинении одного явления другому;

одинарная стрелка с двумя остриями указывает на влияние явлений друг на друга;

наличие трех стрелок с одним острием говорит о непосредственном воздействии, влиянии одного явления на другое;

две параллельные линии между блоками – признак синонимичности понятий.

Понятия изображаются в следующих геометрических фигурах: прямоугольник, овал, прямоугольник со скругленными углами (для различения функций тех или иных терминов (понятий) в тексте автора).

Рассмотрим фрагмент терминологической (понятийной) системы Е. Н. Винарской [1, с. 28 – 59]. Предложенная Е. Н. Винарской периодизация речевого развития в онтогенезе в наше время пользуется большой популярностью в научном мире и часто цитируется. Этим объясняется выбор данной книги в качестве источника.

При анализе текста данного учебного пособия методом сплошной выборки были отобраны следующие понятия (в скобках описывается смысл понятий средствами английского языка):

1) период младенческих криков (the first period of the early speech acquisition which is characterized by simple screams (0-2/3 months);

2) период гуления (the second period of the early speech acquisition when a Russian-born baby utters the sounds “agu-agu” (2/3-5/6 months);

3) период раннего лепета (the third period of the early speech acquisition, called the period of the early babble (5/6-9/10 months);

4) период лепетных псевдослов (the fourth period of the early speech acquisition, when a baby attempts to repeat the words he/she heard and babbles pseudo-words which don't exist in the language (9/10-12/14 months);

5) период позднего мелодического лепета (the fifth period of the early speech acquisition when the babble contains melodic parameters of the language (12/14-18/20 months);

6) врожденные поведенческие реакции (the inherent behavioral reactions of a baby);

7) встречные эмоциональные реакции матери (the emotional reactions replied by the mother, which represent the mother's emotional “answer” to the baby's activity);

8) психофизиологический контакт (the contact between the mother and the baby at the psychological and the physiological level, i.e. the relation between the mother and the baby);

9) врожденные синергии (the inherent reactions of the human body, e.g. the reaction of the baby's muscles to an external irritant);

10) единый поведенческий акт (the aggregate of all reactions of the baby, both physiological and emotional);

11) фонация (the spectral record of the voice formation process during the development of a baby);

12) дисфонация (the spectral record of the voice formation process with a noise segment);

13) гиперфонация (the spectral record of the voice formation process with an acute increase of the primary tone);

14) комплекс ощущений (the prosodic associative complex of a baby, i.e. the aggregate of all reactions of a baby to prosodic speech examples);

15) вокализация (an emotionally expressive vowel which is unique in every language);

16) сегменты меняющейся звучности (segments of the adults' speech heard by the baby, which have a varying sonority);

17) эмоциональное поведение матери (the emotional behaviour of the mother which form the emotional picture of the mother in the baby's mind);

18) сегмент восходящей звучности (the speech segment with an increasing sonority);

19) эмоциональная «метка» предмета (the emotional reaction of the baby to a specific item);

20) псевдослово (лепетная цепь) (the group of syllables with no meaning which is being babbled by the baby, i.e. an attempt to pronounce a prosodically correct word with no meaning);

21) имитация ударности (the process of imitation of a stressed syllable by the baby, i.e. the imitation of stresses in the baby's babble);

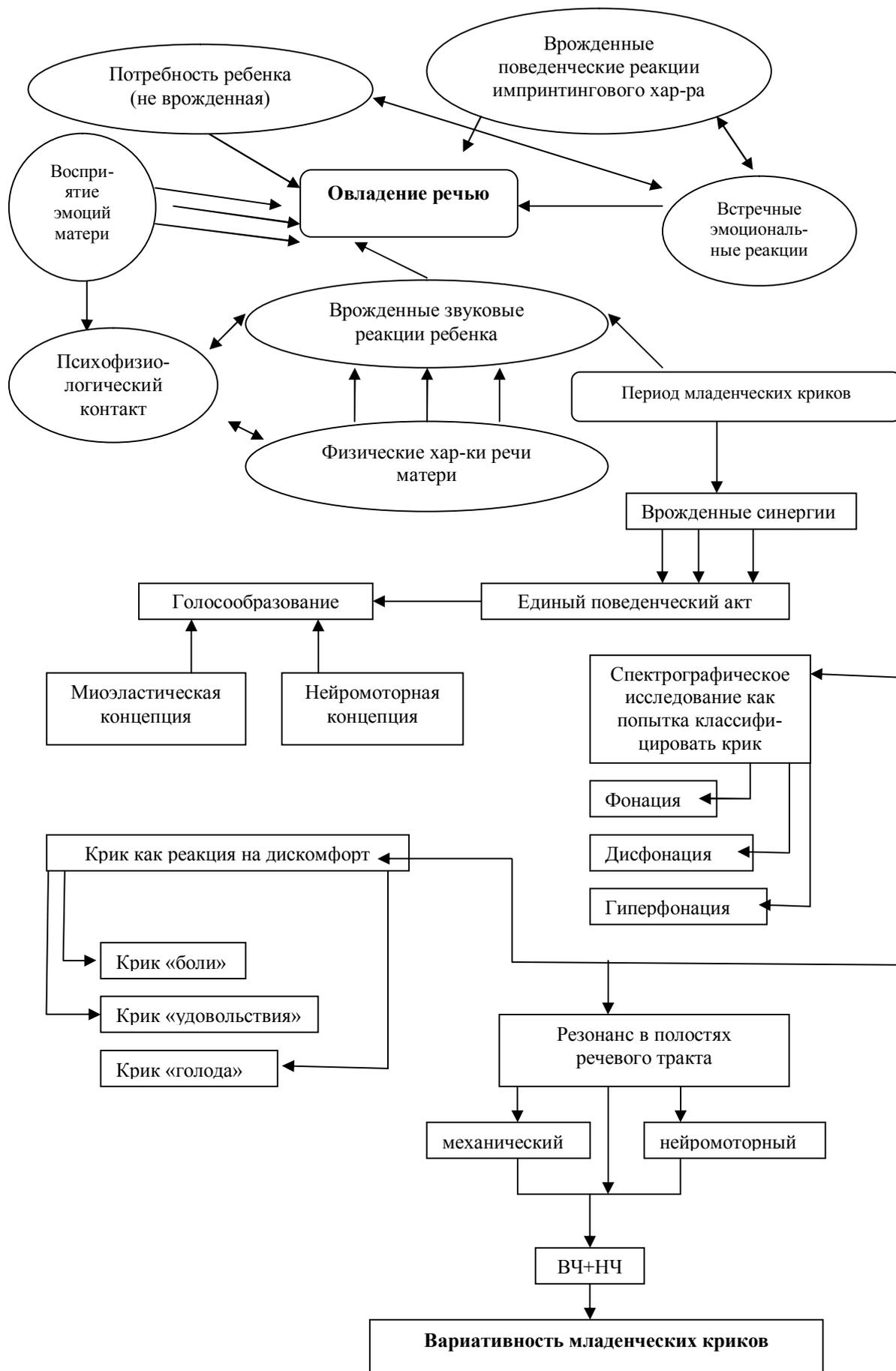
22) «рифмованный вздор» (the rhymed syllable groups without a meaning which a baby pronounces when imitating rhythmical groups of its native language);

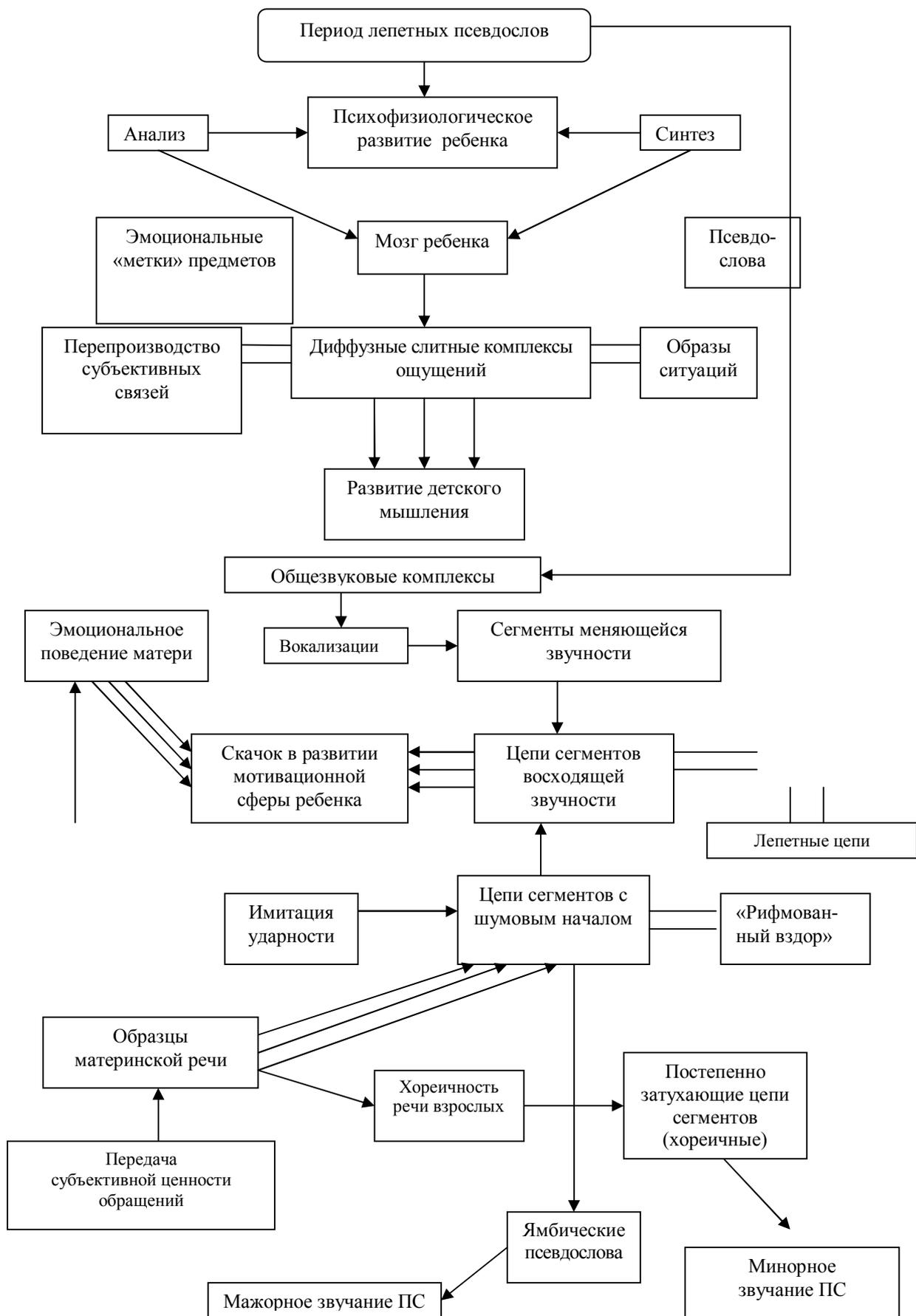
23) хореичная цепь сегментов речи (an expression pronounced with the trochee rhythm which appears very frequent in simple Russian sentences);

24) ямбическое псевдослово (a so-called pseudo-word with an iambus rhythm);

25) сегмент с шумовым началом (a speech segment with plosives at the beginning).

В следующих моделях нашли свое отражения 2 периода раннего речевого развития ребенка по нейролингвистической классификации Е.Н. Винарской. Перечисленные термины (понятия) нашли свое отражение в 2-х графических моделях.

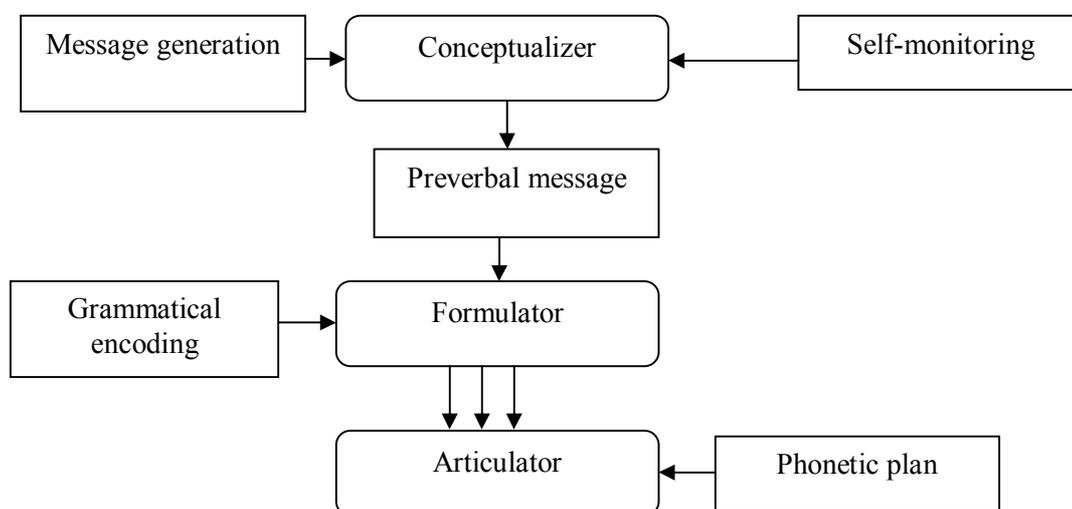

Рассмотрим термины (понятия), предложенные У. Дж. Левелтом в его теории порождения высказывания [2, р. 741 – 779]:

- 1) conceptualizer («функциональный отдел», отвечающий за разработку концепции высказывания);
- 2) message generation (создание речевого сообщения);
- 3) self-monitoring (процесс внутреннего отслеживания собственных речевых ошибок);
- 4) preverbal message (сообщение, еще не имеющее вербальной формы);
- 5) formulator («функциональный отдел», в котором происходит формулирование высказывания);
- 6) grammatical encoding (грамматическое кодирование высказывания);
- 7) phonetic plan (фонетический план высказывания, набор «фонетических команд», соответствующих данному высказыванию).
- 8) articulator («функциональный отдел», отвечающий за артикуляцию звуков данного высказывания).

Модель выглядит следующим образом:

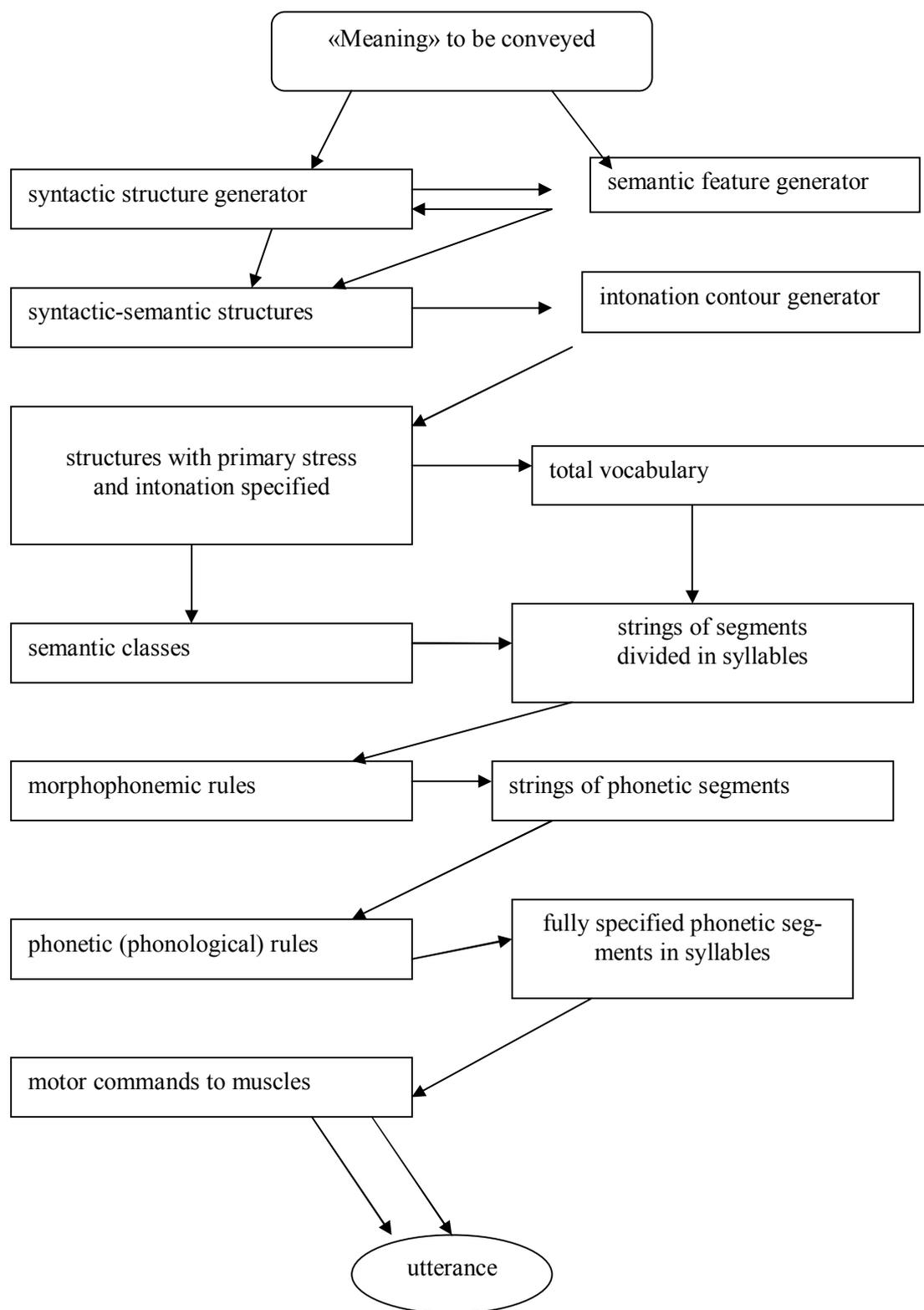
Перейдем к рассмотрению терминологии Виктории Фромкин [3, р. 216 – 241]. В скобках приводится объяснение терминов средствами русского языка.

- 1) “meaning” to be conveyed (смысл, заключенный в будущем высказывании);

- 2) syntactic structure generator (функциональный «отдел», отвечающий за формирование синтаксических структур);
- 3) semantic feature generator (функциональный «отдел», отвечающий за формирование семантических признаков);
- 4) syntactic-semantic structures (структуры, сочетающие в себе семантический и синтаксический компоненты);
- 5) intonation contour generator (функциональный «отдел», отвечающий за формирование интонационной схемы будущего высказывания);
- 6) structures with primary stress and intonation specified (структуры, для которых известна информация об ударности и интонации);
- 7) total vocabulary (суммарный объем словарного запаса говорящего);
- 8) semantic classes (семантические классы в составе лексикона);
- 9) strings of segments divided in syllables (последовательности сегментов, разделенные на слоги);
- 10) morphophonemic rules (правила морфемного и фонематического содержания, действующие на будущее высказывание);
- 11) strings of phonetic segments (последовательности фонетических сегментов);
- 12) phonetic (phonological) rules (фонетические и фонологические правила, действующие на будущее высказывание);
- 13) fully specified phonetic segments in syllables (точно обозначенные фонетические сегменты в составе слогов);
- 14) motor commands to muscles (двигательные команды, подаваемые речевым мышцам);
- 15) utterance (конечное высказывание).

Термины (понятия) образуют графическую модель.

Предложенный способ визуализации взаимосвязей между терминами (понятиями) автора призван помочь в решении проблемы непонимания или неверного толкования терминологии при использовании последней на международных конференциях, научных встречах.

Список литературы

1. Винарская Е. Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии: Периодика раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка. – М.: Просвещение, 1987.
2. Bock K. and Levelt W. J. M. Language production. Grammatical encoding // M. A. Gernsbacher (Ed.). Handbook of psycholinguistics. – New York: Academic Press, 1994. – Pp. 741 – 779.
3. Fromkin V. A. Speech Errors as Linguistic Evidence. – Hague: Mouton, 1973.

К вопросу о функционировании местоимений в английском и лезгинском языках

В статье рассматриваются особенности функциональной семантики различных рядов местоимений в английском и лезгинском языках, выявляются общие и типологически отличные черты дейктического значения в указанных языках.

The given article considers the peculiarities of functional semantics of different types of pronouns in the English and Lezghin languages, as well as common and typologically different features of deictic meaning in the mentioned languages.

Ключевые слова: разряды местоимений, временной и пространственный дейксис, дихотомия местоимений.

Key words: classes of pronouns, temporal and local deictic meaning, the dichotomy of pronoun.

Несмотря на различные подходы к определению местоимения как особой лексико-грамматической группы, в современном языкознании сложился взгляд на местоимение как на часть речи, обладающую, прежде всего, специфической семантикой, для которой характерна, с одной стороны, высокая степень обобщенности [2; 4] и, с другой стороны, отсутствие постоянной предметной отнесенности [1]. Наряду с этим неоднородность семантики местоименной лексики предполагает возможность логико-семантической ее классификации, включающей такие разряды, как дейктические, анафорические и кванторные местоимения.

При ведущей роли в определении местоимений как самостоятельной части речи семантического принципа в специальной литературе не раз подчеркивалась целесообразность исходить также (или только) из особенностей их словоизменения. При этом, как правило, речь идет не о формальных отличиях местоимений вообще, а о специфических морфологических характеристиках отдельных групп местоимений. Личные местоимения, например, в английском отличаются от существительных, с которыми сближаются целым набором характерных свойств, следующими моментами: противопоставлением по роду в местоимениях 3-го лица, наличием именительного и объектного падежей в системе склонения и др.

Особенностью многих дагестанских языков является совпадение форм абсолютного и эргативного падежей личных местоимений. Личные местоимения в английском и лезгинском языках имеют одинаковую семантику – они указывают на лица, участвующие или не участвующие в общении, по

их отношению к говорящему лицу. При этом качественный и количественный состав их в сравниваемых языках различается.

Во-первых, если в английском языке имеются личные местоимения трех лиц, то в лезгинском языке эта группа ограничивается только местоимениями 1-го и 2-го лица, в то время как сфера 3-го лица передается субстантивированными формами указательных местоимений. Ср.: *I (you, they) go there* «Я, ты, они пошли туда» - *зун* «я» (*вун* «ты») *физва* «идешь», *абур* «они» (букв.: «те, которые») *фенвай* «пошли».

Английские местоимения третьего лица имеют достаточно строгие разграничивающие их рамки, тем не менее, в ряде случаев они оказываются размытыми [5, с. 17]. Так, при персонификации местоимение мужского рода *he* может соотноситься с названиями животных мужского пола, природных явлений, предметов. Соответственно, местоимение *she* может относиться к судам, автомашинам и т.п. До недавнего времени форма третьего лица мужского рода использовалась и в обобщенном значении «он (человек вообще, независимо от пола)». В настоящее время такое употребление встречается все реже, поскольку выражают якобы предпочтение одного пола другому. Соответственно, обобщенное значение выражается в современных текстах местоимениями *they* или *he or she, he/she, (s)he*.

Кроме того, личное местоимение третьего лица может приобретать функции указательного в коррелятивных сочетаниях типа «тот, кто». Примеры такого рода передаются в дагестанских языках субстантивированными причастиями. Ср.: *He who didn't taste bitter, knows not what is sweet* - Тот, кто не отведал горького, не оценит сладкое; *Жегьилбур аниз фидач, кузьубур фида* - Молодые туда не пойдут, пойдут только старые.

Английские личные местоимения отличаются от существительных наличием противопоставления именительного и объектного падежей. Объектный падеж в английском языке оформляет также косвенное дополнение и употребляется в сочетании с предлогами. В многопадежном лезгинском языке личные местоимения ряда языков характеризуются нейтрализацией эргативного и абсолютного падежей. При этом данное явление касается лишь субъектной и объектной (функции прямого объекта) функций. Оно зафиксировано во многих дагестанских языках: *Ам (буба) захъ рагъана* - Он (отец) со мной заговорил; *Ам заз акуна* - Я его увидела.

При семантической идентичности личных местоимений сопоставляемых языков в сфере их употребления наблюдаются значительные расхождения. В частности, личные местоимения английского языка могут выступать в особых типах синтаксических структур, ср.: *I didn't see him, not I* - Я его не видел (во всяком случае), не я [2, с. 24]. Подобные синтаксические конструкции в лезгинском языке не отмечены.

В английском языке наблюдается зависимость падежно-предложного оформления косвенного дополнения от его позиции в составе предложения. При этом более тесное положение косвенного дополнения к глаголу, по сравнению с прямым, дает падежную форму личного местоимения, а более

тесное положение прямого – использование предлога. В лезгинском языке синтаксическое поведение местоимений не отличается от синтаксиса существительных: *I'll go to you* - Я поеду к тебе; *I know him quite well* - Я хорошо его знаю; *Заз ам късан чида* - Я его хорошо знаю; *Заз и кас късан чида* - Я этого человека хорошо знаю.

В английском языке возможно употребление обобщенного местоимения второго и третьего лица, что не характерно для дагестанских языков [4, с. 68]. Местоимение *it* в английском языке используется также в выделительных (cleft-) конструкциях типа *It was he who planned it* - Это был он (именно он), кто спланировал это. Подобные синтаксические конструкции в лезгинском языке не отмечены.

Специфику английского предложения составляет использование так называемого фиктивного подлежащего, то есть местоимения *it* в соответствиях русским безличным предложениям. Дагестанские языки в подобных случаях используют либо безличное предложение, либо существительное соответствующей семантики («день», «погода» и т.п.). Отличие английского языка от дагестанских касается и такого грамматического явления, как личное согласование. Во-первых, многие дагестанские языки личного согласования не имеют. Во-вторых, схема личного согласования в английском языке довольно своеобразна. В-третьих, дагестанские языки, имеющие личное согласование, не показывают полного единства принципов согласования.

Для английского языка характерно функционирование так называемых *tail questions*, представляющих собой утверждение с добавлением краткого вопроса, содержащего противоположную с точки зрения категории отрицания форму вспомогательного глагола и субъектное местоимение. Аналогичные конструкции в лезгинском языке используют лишь глагольную форму с вопросительной частицей без повторения местоимения. Ср.: *He is clever, isn't he?* - Он умен, не так ли?; *Ам акьуллу язва, туш-ни (я-ни) ?* (букв.: «не есть ли?»).

Общим и основным для значения указательных местоимений является указание на предмет, близкий или отдаленный от говорящего во времени или пространстве. Лезгинский язык располагает различными системами указательных местоимений, однако обычными здесь являются два вида ориентации: а) по степени близости предмета к говорящему или слушающему и б) по положению выше или ниже говорящего. В целом наличие в лезгинском языке системы указательных местоимений, которые довольно детально выражают разноплановые пространственные направления, признаются в литературе структурной особенностью этих языков, обусловленной, вероятно, спецификой местного ландшафта [3, с. 26; 4, с. 49].

Указательные местоимения английского языка представлены двумя формами: *this* (мн. *these*) указывает на предметы, близкие по времени или расстоянию от говорящего. Местоимение *that* (мн. *those*) указывает на предметы, удаленные во времени или пространстве от говорящего.

Функционально к указательным местоимениям непосредственно примыкает определенный артикль. Об этом можно судить хотя бы по тому, что определенный артикль в некоторых случаях переводится на другие языки с помощью именно указательных местоимений, хотя обычно он остается непереводаемым.

Помимо собственно указательной функции, указательные местоимения сопоставляемых языков используются также в следующих случаях: а) для идентификации охарактеризованных ранее предметов и событий; б) для маркировки определяемого с точки зрения дихотомии "свое"/"чужое"; в) для указания на последующее сообщение; г) в функции временного дейксиса указательное местоимение соотносит действие либо с моментом речи, либо с временным отрезком, о котором идет (шла) речь; д) в эмфатической функции указательные местоимения могут быть использованы для выражения отношения говорящего к предмету высказывания.

При соположении двух указательных местоимений, составляющих оппозицию, непосредственная функция пространственного дейксиса может утрачиваться. В подобных примерах сочетание местоимений выполняет скорее роль кванторного местоимения. Ср.: лезг. *и пата, а пата цIийи-цIийи кIвалерни чиликай хкатзавай...* - То тут (в этой стороне), то там (в той стороне) (= повсюду, во многих местах) новые дома выросли из-под земли...

Касаясь синтагматики указательных местоимений, следует отметить возможность их употребления как в атрибутивной позиции, так и в роли субстантива. В последнем случае речь может идти о функции личных местоимений 3-го лица, однако в этой роли выступают не все субстантивированные местоимения, а лишь те, у которых значение пространственного дейксиса оказывается нейтрализованным. Хотя в английском языке имеется специальный разряд личных местоимений третьего лица, здесь могут выступать в качестве субстантивов и указательные местоимения [5, с. 45].

В ряде языков указательные местоимения могут сочетаться с эмфатическим местоимением, образуя местоимения с семантикой типа «именно этот», «именно тот» и т.п. В английском языке подобные функции выполняет лексема *very* «тот самый». В лезгинском языке эта лексема имеет соответствие в виде указательной частицы *ха* «тот, та»: *that very book* - «та самая книга», *ха хама* - «именно он» и т.д.

Взаимные местоимения определяются в литературе как двусловные местоименные фразеологические единицы с взаимным значением [2, с. 20]. В английском языке взаимность выражается местоимением *each other*, образованным сочетанием двух местоимений: *each* «каждый» и *other* «другой, иной». В предложении это местоимение занимает любую позицию, кроме подлежащего, с которым оно обычно соотносится.

Образование взаимных местоимений посредством редупликации числительного «один» предложено рассматривать как одну из структурных черт, сближающих нахско-дагестанские языки с тюркскими, где также в данной функции используется повтор числительного «один» [4, с. 84].

Формально лезгинский язык демонстрирует различную степень спаянности компонентов взаимного местоимения, что проявляется, прежде всего, в степени цельнооформленности компонентов. В ряде примеров взаимное местоимение выражает не двустороннее действие, а нерелевантность направления действия для говорящего. Такое значение в лезгинском языке передается употреблением двух полнооформленных числительных-местоимений или же при наличии семантики обобщения - повторением соответствующих обобщительных («неопределенных») местоимений: *Ада вичи-вичиз хьурек авуна* - Он сам себе приготовил обед. Кроме того, во взаимном значении могут быть использованы и возвратные местоимения множественного числа: *чти-чтииз* «сами себе».

В английском языке к вопросительным местоименным словам относятся следующие лексические единицы: *who* (вин. п. *whom*) 'кто'; *whose* 'чей'; *which* 'который, какой'; *what* 'что, какой'; *when* 'когда'; *where* 'где'; *why* 'почему'; *how* 'как'. Для передачи значения «сколько» используется сочетание лексем *how much* 'сколько (о неисчисляемом)' и *how many* 'сколько (об исчисляемом)'.

В дагестанских языках также обычной является дихотомия местоимений *вуж* «кто» и *вуч* «что». В то же время, как отмечают исследователи-дагестановеды, эта дихотомия следует не принципу одушевленности-неодушевленности, а принципу лица – не лица [3, с. 32]. В целом, в дагестанском языкознании нет единого взгляда на состав вопросительных местоимений, хотя лексические единицы, наблюдаемые в различных языках, в основном соответствуют друг другу в структурном плане.

В ряде языков, как и в английском, отмечено противопоставление количественных вопросительных слов по признаку исчисляемости/неисчисляемости, что отмечается и в некоторых других дагестанских языках. Если в противопоставлении количественных вопросительных слов английский и лезгинский языки обнаруживают параллелизм, то такое явление, как форма множественного числа местоимения «кто?», отличает дагестанские языки: ед. *вуж* – мн. *вужар*. В структуре ряда вопросительных местоимений и местоименных слов имеются классные показатели. Соответственно, местоимения *вуж?* 'кто?', *хихьтин?* 'какой?' соотносятся с референтами I класса, *хима?* – с референтами II класса, а местоимения *вуч?* 'что?' и *хьи?* 'какое?' – с референтами III класса, то есть класса вещей. Особенностью использования вопросительных местоимений в лезгинском языке является употребление в вопросительных предложениях в качестве формы сказуемого причастия: *Вуч акуна* (букв.: «что увиденное есть») - Что увидел?

В английском языке строй вопросительного предложения также отличается от построения повествовательного, но уже порядком слов: глагол-сказуемое (или появляющийся в вопросительном предложении вспомогательный глагол) перемещается в таком предложении на позицию сразу за вопросительным словом: *What have you seen?* - Что ты увидел? Позиция вопросительного слова в английском языке – в начале предложения. В лезгин-

ском языке начальная позиция вопросительного слова хотя и встречается, но не столь часто. В большей степени распространена препозиция вопросительного слова к глаголу-сказуемому.

Наконец, в лезгинском языке имеются формы, в которых семантика всеобщности, целостности не имеет эксплицитного выражения, ср. лезг. *йифди* 'всю ночь', хотя в составе словоформы не имеется специального сегмента со значением «весь» - англ. *all the night long*.

Неопределенные местоимения указывают на неопределенный предмет (лицо) или признак. В определенном смысле они также являются кванторными, поскольку также задают некоторое множество референтов. Традиционно в грамматиках английского языка мы находим следующие лексические единицы, определяемые как неопределенные местоимения: *another* 'ещё один, другой (такой же)'; 'другой, иной'; *other* 'другой, иной'; *other* 'другой, второй (из двух, трёх)'; *other* 'другой, противоположный' [2, с. 78]. Соответствующие лексические единицы представлены и в дагестанских языках. Как правило, они имеют адъективное и субстантивное употребление. В лезгинском языке, например, имеются две лексемы – *муькуь* и *маса*, примерно соответствующие английским *other* и *another*. К способам выражения неопределенности в лезгинском языке можно отнести также редуцированные лексемы типа *кас-мас*, значение которой может быть примерно передано как «человек и тому подобное».

Говоря о сочетательных возможностях местоимений, следует указать на возможность их сочетания в лезгинском языке с указательными (в роли главного слова?): *бязибур абурукай* 'некоторые из них'. В английском сочетания такого рода невозможны и передаются конструкциями с предлогом *of*: *some of them* и т.п.

Если использование относительных местоимений в английском языке – явление распространенное, то в лезгинском языке относительные местоимения обычно не выделяются [3, с. 54], поскольку функции связи придаточной части сложного предложения с главной выполняют причастные и иные отглагольные формы: *Булахдай акъвазна йяд хъазвайди* 'Кто у родника стоит, тот (букв.: «у родника стоящий») воду пьет».

В исследованных текстах местоимения составляют примерно одинаковый процент от общего числа слов – чуть выше 10%. Среди них большую часть составляют личные местоимения в роли подлежащего или дополнения. Остальные местоимения представлены менее заметно. Помимо тех синтаксических характеристик, которые сближают местоимения с другими частями речи, имеются и такие сочетательные свойства, которые отмечаются только у местоимений, касающиеся возможностей образования сочетаний типа «местоимение + местоимение», «местоимение + числительное» и т.п.

Вообще, лезгинский язык обнаруживает много общего в плане функционирования местоимения с другими дагестанскими языками, особенно языками лезгинской группы. Выявлено следующее.

1. Дагестанские (лезгинские) языки обладают значительной общностью как в строении прономинальной системы в целом, так и в конкретных особенностях отдельных подгрупп (разрядов) местоимений. Во многом это вызвано общностью происхождения дагестанских языков.

2. Ряд специфических черт дагестанских местоимений обусловлен контактами дагестанских языков с тюркскими, хотя в целом удельный вес явлений такого рода не столь велик.

3. На основании сопоставления дагестанских прономинальных систем с английской выявляется ряд общедагестанских структурных черт, обусловленных их общей типологической характеристикой, их принадлежностью к эргативной типологии.

4. Наибольшей эффективностью сопоставление систем местоимений обладает при широком понимании рассматриваемого лексико-грамматического класса, при котором в его рамках рассматриваются и так называемые местоименные числительные, наречия и т.п.

В связи с рассматриваемой проблемой обращается внимание на следующие синтаксические конструкции: а) использование вопросительных местоимений и наречий в зависимых предложениях, выражающих уступительное значение; б) использование вопросительных местоимений и наречий в зависимых предложениях, соотносимых с одним из членов главного предложения; в) использование вопросительных местоимений и наречий в зависимых предложениях с условным наклоном зависимого глагола; г) использование местоименных слов, указывающих на меру и степень, в то время как соотносимое с ним зависимое предложение сигнализирует о результативном отношении; д) использование вопросительных местоимений и наречий в зависимых предложениях – косвенных вопросах.

Список литературы

1. Иванова И. П., Почепцов А. А. и др. Теоретическая грамматика английского языка. – М., 1980.
2. Курбанов Б. Р. Особенности употребления вопросительных местоимений в лезгинском языке. – Махачкала, 2008.
3. Магомедова З. Ш. Особенности прономинальных систем дагестанских языков // Вопросы филологии. – № 4. – С. 44 – 52.
4. Алексеев М. Е., Махмудова З. Ш. Дагестанские материалы в монографии К. Е. Майтинской «Местоимения в языках разных систем» // Материалы международной конференции по уральским языкам к 100-летию К. Е. Майтинской. – М., 2007. – С. 23 – 32.
5. Штелинг Д. М. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. – М., 1990.

Сравнительный анализ лексических единиц лексико-семантического поля «еда» в русском и персидском языках

В статье анализируются лексические единицы (как лексемы, так и фразеологизмы) лексико-семантического поля (ЛСП) «еда» русского и персидского языков. По семантическим признакам они подразделены на 14 групп.

The article analyzes the lexical units of the lexico-semantic field of food of Russian and Persian languages. On semantic criteria are divided into 14 groups.

Ключевые слова: лексика, семантика, еда, поле, персидский язык, русский, язык.

Key words: lexical, semantic, linguistic, food, field, Persian, Russian, language.

Лексика, или словарный состав языка, как составная часть единой языковой системы отличается от других сторон языка – фонетического строя, морфологии, синтаксиса тем, что реагирует на любые изменения в обществе, прямо или косвенно отражая материальную и культурную жизнь народа. Это отличие состоит в непосредственной обращённости к действительности. Язык находится в постоянном движении, то есть лексика не является чем-то навсегда застывшим, – это живой организм, в котором постоянно происходит перемещение слов из одного пласта в другой, так как в ходе языковой эволюции каждое новое поколение способствует появлению одних и исчезновению других слов. Изменение значений слов, переосмысление, новая семантика, стилистические переоценки слов – всё это значительно расширяет и обогащает словарный состав языка.

Разнообразные множества слов, составляющие классы, группы, ряды, поля, образуют лексическую систему языка. Системность выражается в существовании определённой лексики, объективно выделенной из остального массива элементов лексического состава языка, и в смысловых связях между членами этих лексических единиц.

Идея системности в языке была разработана в учениях Ф. де Соссюра, вслед за которым Й. Трир утверждал, что язык – это устойчивая и относительно замкнутая система, в которой слова наделены смыслами не изолированно, а постольку, поскольку ими наделены и другие слова.

Русские языковеды занимались исследованием не только отдельных слов, но и групп слов как части развивающейся системы языка. Современными исследователями, последователями теории Г. Ипсена, В. Порцига, Й. Трира, используются разнообразные методы и приёмы системно-структурного анализа семантики языка. Одним из ключевых стал термин поле (حوزه howze, زمینه zamine), элементы которого выполняют в языке единую семантическую функцию [1].

В рассматриваемом нами лексико-семантическом поле «еда» важнейшим идентификатором является наличие ядерных сем «еда, отнесенность к еде». Приём пищи регламентируется социальными нормами и обычаями. По тому, как и что человек ест, можно судить о его социальном и культурном уровне. Название еды дает понятие об интересах и вкусах того или иного народа. В текстах авторов кулинарных и поваренных книг, философов, культурологов, этнокультурологов, историков, этнографов содержится информация о социокультурных и исторических составляющих, позволяющих выявить не только лингвистические, но и экстралингвистические особенности лексико-семантического поля «еда».

Как отмечает В. В. Ощепкова, этнографические реалии имеют не только национальную, но и локальную и временную отмеченность: они связаны либо с тем или иным бытовым заведением, где их обычно подают, либо с праздником или знаменательной датой, с которой ассоциируются [4]. Так, например, в русской лингвокультуре с кабаками ассоциируются подаваемые в них спиртные напитки, так как шинки и кабаки своим появлением на Руси обязаны массовому внедрению *водки и горилки*, а в персидской лингвокультуре – с названием کلهپاچه‌ای *kale rāṣeī* ассоциируются с подаваемыми в них کلهپاچه *kale rāṣe* – *завтрак, состоящий из бараньей головы и ног с различными специями*.

Исследование лексико-семантического поля «еда» в русской и персидской лингвокультурах представляет большой интерес и новизну, так как комплексного исследования данной темы в сопоставительном русско-персидском плане ещё не проводилось. Русские лексические единицы, номинирующие блюда и напитки, по тематико-когнитивным блокам, на которые мы и опирались в своей работе, были рассмотрены и распределены О. Г. Савельевой [6, с. 130].

Культурно-национальные особенности той или иной кухни ярко проявляются в географически маркированных номинациях блюд и напитков, в которых производящей основой выступает название города, района, области или страны (топонимический принцип номинации) [6, с. 129].

В данной статье нами были рассмотрены и разделены на 14 лексико-семантических групп названия блюд и напитков в русском и персидском языках. Материал привлекался из русско-персидских и персидско-русских словарей, а также энциклопедических словарей [2; 3; 5; 7; 8; 9; 10]. Анализ показал, что большую часть наименований блюд русской и иранской кухни составляют названия по основному ингредиенту.

Таким образом, лексические единицы, номинирующие блюда и напитки, с позиций тематической соотнесённости можно распределить по следующим тематическим группам.

1. Названия блюд по основному ингредиенту: *крупник (густой суп из пшена), щавельник, шоколадный мусс, ромовая баба, свекольник, макаронник, курник (пирог), рыбник (пирог), раковый суп голстейнский, рисовые крокеты, сметанник; زرشکپلو zereškpolow, عدسپلو 'adaspolow, ماشپلو māšpolow, آش آو āš-e*

ālū, آش انار āš-e anār, آش کشک āš-e kašk, آش جو āš-e ju, هليم بادمجان halim bādemjān, سوپ سوپ هويچ sup-e havij, سوپ ماهی sup-e māhi, سوپ گوجه فرنگی sup-e guje farangi, и др.

2. Названия блюд по географическому названию страны, городов, краёв, областей: *лобио с яйцом по-грузински, соус индийский фруктовый, торт итальянский бисквитный, цыплёнок по-итальянски, суп по-армянски, цыплёнок по-венгерски, шашлык по-узбекски, щука по-польски, баба польская заварная, судак по-французски, сибирские пельмени, пончики московские, рассольник ленинградский, торт венский миндальный, соус московский, суп с галушками по-полтавски, телятина, жаренная по-одесски, шашлык по-кавказски, тушеная свинина по-борисовски, котлеты минские, цыплёнок по-киевски, сосиски могилёвские, شیرازی پلوی قالبی – širāzipolow-e qālebi – национальное блюдо по названию города Шираз; کوفته تبریزی kufte tabrizi – по названию города Тебриз (северо-западная часть Ирана), کباب گلپایگانی kabāb-e golpāyegāni – по названию города Гольпайган и استانبولی پولو estambolipolow – по названию города Стамбул в Турции; کوفته روسی kufterosi, کلمپلوشیرازی – kalampolowširāzi, کباب بختیاری kabābbahtiyāri, کباب ترکی kabābtorki, قیمة رشتی qeime rašti, ذرت مکزیکی zoratmekziki (кукуруза, чёрный перец, соль, сушёный тимьян, чесночный порошок, маргарин, лимонный сок, пряный соус майонез), پولوبحرینی polowbahreyni, جوجه کباب هندی jujekabābhendi и др.*

3. Названия блюд по месту приготовления (признак локализации пищи, еды находит номинацию также по свойству обозначения места приготовления): *колбаса домашняя, щука по-сельски, макароны по-флотски, шницель по-министерски, خانگی سālāmi xānagi, کباب تابه kabābtābe или کباب دیگی kabābdigi (кебаб, который готовится в специальной посуде) и др.*

4. Названия блюд по способу приготовления: *вареники, затирка (клёцки), яйцо фаршированное, поджарка, огурцы маринованные, яблоки мочёные, капуста квашеная, сушёные грибы, солёные помидоры, рыба вяленая, ветчина варёная, заливное, запеканка, зразы рубленные, заправка, отбивная котлета, жаркое, بیریانی beryāni, دمپختک dampoxtak (от глагола دم کردن dam kardan заваривать), کباب kabāb (блюдо, приготовленное на углях), مرغ سوخاری morq-e suxāri (соответствует русскому котлеты по-киевски), کته kate (отварной рис) ته چین tahčin и др.*

5. Названия блюд по цвету: *зелёный борщ, зелёный горошек, соусы красный, белый, коричневый (шофруа); чёрная икра, красная икра, белый гриб, рыжик (торт); شله زرد šolezard, نرگسی nargesi (яйца со шпинатом) بورانی burāni kadu sabz, سوس قرمز sos-e qermez, سوس سفید sos-e sefid, سوس سیاه sos-e siyāh, حریره لوبیا سفید harire-ye lubiyā sefid, ماهی سفید māhi sefid, زرد پولو zard polow и др.*

6. Названия блюд по их основному качеству: *холодец, картофель в мундире, печенье песочное (нежное, рассыпчатое), соус кисло-сладкий, شیرین پولو širinpolow, خورشت مرغ ترش xorešt-e morq-e torš и др.*

7. Названия блюд по форме: *печенье Звёздочка, печенье Ромашка, колечки с корицей, тирожное корзиночка с желе и фруктами, ушки с грибным фаршем*, ماهی گردپیچ māhigerdpič, مرصع پلو morassa'polow, پشمک pašmak, مرغ شکم گرفته یا مرغ شکم پر morq-e šekam gerefte или morq-e šekam por и др.

8. Названия блюд по различным событиям, торжествам и праздникам: *пасхальный кулич, поминальная кутья, свадебный каравай, свадебные шишки*, سبزی پلوماهی sabzipolowmāhi и سمنو samanu, приготавливаемые в первый день праздника Ноуруз, حلوا halvā и رنگینک ranginak (*приготавливаемые в четверг вечером в честь поминок*) и мн. др.

9. Названия блюд по имени собственному: *говядина по-строгановски или беф-строганов, каша гурьевская, десерт Павлова*, в персидском языке – میرزا قاسمی mirzā qāsemi и خورش ناز خاتون xorešt-e nāz xāton по имени Мирзы Касыма и Наз Хатон (соответственно), авторов этих блюд, которые являются частью кухни севера Ирана (Гиляна и Мазандерана).

10. Названия блюд по социальному статусу потребителя (в названиях пищи находит отражение социальная дифференциация общества): *биточки из телятины по-казацки, торт королевский, пасха царская, мясо по-боярски, жаркое по-купечески, картофель по-крестьянски*, کباب سلطانی kabāb-e soltāni (бывает двух видов: кебаб из фарша и кебаб из кускового мяса) и др.

11. Названия блюд по роду деятельности лица: *соус охотничий, цыплёнок по-охотничьи, соус по-матросски, булочка школьная, макароны по-флотски* и др.

12. Названия сортов вин и коньяков по топонимам (по местам изготовления алкогольных напитков): *кагор* (по названию города Cahors во Франции), *мадера* (по названию острова Мадейра у берегов Африки), *рейнвейн* (по названию реки Рейн), *донское* (по названию реки Дон), *карабахское* (по названию области Карабах в Азербайджане), *кахетинское* (Кахети – область в Восточной Грузии), *массандра* (по названию посёлка в Крыму), *цимлянское* (по названию г. Цимлянск в Ростовской области), а также собственные названия вин и коньяков: *Цинандали* (по названию станции Цинандали в Телавском районе Грузии); а также *Актафа, Таврида, Шемаха, Ливадия, Ахашени, Анапа* (райцентры в Краснодарском крае), *Гурзуф* (посёлок городского типа в Крыму), *Арарат* (потухший вулкан на востоке Турции около границы с Арменией), *Варцихе, Энисели* (сёла в Грузии), *Ереван* (столица Армении) شراب شیرازی šarāb-e širāzi и др.

13. Названия безалкогольных напитков: *сбитень, хлебный квас, медовуха, ирландский кофе, лимонад, компот, кисель, морс, сок, коктейль, флип, пуни, коблер, физ, джулеп, крушон*; названия по цвету: *зелёный чай* چای سبز čāy-e sabz; названия по основному ингредиенту: شربت بهار نارنج šarbat-e bahār-nāranj, عرق نسترن 'araq -e nastaran, عرق بیدمشک 'araq-e bidmešk, عرق نعناع 'araq-e na'nā, آبلیمو شیرازی āblimu širāzi, دوغ آبلی duq-e ābali (кисломолочный продукт по названию городка Абали, который расположен у дороги, ведущей в северную часть Ирана) и др.

14. Названия минеральных вод по топонимам: *эссендуки* – лечебные соляно-щелочные минеральные воды разных свойств и температур, каждый из видов имеет собственный номер, названы по имени города-курорта Эссендуки на Северном Кавказе; *машук* – вода была открыта у подножия горы Машук; *боржом* (*боржом*) – по курортному городу в Грузии Боржом; *дилижан* – по городу Дилижан в Армении; *севан* – по озеру Севан; *сельтерская* (*зельтерская*) – питьевая вода, источник которой находится в деревнях Нидерзельтерс и Оберзельтерс (Германия); *виши* – по городу Виши (Франция), آب دماوند *āb-e damāvand*, آب سبلان *āb-e sabalān*, آب سپیدان *āb-e sepidān* и т.д.

Анализ лексических единиц русского и персидского языков показывает, что в русском языке в отличие от персидского наблюдается большое количество наименований, образованных от имени лица. В персидском языке данный способ наблюдается, в основном, на севере Ирана (возможно, из-за территориальной близости с Россией). В Иране имя собственное нередко присоединяется к названиям блюд в целях рекламы, либо с целью показа особого способа приготовления: اکبر جوجه *akbarjuje*, کباب حسینی *kabāb-e hoseyni*, آش مصطفی *āš-e mostafā*.

В персидском языке для обозначения отварного риса используется два слова: *پلو* *polow* и *چلو* *čelow*. Хотя между ними существует определенная разница, так как *پلو* *polow* – название блюда, состоящего из риса, приготовленного вместе с другими ингредиентами, например, *لوبیاپلو* *lubiyāpolow* (фасоль с рисом), *آلبالوپلو* *ālbālupolow* (вишня с рисом), *کشمشپلو* *kešmešpolow* и т.п., а *چلو* *čelow* – название блюда, состоящего из риса, приготовленного в отдельности, и подаваемого с различными подливами или с шашлыком, например, *چلوکباب* *čelowkabāb*, *چلوخورشت* *čelowxorešt* (рис с подливкой). В обоих языках существует микросистема терминов, являющихся производными от имён собственных. В персидском языке в отличие от русского наблюдается большее количество названий минеральных вод по названиям местности. Так, например, источник воды *славяновская* был открыт известным гидрогеологом Н. Н. Славяновым, *баталинская* минеральная вода названа по имени исследователя кавказских минеральных вод Ф. А. Баталина; минеральные воды *āb-e damāvand*, *āb-e sabalān*, *āb-e sepidān* и т.п. названы по названиям тех местностей, где обнаружены их источники.

Таким образом, еда и напитки наиболее часто получают название по наименованию местности, где они были изобретены либо приготовлены. Было выяснено, что наибольшую продуктивность имеет способ деривации имени-номинации, основанный на географическом принципе. По тематическому блоку «Название блюд и напитков по роду деятельности лица» как источнику информации о традиционной культуре этноса в персидском языке данных не выявлено, в русском языке он оказался самым малочисленным.

Список литературы

1. Артёмова Н. В. Полевая организация глагольной лексики в современном русском языке. – М., 2003.
2. Голкариян Г. Русско-персидский и персидско-русский словарь. – Тегеран: Данешьяр, 2005.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
4. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М., СПб., 2004.
5. Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь. В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1970.
6. Савельева О. Г. Концепт еда как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006.
7. Багерзаде М. Ашпази-е асан. – Тегеран: Заmine, 1982 (на перс. языке).
8. Дарьябандари Н. Мостатаб-е ашпази аз сир та пияз. – Тегеран: Карнаме, 2010 (на перс. языке).
9. Монтаземи Р. Хонари ашпази. – Тегеран: Катибе, 1992 (на перс. языке).
10. Эмами Г. Ашпази бедун-е гушт. – Тегеран: Нилуфар, 1990 (на перс. языке).

Лингвистика городского пространства

В статье демонстрируется статический метод изучения обиходной речи горожан в рамках социальной диалектологии. Предлагается ввести термин «социолект», который служит инструментом при описании лингвистических особенностей городского пространства. Показано влияние страт на лексическом, синтаксическом и супrasegmentном уровнях языка.

The paper demonstrates the static method of study of everyday speech of city people within social dialectology. It is offered to put the term 'sociolect' into practice, which serves as an instrument for describing the linguistic peculiarities of city space. The influence of stratum on lexical, syntactic and suprasegmental level of the language is shown.

Ключевые слова: социальная диалектология, идиолект, социолект, уровни языка, стратификационное моделирование.

Key words: social dialectology, idiolect, sociolect, levels of the language, stratificational modeling.

На современном этапе развития наук проблема человека в пространстве языка превращается в общую проблему научного познания. В частности, это проявляется при изучении личности говорящего во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком: не только в собственно лингвистике, но и в философии, истории, эстетике, социологии, психологии, педагогике и др. Языковая личность оказывается тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее интересных сегодня общих и частных проблем различных гуманитарных и естественных наук [4].

Рассмотрение языка как реального факта социальной жизни привело к необходимости выделения особого раздела языкознания – социальной диалектологии, предметом изучения которой становится устная обиходная речь. Занимаясь описанием социально-функциональной специфики устной речи, социальная диалектология вырабатывает и свой аппарат исследования. Объектами изучения выступает речь как индивидов, так и речь различных социальных групп. Для терминологического определения данных категорий вводятся термины идиолект и социолект [1; 2].

Термин идиолект создан по модели диалект и обозначает реализацию в устах индивида определенного языка, соединяющего в себе общие и специфические черты языковой структуры, нормы и языкового узуса. Термин

идиолект используется для обозначения индивидуального варьирования языка, в отличие от социального и территориального варьирования [6, с. 171].

При изучении обиходно-разговорной речи в рамках социальной диалектологии вошло в традицию говорить об использовании вариаций языковых / речевых единиц в пределах территориальных или социальных групп. Целесообразным считается ввести термин социолект для обозначения любого группового, или коллективного, языка.

В термине социолект социально понимается в условно-расширительном значении. Строго говоря, феномен речевая общность того или иного коллектива следует обозначить как биосоциопсихолект, но для краткости лучше обратиться к термину социолект. В понятие социолект включается понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу. С этой стороны, социолект – это речь «среднего индивида», представляющего свою социальную группу, культуру; иными словами, социолект – инвариантная социально-маркированная подсистема языка.

С другой стороны, понятие социолект шире понятия социального типа и включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом факторов, имеющих не только социальный, но и биологический, и психологический характер, - место рождения, специальность, уровень образования, возраст, гендер, темперамент. Социальные характеристики говорящего мы рассматриваем как движущие силы, определяющие речевое поведение человека. Они накладывают отпечаток на его речь и тем самым отличают ее от речи других лиц, которые являются носителями иных социальных и биопсихологических признаков [3].

Важной предпосылкой любого социального исследования является признание того, что социальные структуры и язык – явления динамические, а не статические, поэтому желательно, чтобы динамический характер объекта отражался в терминах описывающих его. Наиболее удачным для описания процесса формирования социолекта, с нашей точки зрения, является термин страта – это признак, по которому производится стратификация (расслоение). Если рассматривать термин страта в таком качестве, то страта есть основополагающий признак определенной группы людей, который может иметь и социальную, и психологическую, и биологическую природу. Таким образом, социолект – это совокупность языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой.

Предметом нашего исследования послужили социолекты, реализующиеся в городской речи жителей города Перми, которые мы будем называть городскими социолектами. Материалы, положенные в основу работы, собирались в процессе многолетнего непосредственного наблюдения речевого общения, применялись также опросы и анкетирование представителей различных социальных групп Перми и городов Пермского края. Способом

познания городских социолектов в данном случае выступает моделирование. Стратификация же является таким методологическим подходом, который позволяет анализировать закономерности речевого поведения человека в реальных жизненных условиях. Введение в научный обиход понятия социолекта позволяет описать речь горожан любого города, как большого, так и малого, к чему в 20-е годы призывал профессор Б. А. Ларин [5].

В работе исследовались следующие страты: специальность (гуманитарии, не гуманитарии), место рождения (Пермь, районный центр, село), образование (высшее, среднее), возраст (20-29, 30-39, 40-49, 50 и более лет), гендер, темперамент (холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик).

Для выявления существенных страт, а также их иерархии использован дисперсионный анализ силы влияния (ДА), с помощью которого построена статистическая модель социолекта с максимальным учетом всей структуры изучаемого объекта. Специфика ДА как нельзя более точно позволяет определить функционирование результирующего (лингвистического) признака в группах объектов, объединенных по какой-либо страте. Это дало возможность перейти от характеристик единичного объекта к характеристикам групп. В данном случае – это позволило отойти от исследования идиолекта и перейти к исследованию социолекта, то есть увидеть в триаде общее – особенное – частное специфику социолекта как особенного феномена.

ДА основан на измерении вариаций результирующего признака. В качестве таких признаков в нашем случае выступают параметры единиц лексического, синтаксического и супрасегментного уровней. На лексическом уровне исследовалось знание и употребление в речи информантами диалектных, архаических и жаргонных единиц; на синтаксическом уровне – лингвистические признаки длина предложения и синтаксическая сложность, а на супрасегментном – паузация, темп речи и логическое ударение. Для изучения этих характеристик использованы следующие методы: анкетирование – для выявления знания и употребления лексических единиц (интроспективный анализ), анализ записей чтения и спонтанной речи – для определения лингвистических признаков синтаксического и супрасегментного уровней.

Исследованные факторы и их градации были сбалансированы в выборке информантов, что позволило сопоставить результаты экспериментов, проведенных по различным методикам. Выборка была спланирована с помощью «дерева» (графа). Все расчеты проводились по алгоритмам Н. А. Плохинского [7].

На первом этапе работы ДА применялся для построения статистических моделей частных социолектов, то есть социолектов, объединенных на основе одной из изучаемых страт. На втором этапе полученные частные модели обобщались в единую сводную модель социолекта, в которой определялись общие и специфические черты поведения всех рассматриваемых

мых факторов в их влиянии на речевую продукцию, и строилась иерархия этих факторов. Решение о существенности страт-факторов принималось по F-критерию Фишера на 5% уровне значимости. Подобный уровень является достаточным для гуманитарного исследования [8].

Сводная статистическая модель городских социолектов на основе данных ДА представлена в таблице, где показана иерархия существенных / несущественных страт-факторов. При этом несущественные страты заключены в скобки (табл. 1).

Таблица 1

Статистическая модель городского социолекта

Страты-факторы	Лексический уровень						Синтаксический уровень		Супraseгментный уровень			
	Диалектное слово		Архаическое слово		Жаргонное слово		Длина предложения	Синтаксическая сложность	Пауза	Темп		Логическое удар.
	Знание	Употр.	Знание	Употр.	Знание	Употр.				Чтение	Речь	
Специальность	4	3	1	1	1	1						
Место рождения	3	1	3	2			(3)	(4)			(3)	
Образование	2	4	2	(5)			1	1			(4)	
Возраст	1	2	(4)	(4)	(3)	(3)	(4)	(2)	(3)	(3)	(2)	(3)
Пол	(5)	(5)	(5)	3	(2)	2	2	(3)	(2)	1	1	2
Темперамент									1	2		1

Наборы страт не полностью совпадают для единиц разных уровней, поскольку при планировании экспериментов учитывалась специфика каждой лингвистической единицы. Две страты – «гендер» и «возраст» – исследованы во всех экспериментах. Полученные результаты показывают, что страта «гендер» является ведущей для супraseгментных признаков (логическое ударение, темп речи), для признака «длина предложения» на синтаксическом уровне и для употребления архаизма и жаргонизма на лексическом. Это говорит о том, что страта «гендер» в проведенных экспериментах существенно влияет только на речевое использование языковых единиц. Страта «возраст» является значимой для всех исследуемых параметров диалектного слова (знания, употребления), способствуя локальной окраске речи горожан. Во всех остальных случаях эта страта несущественна. Страта «место рождения» была исследована в экспериментах по диа-

лектному и архаическому слову, а также на синтаксическом уровне; на супraseгментном уровне рассматривался только темп речи. Эта страта оказалась существенной для лексического уровня и незначимой для синтаксического и супraseгментного уровней. Страта «образование» изучалась на лексическом (диалектизм и архаизм), синтаксическом и супraseгментном (темп речи) уровнях. Она наиболее важна для синтаксического уровня и для параметра «знание» лексических единиц, то есть можно считать, что эта страта в основном влияет на владение разными уровнями языковой системы. Страта «специальность» исследовалась только на лексическом уровне и для всех единиц этого уровня оказалась значимой. Страта «темперамент» является ведущей при анализе всех супraseгментных признаков.

Наборы существенных страт для различных лексических единиц также не совпадают. Таблица показывает, что ранги страт-факторов сближаются у архаического и жаргонного слов и противопоставляются диалектному. Средние проценты как знания, так и употребления архаизма оказались ниже, чем соответствующие показатели у локализма. Поскольку выборки информантов сбалансированы и являются сопоставимыми, этот факт говорит о том, что диалектное слово «ближе» информантам, чем архаическое.

Интересными оказались и такие данные, полученные с помощью ДА: для параметра «знание» диалектного слова страта «возраст» имеет большой вес ($\eta_x^2\% = 5,1$) и, являясь существенной, в основном определяет знание диалектного слова; при употреблении этой единицы ранг 1 получает страта «место рождения».

Общая сумма весов страт для параметра «употребление» локализмов оказалась в 4 раза ниже, чем для параметра «знание», что свидетельствует о гораздо меньшем влиянии выделенных страт на этот параметр в противовес параметру «знание».

Для архаической и жаргонной единиц существенной значимой, имеющей ранг 1 для знание и употребления, оказалась страта «специальность»: гуманитарии и хуже знают, и реже употребляют диалектное слово, чем не гуманитарии, в то же время гуманитарии лучше знают и чаще употребляют архаизмы и жаргонизмы. Безусловно, это связано с совершенно различными функциями и происхождением этих пластов лексики. Кроме того, диалектное слово ближе к просторечию, в то время как архаическое слово принадлежит письменной речи.

В таблицу внесены данные ДА общебытовых жаргонизмов, так как веса всех страт и по параметру «знание», и по параметру «употребление» для слов общебытового словаря значительно выше, чем, например, лексики производственного ядра. Следовательно, изучаемые страты в большей степени стратифицируют ту лексику, экспрессивная функция которой отчетливо выявляется наряду с собственно номинативной.

Страта «гендер» является значимой для употребления архаизма и жаргонизма – ранг 3 и 2 соответственно. В проведенных экспериментах эта

страта существенно влияет только на речевое использование вышеназванных единиц: в большинстве случаев мужчины знают и главным образом чаще употребляют эти лексические единицы.

Итак, структура языка не гомогенна. С одной стороны, национальный язык обслуживает общество в целом. С другой – каждый человек является носителем этого языка, а система языка, отраженная в речевой деятельности индивида, составляет его идиолект. Промежуточные образования – социолекты – обслуживающие группу лиц, объединенных какой-либо стратой. Как показало исследование, различие «групповых языков» зачастую заключается не в наличии / отсутствии языковых элементов, но в их количественной мере, то есть в разной частоте встречаемости языковых элементов в речи разных социальных групп, поэтому «групповые языки» можно представить как разные распределения вероятностей языковых элементов [1].

Таким образом, с одной стороны, наблюдается детерминированность речевой продукции от некоторых факторов, с другой – признается, что эта обусловленность носит вероятностный характер. Сочетание детерминистской и вероятностной логик способствует успешному описанию обиходной речи города в рамках социальной диалектологии.

Список литературы

1. Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – Пермь, 2005.
2. Ерофеева Т. И. Идиолект и социолект как объекты социальной диалектологии // Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2004. – С. 131 – 137.
3. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: монография / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
5. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1997.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990 (ЛЭС).
7. Плохинский Н. А. Биометрия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
8. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1992.

**Дискурсивно-коммуникативная модель перевода
в профессиональной подготовке устных переводчиков***

Volkova T. A.

**Discourse and Communication Translation Model in Interpreter
Training****

The paper addresses issues of (consecutive) interpreter training and possible applications of the discourse and communication translation model in interpreter preparation. The model helps draw up “discursive profiles” and incorporate them into translation analysis, remaining open to additional textual, discursive and communicative parameters.

В статье рассматриваются вопросы подготовки устных переводчиков (последовательный перевод) и возможности применения в профессиональной подготовке устного переводчика дискурсивно-коммуникативной модели перевода. Модель позволяет составить «дискурсивные досье» и включить их в парадигму переводческого анализа, не ограничивая список параметров текста, дискурса, коммуникации рамками одной схемы.

Key words: translation (interpretation) analysis, consecutive interpreting, translation-relevant discourse parameters, discourse and communication translation model, chuchotage, sight translation, institutional discourse, translation (interpreting) strategy.

Ключевые слова: переводческий анализ, последовательный перевод, трансляционно релевантные параметры дискурса, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, «нашептывание», перевод с листа, институциональный дискурс, стратегия перевода.

1. Introduction

Preparing for an interpreting assignment includes information retrieval (familiarizing oneself with a topic, working with references, information sources, and dictionaries, studying parallel and precedent texts, studying and compiling glossaries) and (pre)translation (interpretation) analysis¹ that an interpreter performs basing on materials available prior to the event and/or self-facilitated materials (information on main topics to be discussed, an event format, a list of delegates, etc.). Interpreter preparation also includes various forms

© Волкова Т. А., 2013

* Публикация осуществляется при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (грант №14.В37.21.0713).

** Published with financial support of the Federal Targeted Program “Research and Academic Personnel of Innovative Russia” for 2009-2013 (14.B37.21.0713).

¹ Referring to “translation analysis” or “translation strategy”, we shall imply both “translation” and “interpreting.”

of self-training aimed at enhancing delivery, psychological, mnemonic, listening skills, etc. Dividing the preparation process into stages mainly for research purposes, we shall look at some interpreter training techniques (consecutive interpreting), general principles of translation analysis, and parameters of the discourse and communication translation model [4].

In the discourse and communication translation model linguistic (lexical and semantic, syntactic, stylistic, and pragmatic) peculiarities of the source text (ST), its discursive characteristics (text authorship, addressness, and narrative), discourse nodal points, discourse constitutive features (goals, values, chronotopos, linguistic expression, topic and participants of discourse, and interdiscursivity), communicative functions, typical features and strategies determine decisions made by a translator and build up translation microstrategies on the textual level and translation macrostrategies on discursive and communicative levels. Referring to the “nodal points of discourse,” we follow the terminology described in [2; 10]. The discourse and communication translation model provides the following parameters for interdiscursivity analysis: field (topic) and tenor (participants), goals, values, and nodal points of discourse, linguistic features and discursive characteristics of text (mode of discourse), typical features, functions, and strategies of communication. Referring to the “field of discourse,” “tenor of discourse,” and “mode of discourse,” we follow the terminology described in [1]. The discourse and communication translation model is explanatory in character and provides a range of features (translation-relevant discourse parameters) for working out a translation strategy.

2. Consecutive Interpreter Training: Basic Guidelines

We assume that (consecutive) interpreter training includes the following components: preparing for an interpreting assignment (self-preparation: familiarizing oneself with a topic, working with the ST genre, and self-training); preparing for an interpreting assignment in class; interpreting in class; analyzing students' performance. Regular term assignments also form an integral part of an interpreter training course to develop useful professional habits and skills (compiling glossaries; shadowing; mnemonics, public speaking, developing listening skills, etc.). More translation and interpreting (T&I) training issues and guidelines for consecutive interpreting and negotiation interpreting courses are discussed in [5; 7; 8] (in Russian).

Self-training may include searching for and selecting audio and video recordings on the subject with regard to the source text genre, listening to and interpreting the recordings. This form of self-training allows an interpreter to practise or recover necessary skills, as well as work on vocabulary, special and protocol terms, clichés, various accents and other speech features of event contributors (e.g., should they be non-native speakers of an interpreter's working language or should a contributor's speech be characterized by some regional features).

An interpreter should find out what organizations, institutions, or companies are associated with an upcoming event. An interpreter analyzes data from

official websites, as well as website architecture to find out what language is used to convey the most important information, what languages the website is localized into and how fully. An interpreter then studies the source language (SL) and target language (TL) sections of the website. Should the website TL version be incomplete, an interpreter works with TL websites on similar topics. Having selected website sections containing relevant information, an interpreter would usually look for source language and target language texts on the subject using both the main website and other resources, specify principal concepts and terms, and compile a bilingual assignment-related glossary.

An interpreter uses the collected materials to put down and verify facts and figures in the source language and target language: full names and titles of officials, company business units and cooperating company names, public documents, main dates and milestones in the history of companies or organizations, principal lines of business, as well as other facts and figures as an interpreter sees fit. An interpreter would then use other sources to supplement any available data with more texts on the subject. Sources may include various references, partner links, news feeds, search engines, etc. An interpreter compiles their own selection of related resources, paying special attention to the credibility of online resources (official sites, reviewed encyclopedias and specialized resources, etc.).

For self-preparation and self-training students may be given a set of key words for each class (topic) in their working languages, e.g. the following key words in English and Russian for working with a foreign delegation: *international business etiquette and manners, e-mail etiquette, dress code, formal reception, business attire; программа пребывания делегации, деловой этикет, деловой протокол, официальный прием*. Students may then find the key words equivalents in both working languages and use the key words to search for, select and translate SL and TL texts on the subject.

Presuming that speakers may use slides in their presentations, an interpreter would normally receive some slides from a client when preparing for an event (alternatively, receive an additional assignment to translate slides for the event participants; receive slides in the source language or some previously translated slides) and/or search for SL and TL presentations with slides related to issues to be discussed. Students are therefore encouraged to use slides with or without notes (script) for preparation.

Interpreting a presentation with slides involves a number of extralinguistic challenges: information congestion, a speaker's attention to external effects, a speaker's insufficient speech culture and poor presentation skills (when a presentation lacks clarity, when a speaker strays from the point or switches slides randomly and breeches the logic of a narrative). Slides might be hard to obtain in advance; slides might be previously poorly translated (mistranslated terminology, definitions) or undergo last-minute changes. Translating slides to be used by conference participants or sight-translating similar materials can be an efficient way to prepare for an interpreting assignment and a good exercise or a reference to rely on. It is important for an interpreter to be able to use the slides

when interpreting and take necessary notes. A distinctive feature of practically any talk to be given relying on slides as a form of summary and visual aid is a speaker's and an interpreter's interaction with the public.

Students may also use the key words to select SL and TL video and audio recordings on the subject to interpret (self-training in consecutive interpreting and chuchotage).

Students are encouraged to use the texts and recordings to make a list of guidelines for an interpreter and their clients (e.g., delegates or hosts) for a specific setting (e.g., working with a foreign delegation).

Another activity is making a SL or TL presentation and slides on the subject to deliver and have a colleague interpret in class. A "speaker" should compile a glossary and send it to the class for interpreters to prepare. In class, any student may be chosen to act as an interpreter.

As part of their preparation, students are asked to select and analyze SL and TL text samples of particular spoken or written genres (types), e.g., an opening speech, a keynote presentation, a letter of invitation, or an agenda, and see what templates may be used when producing SL or TL texts.

Another task is to design and develop a role play scenario (e.g., hosting a foreign delegation – meeting delegates at the airport, hotel accommodation, social events, etc.). Designing a role play, students should prepare and send out all the necessary information to the class (e.g., delegates' background and the purpose of their visit), draw up and translate any related paperwork (e.g., an agenda). When role-playing in class, any student may be chosen to act as an interpreter.

Having covered a particular domain (topic), an interpreter should make sure to correct and revise their glossaries basing on the texts for preparation and translation, videos, student presentations, and role plays, and make a list of useful links and other resources.

Interpreting in class includes in-class preparation, interpreting proper and analyzing students' performance. Preparing for an interpreting assignment in class covers the following assignments (activities): share information on the subject and discuss the texts, audio and video recordings that students have prepared; translate and verify 20 to 30 proper names; share, translate and verify terminology in the students' glossaries (20 to 25 terms); translate / interpret clichés, domain-specific and protocol terms and phrases; complete a few exercises in sight translation (short homework or classwork texts or text segments, 100-150 words each, 5 to 10 min for preparation, no preliminary discussion).

Interpreting in class includes interpreting (consecutive or chuchotage) a presentation (with or without slides) on the subject delivered by a trainer in the following way: 100 to 150 words – interpreting – 100 to 150 words – interpreting. Students also interpret presentations (with or without slides) that they have

prepared (SL, TL), as well as videos on the subject (SL, TL)¹. A role play, prepared as described above, is another useful activity. Students are also encouraged to practise shadowing, sight translation, or chuchotage to develop necessary skills and improve their individual performance.

To analyze students' performance, a trainer and students would note down and, after each interpreting assignment in class or at the end of the class, comment on the successful and not so successful decisions made by an interpreter, their individual performance, inaccuracies and mistakes, and assess linguistic components and delivery, interpreter's ethics and conduct. Students would also note down any individual drawbacks in their interpreting for further self-analysis and self-training, correct and revise their glossaries, analyze any delivery drawbacks and identify any gaps in their knowledge and skills they need to work on.

Possible forms of classwork for an interpreting course may therefore include all or any of the following: interpreting audio and video recordings and texts pronounced by a trainer or a fellow student (spontaneous, read from script, or both); interpreting students' presentations with or without slides; role plays; interpreting a guided tour onsite (at a museum or an exhibition); working with an invited expert; mock conferences; "out-of-school activities" (competitions for interpreters, professional conferences and continuing professional development).

To help with student preparation and overall interpreting course organization, a trainer may apply some of the following ideas for a T&I educational website² (exemplified here by consecutive interpreting and negotiation interpreting courses): post some basic preparation materials (links to main resources and videos, SL and TL texts; recorded speeches, domain-specific lectures and guided tours); post interpreting and translation videos, recorded T&I workshops and webinars, articles and professional guidelines; use RSS feeds covering particular subjects; post albums with photos taken onsite or in class to analyze students' overall performance, delivery, external factors, etc.; use a blog for current assignments, industry events, competitions and professional events intended for or attended by students, as well as interviews with translators and interpreters, particular talks and workshops, and other selected materials; add a page where T&I students may write about their first steps in the profession; add a useful links page and a forum.

3. Applying Discursive Profiles to Interpreter Preparation

Most T&I students have a linguistic background or attend several advanced courses in comparative linguistics, discourse analysis, translation theory, etc. Apparently, having received this kind of theoretical background, students should be encouraged to use it for their actual translation and interpreting assignments, more specifically, in translation analysis that they often tend to limit to a few general linguistic and non-linguistic observations or skip altogether.

¹ Video and audio recordings are usually dealt with in the following way: a student would listen to a 1.5 – 2 min ST segment and interpret, then listen to another 1.5-2 min ST segment and interpret.

² More information and examples can be found at my T&I educational website <http://volkova.professorjournal.ru> [6].

Interpreters should heed (institutional) discourse parameters and develop their discourse awareness when interpreting or preparing for an interpreting assignment. To analyze various communicative situation parameters, an interpreter may work with descriptions of particular kinds of institutional discourse (e.g., negotiation discourse, pedagogic discourse, or scientific discourse – for negotiation interpreting, interpreting a scientific report, or interpreting a lecture respectively). Preparation for an interpreting assignment may therefore include translation analysis based on the discourse and communication translation model components.

Having collected some information and parallel and precedent texts in addition to materials received from a client, an interpreter should specify the ST linguistic (lexical and semantic, syntactic, stylistic, and pragmatic) peculiarities, its discursive characteristics (text authorship, addressness, and narrative), discourse nodal points and discourse constitutive features. Having analyzed the general structure of a text of a particular genre, an interpreter specifies genre-related lexical and semantic, syntactic, stylistic, and pragmatic peculiarities of the SL text and the TL text and compiles a short description of the genre for future reference¹.

Working with parallel and precedent texts and slides allows an interpreter to analyze the ST composition and determine the narrative progression, logical, thematic, and stylistic coherence, text segmentation, and logical links. Analyzing text authorship and addressness as the source text discursive characteristics, an interpreter should get an idea of background, sociocultural and domain knowledge levels of the source text author and source text and target text (TT) receivers. A spoken text is more receiver-focused, and an interpreter faces quite strict requirements that the TT should meet. Analyzing the ST lexical and semantic features (standard clichés, vocabulary, abbreviations, precision information, and means of cohesion) and other linguistic peculiarities should help an interpreter review the form of a corresponding discourse. Once an interpreter has an idea of the field, chronotopos and tenor of discourse, they determine the discourse nodal points, its goals and values, as well as possible forms of interdiscursivity. While analyzing, an interpreter can also determine communicative functions reflected in the source texts, typical features and strategies of communication.

Functioning as a “broad extralinguistic context²,” a particular discourse kind helps trace the ST development and its “environment” and therefore determine the TT “environment.” Using discourse parameters in translation analysis helps a translator (interpreter) apply the results of current discursive research (including a wide range of detailed institutional discourse descriptions) and draw up “discursive profiles” to translate (interpret) texts that reflect corresponding

¹ An experienced interpreter is apparently aware of many of the above aspects and may skip some steps of the analysis.

² Cf.: “Pretranslation text analysis suggests ‘incorporating’ this text into a broad extralinguistic context” (O.V. Petrova) [9, p. 42].

kinds of discourse. Incorporating not only textual, but also discursive and communicative parameters into the translation analysis paradigm helps a translator (interpreter) integrate various approaches and apply features belonging to different models and schemata.

In order to use the discourse and communication model parameters as an algorithm for translation analysis, we need to make allowance for the following. Referring to the concept as a “model” is, to a certain extent, conventional. The model is understood as a combination of all the discourse parameters basing on the communicative approach to translation. These parameters can be equally applied to translator (interpreter) training. We assume that within the framework of the model, the process of translation is cyclic: decisions are made at each level, and as the translation process unfolds, the cycle is repeated¹.

For each communicative situation, a student may be encouraged to draw up a brief description of a particular kind of (institutional) discourse for further interpreting preparation, and either use resources preselected by a trainer or do some research and find theoretical references to be briefly discussed in class. Subject fields, text types (genres), kinds of institutional discourse and preparation materials may vary as long as they help an aspiring interpreter work out a plan to prepare for an interpreting assignment. We assume it is essential to provide information on the upcoming class content and give some preparation guidelines (preferably in some particular order for beginners), but the number and content of particular assignments for self-training and classwork may vary at the discretion of a trainer.

The discourse and communication translation model complements the existing concepts of (pre)translation analysis and remains open to additional textual, discursive and communicative parameters pertaining to various schemata and learning systems. We assume that the “discursive profiles” drawn up by a translator (interpreter) may be incorporated into translation analysis either applying the discourse and communication translation model or any other analysis paradigm as translators (interpreters) see fit.

References

1. Halliday M. A. K. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective* – Oxford: Oxford University Press, 1991.
2. Laclau E. and Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / Second Edition*. – London; New York: Verso, 2001.
3. Nord C. *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Second Edition*. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2005.
4. Volkova T. A. *Discourse and Translation Modeling*. – Yelm, WA: Science Book Publishing House, 2012.

¹ Cf. the “looping model” put forward by C. Nord: “translation is <...> a circular, basically recursive process comprising an indefinite number of feedback loops, in which it is possible and even advisable to return to earlier stages of the analysis” [3, p. 34].

5. Волкова Т. А. Обучение устному последовательному переводу // Translation Forum Russia 2012 (Казань, 28-30 сентября 2012 г.) – [Электронный ресурс]: <http://2012.tconference.ru/download/142/>
6. Волкова Т. А. Образовательный сайт о переводе, переводчиках и переводоведении. – [Электронный ресурс]: <http://volkova.professorjournal.ru>
7. Волкова Т. А. Перевод переговоров: методические указания / ред. Л. Л. Шигорина. – Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2010.
8. Волкова Т. А. Устный последовательный перевод с применением мультимедийных технологий (для студентов английского отделения): методические указания / ред. Л. Л. Шигорина. – Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2009.
9. Петрова О. В. Модель предпереводного анализа текста // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: моногр. / под общ. ред. В. В. Сдобникова. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2007. – С. 38 – 42.
10. Филлипс Л. Дж, Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.

**Актуализация метафорической модели «Политика – это война»
в немецкоязычном политдискурсе**

В статье рассматриваются некоторые лингвокогнитивные особенности исследования метафорических единиц, актуализирующих субсферу-источник «Военные действия» в современной немецкой социальной коммуникации. Узуальные метафорические значения отражают стереотипные культурные образы, которые развиваются в дискурсивном пространстве.

The paper presents some of the cognitive linguistic peculiarities of the metaphorically used words and phrases that activate the Source sub-domain “Warfare” in the current social communications in German. The metaphor meanings in usage reflect the culture's stereotypical imagery which develops within the space of the discourse.

Ключевые слова: политический дискурс, немецкий язык, метафорическая модель, языковая картина мира, концептуальная метафора.

Key words: political discourse, the German language, metaphorical model, linguistic worldview, conceptual metaphor.

В современном языкознании разнообразные исследования политического дискурса получили широкое распространение и охватывают коммуникативные, дискурсивные, идеологические, когнитивные и иные его аспекты, в том числе в последней связи – изучение метафорической системы политического языка в рамках той или иной лингвокультуры [см.: 1; 2; 3; 5]. С точки зрения своей когнитивной природы метафора выступает в языке политики не как образное средство и не как средство (вторичной) номинации, а как инструмент познания социальной реальности, накопления, упорядочивания, переработки и передачи знаний и опыта в данной важной области человеческой жизнедеятельности, охватывающей общественно-социальные отношения.

Как показывают результаты исследований на материале различных языков и политических культур, метафора всегда этноспецифична и несет в себе, как и весь язык в целом, отпечаток культур того общества, который ее «породил» [3], однако метафорические образы могут быть сформированы под воздействием со стороны других культур и/или быть заимствованы из них.

В немецком политическом дискурсе метафорические номинации носят, с одной стороны, узуальный характер, так как некоторые метафорические образы закреплены в словаре немецкого языка (актуальные «живые» и уже «мертвые» вторичные наименования), с другой стороны, они появляются и в дискурсивной практике в социально-политической сфере гер-

манского государства и общества и в языке СМИ, причем как на основе традиционных образов, расширяя и развивая их, так и в виде «креативных» неологизмов в определенных контекстах.

Когнитивная сущность метафоры понимается как бинарное сопряжение двух понятийных (концептуальных) сфер (из первой проистекает, а во вторую проецируется метафорический образ), упорядочивающихся в виде определенной схемы или модели [см.: 5].

Источниками политической метафорики в немецком политическом языке предстают различные понятийные сферы [3], обладающие как определенными структурно-семантическими свойствами и характеристиками степени сложности (разветвленности) фреймо-слотовой системы, так и проявляющие квантитативные параметры функциональных свойств частотности, продуктивности, доминантности, при этом метафорические единицы активно вступают в парадигматические и синтагматические отношения в рамках одной модели (из одной концептосферы) и с элементами других моделей (концептосфер).

Ситуации политического противостояния в современной единой Германии и в Европейском Союзе, где Германия играет доминирующую роль в экономике и в политическом плане, ярко и наглядно манифестируют метафоры исходной понятийной субсферы «Война», охватывающей номинации войны и ее видов, военных походов и кампаний, различных ее аспектов (начало и завершение боевых действий, мобилизация и демобилизация, битвы и сражения, поле битвы и места сражений, итоги войны (победа, поражение) и пр.).

В немецкоязычном политическом дискурсе описываются ситуации острого межпартийного и межфракционного (внутриполитического) противостояния. В целом следует констатировать, что мотивы войны прочно интегрированы в немецкую лингвокультуру, что в полной мере отражает и «богатую» историю войн, которые вели германцы / немцы, начиная с древности, когда германцы захватили и разрушили Римскую империю, и заканчивая XXI веком, когда ФРГ как член НАТО участвовала и участвует в военных операциях (под военным руководством США) в Европе (на Балканах), на Ближнем Востоке и в Средней Азии (Афганистан). Германцы на всем протяжении своей истории воевали, в связи с чем военные понятия органично влились в социальную подсистему немецкого языка, не воспринимаясь негативно (в зависимости от передаваемого смысла и описываемой ситуации). Если речь не идет о военных потерях и/или разрушениях, что несет в себе негативные коннотации, то военная метафора вполне уместна и активно используется немецкими политиками для описания различных социально значимых ситуаций, политических процессов и явлений.

«Милитаризация» сферы политики осуществляется в первую очередь благодаря переносам соответствующих наименований на основе сходства по действию (переосмысления буквальных действий, явлений, состояний), когда система отношений, события и ситуации войны проецируются на це-

лостную немецкую политическую систему и на отдельных ее субъектах (политиков, партии, правительство и т. д.).

Фрейм «Война и ее итоги» в современном немецком политическом дискурсе упорядочивается тремя слотами: «Война и военные походы», «Начало и завершение военных действий» и «Битва, сражение», в которых на первый план выдвигаются различные аспекты военной субсферы.

Первый фрагмент отражает войну как полномасштабные боевые действия. Война и военные походы в области политики – это противостояние основных политических сил современной Германии: блока ХДС / ХСС (Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз) (die CDU / CSU), которому принадлежит действующий федеральный канцлер Ангела Меркель (с 2005), и СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) (die SPD), от которой канцлером единой Германии был Герхард Шрёдер (1998 – 2005).

Так, понятие войны метафорически переносится как на собственно межпартийные и межфракционные (в бундестаге) отношения, так и на другие виды общественной деятельности, например, общение в СМИ и PR, ср.: „Laufen die Konfliktlinien überhaupt noch entlang der Parteigrenzen?“ [12, S. 279].

Из военной истории Германских империй переносный смысл приобретают понятия „der Kolonialismus“ («колониализм») и „die Expansion“ («экспансия»), которые используются в составе сложных слов, выражая определенные виды политики государства. Так, первичное значение слова „die Expansion“ – „das Expandieren (1)“, „die Vergrößerung“ [7] – отражается на переносном значении, выражающем стремление к увеличению сфер своего политического и военного влияния.

Позднее, уже в Новейшее время (третья четверть XX века) эта метафора спроецировалась в экономическую сферу, означая расширение рынков сбыта своей продукции («экономическая экспансия»). Понятие экспансии (в метафорическом смысле) получило развитие в многочисленной группе композитов с первым компонентом „Expansion(s)-“, которые описывают разные аспекты этого явления: «политику экспансии» („die Expansionspolitik“) и проводящих ее «политиков» („die Expansionspolitik“), «сторонников» экспансии („der Expansionist“) и т. д.

В немецкой политике появилось также понятие „der Ökokolonialismus“, сокращение от „der ökologische Kolonialismus“, то есть активное использование природных ресурсов в промышленных целях, например: „Wenn wir ernst machen mit einer solchen Politik, dann haben Vorwürfe wie „Ökokolonialismus“ keine Grundlage“ [13, S. 266].

Понятием экспансии манифестируются прежде всего явления, связанные с распространением культуры и образования, как правило, в другие страны, как это представлено в том числе и в метафоре-комposite „die Bildungsexpansion“ («образовательная экспансия»): „Die großen Schwellenländer vollziehen die Bildungsexpansion gegenwärtig mit großer Geschwindigkeit...“ [14, S. 299].

В 2001 году после терактов в Нью-Йорке (США) американскими политиками в обиход была введена метафора «крестовый поход» („der Kreuzzug“), которая должна была создать впечатление об ответных военных мероприятиях США как о выполнении «святой» миссии борьбы с мировым терроризмом и тем самым создать предпосылки для самолегитимации применения военной силы против заранее обусловленных целей. Эта же метафора стала использоваться и виртуальными оппонентами США, против которых она и была направлена, с целью придать конфликту США / Аль Каида статус религиозной борьбы (ислам против христианства), и европейскими союзниками США, включая германских политиков. Так, в частности, немецкий президент Й. Рау, бывший до своего президентствования священником, критиковал данное понятие, ср.: „Und bin Laden spricht auch von „Kreuzzügen“ der Kapitalisten“ [15, S. 394].

В некоторых контекстах образ «крестового похода» развивается путем введения других, семантически близких метафор, которые расширяют данную ситуацию и придают ей иной смысл. Так, Й. Рау в одной из своих речей в ответ на призывы к «крестовым походам» высказал мнение, что «крестовые походы» заканчиваются большими жертвами и современной политике нужны не «воины господни» („Krieger Gottes“), а добрые «самаритяне» („Samariter“): „Und er spricht von Kreuzzügen. Wer von den Kreuzzügen etwas weiß, der weiß, wie viele Menschen dabei zu Tode gekommen sind, obwohl sie schuldlos waren. Und Kreuzzüge helfen keinem weiter. Deshalb brauchen wir mehr Samariter und weniger Krieger Gottes“ [15, S. 395].

В словарь немецкого языка внесено традиционное политическое понятие „die Wahlkampagne“ («предвыборная кампания»). Традиционными уже давно стали понятия «экономическая», «торговая», «дипломатическая» и т. п. войны, которые выражают состояние напряженного отношения между странами или введение взаимных экономических санкций (по политическим и пр. причинам).

Также переносные значения в немецком языке активно получает военное понятие „der Kleinkrieg“ («малая [локальная] война; партизанская война»), которое проецируется в сферу социальных и межличностных отношений, где выражает значение „dauernder Streit um Kleinigkeiten, ständige Reibereien“ [7] («долгий спор о мелочах, постоянные разногласия»).

У вербального деривата-конверсива „kleinkriegen“ значение партизанской войны отсутствует, но милитарная составляющая реализуется в одном из значений: „kleinkriegen“ – 1) «промотать (состояние)»; 2) «одержать верх (над кем-либо), одолеть (кого-либо), сломить (чье-либо) сопротивление; согнуть в бараний рог (кого-либо)» [6], например: „er lässt sich nicht kleinkriegen“ («он не сдается»).

Наименования этапов войны – начало и завершение военных действий – активно используются в политической риторике в переносном смысле. Любая война имеет свое начало и свой конец. Окончание войны сигнализирует о победе одной сторон и, соответственно, поражении дру-

гой. Основная задача в войне – победа над противником, подрыв или захват его ресурсов. В области современной немецкой политики термины, обозначающие фазы и цели войны, провозглашают объявление «войны» мировому терроризму (не только ФРГ, но всеми Западными «демократиями») и желательную, неременную «победу» над ним, что выражается глаголами „bekämpfen“, „besiegen“, „gewinnen“, ср.: „Wir müssen den Terrorismus bekämpfen, und wir werden ihn besiegen“ [15, S 103]; Genau so wichtig ist es, in den Staaten Europas das öffentliche Bewusstsein für die Notlage der Migranten zu schärfen und das Gift des Rassismus und der Fremdenfeindlichkeit zu bekämpfen“ [16, S. 218].

Для данных вербальных метафор характерна дистрибуция с единицами других понятийных субсфер: «религиозной» („die Propheten der Gewalt“) и «фитоморфной» („j-n den Boden entziehen“), благодаря чему создается комплексный метафорический образ, например: „Wer den Terrorismus wirklich besiegen will, der muss durch politisches Handeln dafür sorgen, dass den Propheten der Gewalt der Boden entzogen wird“ [15, S. 103].

В сфере внешнеэкономической деятельности важным является выход на новые рынки сбыта, что традиционно вербализуется метафорой „erobern“: „Zukunft bedeutet dabei, neue Wege zu gehen, Visionen zu haben, neue Märkte zu erobern – rund um den Globus wie in der Nachbarschaft“ [11].

Окказиональное метафорическое словоупотребление может описывать в свою очередь комплекс факторов, связанных с экономикой, политикой и пр.: „Ich glaube auch nicht, dass es zu einem großen Ansturm von Deutschen kommt, die hier in Polen Grund erwerben wollen“ [14, S. 503].

Негативными итогами войны является военное поражение, капитуляция, которые манифестируют неспособность достижения поставленных целей, разрешения насущных и важных проблем и иные политические неудачи, ср.: „Ist die Politik somit auf dem besten Wege, vor der Komplexität der Probleme des gesellschaftlichen Lebens zu kapitulieren?“ [12, S. 321]; „Das geht von der begeisterten Zustimmung für Ihre Friedenspolitik bis zur Ablehnung und zur politischen Niederlage, weil diese Politik zum Spielball eines mit allen medialen Mitteln geführten Kampfes des schon erwähnten Gestrigen wurde“ [13, S. 122].

Итогом «предвыборной кампании» может быть как победа („der Wahlsieg“, „der Wahlsieger“, „die Wahlsiegerin“), так и поражение („die Wahlniederlage“), ср.: „ein überraschender, hoher, deutlicher Wahlsieg“; „einen Wahlsieg erringen“; „sie feiern ihren Wahlsieg“; „im Falle eines Wahlsiegs der Konservativen wird sie Außenministerin“; „eine schwere Wahlniederlage erleiden“.

Ситуация начала военных действий и их окончания связана с понятиями «мобилизации» и «демобилизации». В политической сфере мобилизация („die Mobilisierung“, „mobilisieren“) затрагивает, как правило, экономические и материальные ресурсы государства для определенных социально-экономических целей [см. про финансово-экономическую ме-

тафору: 4], как это представлено, например, в следующих контекстах политических речей: „Hätten wir dies getan, hätten wir zwischen 20 und 25 Milliarden Mark mobilisieren müssen“ [21]; „Mit dem „Sofortprogramm von Bundesregierung und IuK-Wirtschaft zur Deckung des IT-Fachkräftebedarfs in Deutschland“ vom Frühjahr 2000 hat die Bundesregierung eine Vielzahl von Maßnahmen zur Mobilisierung des Fachkräftepotenzials eingeleitet“ [11].

Помимо этого мобилизоваться могут идеи, решения, усилия для решения определенных идеологических, культурных и гуманитарных задач, ср.: „Welche Idee vermag die Menschen künftig für Europa zu mobilisieren?“ [8, S. 16].

При метафорической концептуализации немецкой политики в терминах войны и военных действий еще одним важным фрагментом является группа наименований с архисемой «битва, сражение».

Метафорическое употребление лексем «борьба» („der Kampf“) и «битва» („die Schlacht“) стало уже традиционным применительно к сфере политики (ср. в рус. яз.: «политическая борьба», «предвыборная борьба» и т. д.). Метафора „Kampf“ описывает, как правило, взаимоотношения разных политических сил Германии (партий, фракций, правительства и оппозиции) и употребляется как отдельное самостоятельное слово, так и в качестве последнего компонента сложного слова: „In den letzten Wochen ist gelegentlich die Frage gestellt worden, ob denn nun der «Kampf der Kulturen» begonnen habe oder bevorstehe, den Samuel Hintington seit 1993 in einem Aufsatz und dann in seinem bekannten Buch vorausgesagt hat“ [15, S. 160].

Компонент „-kampf“ является частью композита, когда речь идет о какой-то конкретной ситуации, например, о федеральной предвыборной кампании в Германский бундестаг или о земельных выборах, где первый компонент как раз и конкретизирует данный аспект („der Wahlkampf“, „der Bundestagswahlkampf“): „Ich möchte gerne deutlich machen, dass wir mit diesem Gesetzentwurf nicht die Hoffnung verbinden – ich jedenfalls nicht, Herr Bosbach –, dass damit die Debatte über Zuwanderung beendet sei, egal ob im Wahlkampf oder außerhalb des Wahlkampfes“ [18]; „Ich wünsche mir, daß sich unser Gemeinwesen solchen Fragestellungen zuwendet, spätestens dann, wenn sich die multimedialen Nebelschwaden des Bundestagswahlkampfes verzogen haben werden“ [9, S. 13].

Политическое понятие „der Wahlkampf“ уже настолько традиционно, что потеряло всякую образную силу и стало языковой метафорой, что находит свое выражение также и в дальнейшей морфологической деривации, то есть в образовании сложных слов с первым компонентом „Wahlkampf-“, являющимся атрибутом по отношению ко второму (с точки зрения морфемного состава – третьему) компоненту. Словообразование развивается как на узуальном уровне (подобные слова уже отмечены в толковом словаре), так и на окказиональном (индивидуально-авторские новообразования с, как правило, реанимированной образностью). Так, узуальными являются такие композиты, как, например: „die Wahlkampfkosten“ (Pl.) («расходы на

предвыборную кампанию»); „das Wahlkampfabkommen“ – „Abkommen zwischen Parteien, in dem bestimmte Verhaltensregeln für einen Wahlkampf festgelegt sind“ [7]; „das Wahlkampfthema“ – „Thema, das in einem Wahlkampf eine Rolle spielt“ [7], например: „diese Frage ist kein geeignetes Wahlkampfthema; „etwas zum Wahlkampfthema machen“. Помимо этого, от слова „der Wahlkampf“ произошли слова, обозначающие действующих лиц в процессе выборов, соответственно мужского и женского пола: „der Wahlkämpfer“ и „die Wahlkämpferin“.

Яркие метафорические образы реализуются при поддержке традиционной военной метафоры окказиональными лексическими единицами из той же самой понятийной субсферы, что в свою очередь также «регенерирует» образность традиционной метафоры. Окказиональные метафорические контексты при этом могут развиваться за счет введения различных лексических единиц из военной сферы, создающих более развернутые образы и/или содержащих уточнение, объяснение той или иной манифестируемой ситуации. Так, преднамеренное введение оппонентов в заблуждение через СМИ создается погодно-климатической метафорой „die Nebelschwaden“ («клубы дыма»), которые по функции близки дымовой завесе (также скрывают истинные намерения и пр.).

Ситуация борьбы может пересекаться со спортивной тематикой, как это представлено в следующем примере, где в контекст введена спортивная метафора „der Spielball“ («игровой мяч, игрушка») и присутствует также другое военное понятие – „die (politische) Niederlage“ («(политическое) поражение»): „Das geht von der begeisterten Zustimmung für Ihre Friedenspolitik bis zur Ablehnung und zur politischen Niederlage, weil diese Politik zum Spielball eines mit allen medialen Mitteln geführten Kampfes des schon erwähnten Gestrigen wurde“ [13, S. 122].

Понятие о ведении честной / нечестной предвыборной борьбы передается посредством экспликации используемых видов оружия. Так, сабля („der Säbel“) и тяжелое холодное оружие („die Schlagwaffe“) считается грубым, недостойным оружием (передает использование нечестных методов ведения предвыборной кампании), в то время как честной и адекватной является рапира („das Florett“), при этом «сабля» и «рапира» могут выступать антонимами: „Und da, glaube ich, ist das Land auf einem guten Weg, auch wenn gegenwärtig ein Wahlkampf geführt wird, bei dem manche den Säbel statt des Floretts benutzen“ [16, S. 585].

Интересными представляются случаи наложения нескольких (как правило – двух) метафорических образов, которые соответственно условно именуется «двойной» метафорой. Так, предикатом метафоры „der Wahlkampf“ может стать понятие из спортивной сферы „der Wettbewerb“, и тогда схема метафорического значения будет выглядеть следующим образом: «предвыборная агитация» ← „Wahlkampf“ ← „Wettbewerb“, как это представлено в следующем фрагменте: „Wir leisten zu wenig für die Bildung. Das hängt aber auch damit zusammen, dass all Parteien dazu neigen,

Wahlkämpfe zu einem Wettbewerb über Steuersenkungen zu machen“ [16, S. 591].

Еще более сложным в семантическом плане является наложение значений в рамках одного сложного слова, когда компоненты композита-метафоры вступают в отношения главного и зависимого элементов (главное слово и его определение), например: „die Wahlkampfgetöse“ («шум / гул / рокот предвыборной кампании») = „das Getöse des Wahlkampfes“, где ситуация «предвыборной борьбы» расширяется природной метафорой „das Getöse“ («бушевание; гул, шум; рокот; вой (ветра)»), создавая чувственно-наглядный аудиальный образ разворачивающейся политической борьбы: „Das Gerede der SPD vom Kassensturz ist angesichts des von der Bundesregierung vorgelegten vollständigen Zahlenwerks nichts anderes als Wahlkampfgetöse“ [23, S. 3].

В идиостиле федерального президента ФРГ Й. Рау широкое распространение получила метафора «окопные битвы/войны» („Grabenkämpfe“, „Grabenkriege“), которая образно представляла внутригерманские межпартийные отношения как сводившиеся к бесконечным идеологическим спорам и мешавшие конструктивной работе, например: „Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteilichen Grabenkämpfen zu beteiligen“ [14, S. 409]; „Die Zeiten ideologischer Grabenkriege gehören der Vergangenheit an“ [16, S. 634].

Еще одним смыслом метафоры „Kampf“ является обозначение социально-политических мер, предпринимаемых государством с целью противодействия криминалитету, терроризму и пр. В данном случае метафорический образ менее ярок, поскольку роль воюющей стороны играет вместо армии всё государство (реализация метонимического расширения «армия (как часть государства)» → «государство (в целом)») или иные международные структуры (НАТО, ООН и т.д.), обладающие также силовыми подразделениями, ср., например, следующие окказиональные контексты: „Die Vereinten Nationen haben sich im Kampf gegen den internationalen Terror als unersetzliche Kraft und Handlungsrahmen der Völkergemeinschaft profiliert“ [17].

Глагол „kämpfen“ («бороться») в свою очередь выражает приложение сил для достижения поставленной цели, связанное с преодолением трудностей: „Wir werden klar machen, dass wir nicht damit rechnen, dass 2010 Ende der Fahnenstange im Bergbau ist. Es wird einen Bergbau danach geben. Er wird noch einmal anders aussehen als der jetzige. Aber wir kämpfen darum, dass es eine Perspektive darüber hinaus gibt“ [20].

У лексемы „die Schlacht“ («битва») зафиксированы случаи употребления в переносном смысле только с определяемым словом (как правило – в составе сложного слова в качестве последнего компонента) при описании вербальных межпартийных разногласий („ideologische Schlachten“, „die Redeschlacht“) и столкновения позиций/мнений отдельных политиков („die Willensschlacht“): „Das wären alles wichtigere Projekte als verbale Reden-

schlachten“ [10, S. 9]; „Dutzende von Finanzministern und Zentralbankern nahmen an den Brüsseler Verhandlungen teil, am Ende lief alles auf eine „Willensschlacht“ zwischen zwei Männern...“ [12, S. 44].

При описании процессов политических «битв» используется вербальное словосочетание „eine Schlacht schlagen“, например: „Gerade in den neuen Ländern sind diesbezüglich noch längst nicht alle ideologischen Schlachten geschlagen“ [22, S. 10]; „Wir wollen nicht alles anders, aber vieles besser machen. Daran werden wir uns halten. Das sagen wir denen, die heute die Schlachten des Wahlkampfes noch einmal schlagen wollen“ [19, S. 7].

Также метафора „die Schlacht“ может выступать синонимом метафоры „der Wahlkampf“, ср.: „Wen kann die Opposition gegen den Kanzler in die Schlacht (in den Wahlkampf) schicken?“ [7].

Таким образом, следует отметить, что современный немецкоязычный политический дискурс пронизан «духом» внутривнутриполитического и межпартийного соперничества, которое метафорически вербализуется в том числе и военными терминами и понятиями, уже прочно закрепившимися в словесном «арсенале» общественно-политических деятелей ФРГ и ставшими органической частью современной немецкой политической культуры.

Список литературы

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология: монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2008.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология: монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2009.
3. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: уч. пособие / ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.
4. Федянина Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: Опыт концептуального анализа: уч. пособие / ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001.
6. Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. – München: Compact Verlag, 2007.
7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.
8. Fischer J. Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. – 1999. – ST 18. – S. 10 – 20.
9. Kohn R. Toleranz und Respekt sind unverzichtbar // Das Parlament. – 1998. – Nr. 34-35. – 14./21. August. – S. 12 – 13.
10. Luft Ch. Bundesregierung legt Testament vor // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 9.
11. Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-17-1.
12. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2000. – Bd. 1.1.

13. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2001a. – Bd. 2.1.
14. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2001b. – Bd. 2.2.
15. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2002a. – Bd. 3.1.
16. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin, 2002b. – Bd. 3.2.
17. Scharping R. Rede auf der 38. Konferenz für Sicherheitspolitik (München, den 3. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-06-3.
18. Schily O. Rede zum Entwurf eines Zuwanderungsgesetzes in der Debatte der 222. Sitzung des Deutschen Bundestages (Berlin, den 1. März 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-14-2.
19. Schröder G. Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). – Bonn, 1999.
20. Schröder G. Rede beim Besuch der Steinkohlezeche DSK-Anthrazit (Ibbenbüren, den 8. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-08-1.
21. Schröder G. Rede auf der Konferenz „Women in European Business“ (Frankfurt am Main, den 5. März 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-16-2.
22. Vogel B. Schnell gestrickte Stellungnahme // Das Parlament. – 1998. – Nr. 41-42. – 2./9. Oktober. – S. 10.
23. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 3 –4.

Некоторые стилистические особенности судебного дискурса

В статье на материале англоязычных юридических текстов анализируются стилистические особенности судебного дискурса. Автор показывает, что для него характерно использование средств различных стилей и форм высказывания.

In the article on the material of English legal texts are analyzed stylistic features of judicial discourse. The author shows that it is characterized by the use of various styles and forms of statements.

Ключевые слова: судебный дискурс, юридический дискурс, стили речи.

Key words: judicial discourse, legal discourse, speech styles.

В последнее время в науке уделяется большое внимание исследованию судебного дискурса. Цель данной статьи – исследовать некоторые стилистические особенности этого вида дискурса.

Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь», поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связь которых с жизнью не восстанавливается непосредственно» [1, с. 136]. Ярким примером дискурса являются речи юристов: они прагматичны, социально направлены и погружены в жизнь. Основанный на мастерстве публичной речи, сочетающий логическую и образную формы мышления юридический дискурс затрагивает чувственную сферу человека и тем самым способен не только воздействовать на сознание, но и производить сильное впечатление. Не случайно в последнее время трансляции судебных заседаний по телевидению, художественные произведения, кино- и телефильмы, основанные на материалах реальных уголовных дел, имеют высокие рейтинги у читателей и зрителей.

С точки зрения композиционной организации судебные тексты, сохраняя строгую структурированность, проявляющуюся в постатейном изложении, отличаются высокой логичностью, характерной также для научного стиля изложения [7]. Например, в англоязычных юридических текстах присутствуют выражения, присущие общенаучному стилю: *On the contrary,...*; *By contrast,...*; *Thus,...*; *Under this approach,...*; *Under that rubric*; *I agree with...*; *In sum,...*; *But under the Court's reasoning,...*; *For example, when...*; *To date, however,...*; *Based in part on information gathered from these sources,...*; *More fundamentally, it may be necessary to reconsider...*; *I will briefly note four others,...*; и юридическому тексту: *In the present case,...*; *For such offenses,...*; *For these reasons,...* .

Наряду с чертами научного стиля судебные дискурсы содержат черты делового стиля: включают много терминов, в первую очередь юридических, иногда технических: District Court, Supreme Court of the United States, Fourth Amendment, Reasonable expectation of privacy, Personal property, Evidence, the United States Court of Appeals, The Breast Feeding Act, the Class Act, Rehabilitation Act, Section 504, The Tucker Act, the Fair Credit Reporting Act...the Jeep, transmission of electronic signals, Global Positioning System (GPS) [10].

Таким образом, стиль юридических текстов имеет черты научного и официально-делового стилей.

Судьи создают экспрессивные тексты, в значительной степени близкие политическим выступлениям и речам. Яркая оценочная лексика и эпитеты, разговорные обороты, развернутые метафоры, риторические вопросы и прямые обращения в судебных решениях способствуют повышению интереса аудитории, а также активизируют образное восприятие аудиторией высказываемых судьями мыслей [8, с. 67].

В дискурсе Верховного суда США присутствуют также выражения разговорного стиля: In an ironic sense...; The best that we can do in this case is to apply...; словосочетания и выражения, эмоционально усиливающие эффект убеждения: There is no doubt that...; That is undoubtedly true, and undoubtedly irrelevant; вводные слова и выражения, общие для разных стилей: Indeed; Similarly; On the other hand; Instead; In fact; In addition [9].

В ходе судебного разбирательства судьи стремятся вовлечь аудиторию в правовой процесс, сделать ее равноправным участником, сократить дистанцию между институтом права и гражданином. На лексическом уровне данная коммуникативная стратегия реализуется за счет употребления разговорной лексики, на уровне синтаксиса – за счет вопросительных предложений, имитации устной речи, использования упрощенных конструкций, а также интеграции в текст простых и общепонятных примеров из жизни. Например: Mr. Kneeder, what happened to the Eighth Amendment? You really want us to go through these 2700 pages? (laughter). And do you really expect the Court to do that? Or do you expect us to give this function to our law clerks? (laughter). It should be easy for Justice Scalia's clerks (laughter). You don't care whether it's easy for my clerks. I care whether it's easy for me (laughter). [Г-н Нидлер, что произошло с 8 поправкой? Вы действительно хотите, чтобы мы прочитали 2700 страниц (смех). И Вы действительно ожидаете, что суд сделает это? Или Вы ожидаете, что мы отдадим эту функцию нашим клеркам? (смех). Это, должно быть, легко для клерков судьи Скалии (смех). Я не забочусь, легко ли это для моих клерков. Я забочусь, легко ли это для меня (смех)]; But isn't that – isn't that the point, then, why we should just assume that it is not severable? [Не правда ли, что этот пункт, так, почему мы должны просто предположить, что это неотделимо?]; Excuse me, why do you say – I didn't follow that. Why? Say it again. I lost it. Give me the last sentence again. [Извините, почему Вы сказали, я не

следил. Почему? Повторите. Я потерял его. Повторите последнее предложение]; When the definition of persons was put into the statute, there was no civil liability, isn't that right? [Когда разделение людей было внесено в закон, не было никакой гражданской ответственности, не правда ли?]; What about the Privacy Act? [Как насчет закона о неприкосновенности частной жизни?]; You can have a conference committee report afterwards, maybe (laughter) [Возможно, у Вас следующий доклад комитета конференции (смех)]; Isn't that what's going on here? [Не правда ли, продолжение здесь?]

Судьи постоянно апеллируют к публике, чтобы заручиться поддержкой своей точки зрения, поэтому они используют следующие конструкции.

1. Конструкции, выражающие условие и причину, с помощью которых судьи делятся с читателем своими мнениями и размышлениями, а также выявляют причинно-следственные связи и обосновывают выводы: If these two procedures are analyzed separately, it is not at all clear from... [Если эти две процедуры проанализированы отдельно, нисколько не ясно из...]; I therefore agree with the majority that... [Поэтому я согласен с большинством, что...]; I join the Court's opinion because I agree that... [Я присоединяюсь к мнению суда, потому что я согласен, что...]; It is clear, that... [Ясно, что...];

I agree that... [Я согласен, что...]; I therefore join the majority's opinion. [Поэтому я присоединяюсь к мнению большинства]; The majority suggests that... [Большинство предлагает, что...]; If we – if we lack the competence to even assess whether there is a risk, then isn't this an awesome exercise of judicial power? [Если мы испытываем недостаток компетентности, чтобы оценить риск, разве это не удивительное осуществление судебной власти?]; It seems to me it reduces our options the most and increases Congress's the most [Мне кажется, что это сокращает наши возможности и увеличивает возможности конгресса больше всего]; I guess, I mean, suggest [Я предполагаю, я имею в виду, предлагаю]; I am not sure... [Я не уверен...].

2. Модальные и условные конструкции, такие как: I would analyze... [Я бы проанализировал...]; I would ask whether people reasonably expect that... [Я бы спросил, действительно ли люди ожидают, что...]; It may be... [Может быть]; Perhaps [Возможно...] [10].

Судебный дискурс тесно связан с дидактикой, поскольку тексты судебных решений служат целям поддержания правопорядка, защиты прав гражданина, помогают в распространении правовых знаний [8, с. 68]. Юридический дискурс использует сформированные в ходе религиозной или образовательно-педагогической дискурсной практики представления о моральных категориях и имеет воспитательно-назидательное значение в силу публичности выносимых решений. Моральные переживания индивида способствуют профилактике правонарушений [4].

В итоге, можно сказать, что судебный дискурс включает элементы различных стилей речи. Каждый персонаж юридического, в частности, судебного, дискурса привносит в него свой речевой стиль, использует свои арсеналы речи. Так, судья использует публицистический, официально-

деловой стили, адвокаты – научный, официально-деловой, прокурор – официально-деловой, обвиняемые и свидетели – разговорный и т.д. Все эти стили в итоге и дают уникальный юридический (судебный) дискурс, включающий в себя особенности других видов дискурса, выдержанных в определенных речевых стилях. Исследователей привлекает специфика его композиционно-стилистического построения – это дискурс с постоянной сменой форм высказывания. В анализе будем исходить из того, что монолог и диалог (полилог) – две основные формы высказывания, различающиеся по количеству участников акта общения [2; 5].

Монолог в основном рассматривают как развернутое высказывание одного лица, процесс сознательного обращения к слушателю, что характерно для устной научной, судебной, публичной речи, которые продумываются и готовятся заранее [7]. Для подобных речей характерны последовательность и доказательность, которые обеспечивают связность мысли; грамматически правильное оформление; выразительность голосовых средств.

Монологическая речь сложнее диалога по содержанию и языковому оформлению, поэтому предполагает достаточно высокий уровень речевого развития говорящего [6]. Цель монолога – достичь необходимого воздействия на слушателей, убедить в чем-либо. Монологическая речь требует от говорящего умения логически, последовательно излагать свои мысли, выражать их ясно и отчетливо, а также умения устанавливать контакт с аудиторией. Для этого говорящий должен следить не только за содержанием своей речи и за ее внешним построением, но и за реакцией слушателей.

Судебная речь – это публичная речь, обращенная к суду и всем участвующим и присутствующим при рассмотрении уголовного или гражданского дела. Она произносится в судебном заседании и представляет собой изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам (речь прокурора, речь адвоката, речь подсудимого в свою защиту, речь потерпевшего, реплика как особый вид судебной речи).

Рассмотрим выступление в суде представителя истца: “Thank you. I would just like to make about four points. First, my friend discussed the case of *Smith v. Digmon*. And I think I would like to point this Court to the words that were used in *Smith v. Digmon*, which is where the state court chooses to ignore in its opinion. And as this Court later said in *Castille* talking about that, that’s an implicit rejection» [Спасибо. Мне только хотелось бы отметить 4 пункта. Во-первых, мой друг рассмотрел дело Смит против Дигмана. И я думаю, что хотела бы указать на слова этого суда, которые использовались в деле Смит против Дигмона, где государственный суд принимает решение проигнорировать это несущественное отклонение].

«Secondly, I’d just like to like to agree that, yes, California believes that 1089 is Constitutional under the Sixth Amendmen» [Во-вторых, я согласна, что Калифорния полагает, что пункт 1089 конституционен в соответствии с 6 поправкой].

«Third, I would just like to agree with Justice Sotomayor that here, where the trial court made the finding of bias, that answered the Sixth Amendment question. The entire argument below and throughout was a disagreement as to whether the juror was biased, or was he just having – harboring doubts about the sufficiency of the evidence» [В третьих, я бы согласилась с судьей Сотомайор, где суд первой инстанции сделал вывод по шестой поправке. По всем аргументам были разногласия относительно влияния на присяжного заседателя или были сомнения относительно достаточности доказательств].

«Finally, I'd just like to say that Mr. Chief Justice is correct that this would increase the litigation» [Наконец, я была бы готова сказать, что председатель Верховного суда был прав, но это продлило бы тяжбу] [10].

Данный монолог строго структурирован («во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «наконец»), логичен и последователен (приводятся доводы и мнения говорящего). Суждения высказаны ясно, кратко, отчетливо. Наличие профессиональных юридических терминов говорит о том, что этот монолог произносится в рамках судебного заседания.

Диалоги в судебном дискурсе носят характер обязательности, так как ответ на вопрос в судебном процессе обязателен. Диалогическая речь, психологически более простая и естественная форма речевого высказывания, возникает при непосредственном общении двух или нескольких собеседников и состоит в основном в обмене репликами (ответ, возражение, замечание на слова собеседника), отличается краткостью, наличием вопросительных и побудительных предложений, синтаксически не развернутых конструкций [3; 5]. Реплики в диалоге являются своеобразными регуляторами направления разворачивания диалога. Отличительной чертой диалога является эмоциональный контакт говорящих, их воздействие друг на друга мимикой, жестами, интонацией и тембром голоса (например, диалог адвокатов). Участники публичного диалога учитывают присутствие аудитории, строят речь на основе норм литературного языка. Иногда беседу организуют специально, чтобы выяснить определенный факт, тогда она носит целенаправленный характер (например, допрос свидетеля в суде).

Диалогическая речь, как правило, предъявляет меньше требований к построению связного и развернутого высказывания, чем речь монологическая или письменная; здесь не нужна специальная подготовка. Объясняется это тем, что собеседники находятся в одинаковой ситуации, воспринимают одни и те же факты и явления и поэтому сравнительно легко, иногда с полуслова, понимают друг друга. Им не требуется излагать свои мысли в развернутой речевой форме. Важное требование к собеседникам при диалогической речи – уметь выслушивать высказывания партнера, понимать его возражения и отвечать именно на них.

Размеры диалога теоретически безграничны, поскольку его нижняя граница может быть открытой. На практике же любой диалог в юридическом дискурсе имеет свою концовку (ограничен рамками судебного заседания). Даже в научной, публицистической и официально-деловой речи

при возможной подготовке реплик развитие диалога будет спонтанным, поскольку обычно реплики – реакции собеседника неизвестны или непредсказуемы. Всегда найдутся неожиданные аргументы противоположной стороны. В этом состоит принцип состязательности. Для существования диалога, с одной стороны, необходима общая информационная база его участников, а с другой – исходный минимальный разрыв в знаниях участников диалога. Иначе диалог не будет развиваться.

Рассмотрим пример диалога в судебном заседании суда Соединенных Штатов Америки в деле США против Джеймса Бормса.

Mr. Srinivasan: It ... well, you can look at it that way, Mr. Chief Justice, but I guess my only response.

Justice Scalia: In which case you would lose, not win.

Mr. Srinivasan: Well, that's the question because it depends on...

Justice Scalia: Yes ... we have known existed.

Mr. Srinivasan: ... it depends on how you construe the Tucker Act [10].

[Г-н Сринивэсан: хорошо, Вы можете смотреть на это таким образом, г-н председатель Верховного суда, но я предполагаю свой единственный ответ.

Судья Скэлия: В этом деле Вы проиграете, не выиграете.

Г-н Сринивэсан: Ну, это – вопрос, потому что он зависит от ...

Судья Скэлия: Да, но мы знали примеры.

Г-н Сринивэсан: ... это зависит от того, как Вы толкуете закон Такера].

Мы видим, что участники диалога владеют темой разговора, понимают друг друга, их реплики кратки, иногда не закончены, они обладают контраргументами. Мы чувствуем определенную подготовку. Ни один вопрос не остается без ответа, никто не отмалчивается.

Речь адвоката и прокурора является с одной стороны монологом, а с другой – диалогом. Монологичность проявляется в доказательности и аргументированности судебных речей, в наличии замысла и цели воздействия на адресата. Диалогичность проявляется в изучении материала с двух точек зрения обвинения и защиты (истца и ответчика). Происходит этот диалог в судебных прениях, в допросе свидетелей, в общении судьи и подсудимого, судьи и присяжных.

Полилог – разговор между несколькими лицами, особый вид речевого высказывания, характеризующийся чередованием говорящих и слушающих. Количество же говорящих (больше двух) не изменяет этого принципа [5].

Justice Sotomayor: So are you happy with the circuit's suggestion that the specific does govern the general insofar as it will adopt whatever FCRA's limitations are?

Mr. Jacobs: Yes. And that's -

Justice Sotomayor: And into its own processes?

Mr. Jacobs: Yes.

Justice Sotomayor: Your position is that's perfectly okay.

Mr. Jacobs: Yes. And I think that is consistent with this Court's jurisprudence.

Chief Justice Roberts: Now, it does seem ... I mean, Justice Breyer's point. It does seem a little ad hoc. In other words, they don't fit quite together, and your answer is: Well, we'll just take whatever, you know, whatever we have to, to make it fit. It would go under the least imposing on the Government.

It suggests that Congress did not expect the Tucker Act to apply if you've got to change the remedial provisions in FCRA to get it to fit under the Tucker Act.

Mr. Jacobs: Well, Your Honor, if I understand your question correctly, I... I don't believe I agree with the premise [10].

[Судья Сотомайор: Таким образом, действительно ли Вы довольны предположением, что частное действительно управляет общим, поскольку принимает ограничения FCRA?

Г-н Джейкобс: Да. И это...

Судья Сотомайор: И в его собственных процессах?

Г-н Джейкобс: Да.

Судья Сотомайор: Ваша позиция бесспорна.

Г-н Джейкобс: Да. И я думаю, что это совместимо с позицией этого суда.

Председатель Верховного Суда Робертс: Теперь, действительно кажется ... я имею в виду, пункт судьи Брейера. Действительно немного для данного случая. Другими словами, они не соответствуют вполне друг другу, и Ваш ответ: Ну, мы просто возьмем то, что, Вы знаете, независимо от того, что мы имеем, чтобы заставить его соответствовать. Это было бы наименее противоречащим правительству. Можно предположить, что Конгресс не ожидал, что закон Такера будет применяться, если Вы вынуждены изменять условия в соответствии с FCRA, чтобы они соответствовали закону Такера.

Г-н Джейкобс: Ну, Ваша честь, если я понимаю Вас правильно, – я не верю, но соглашаюсь с предпосылкой].

В данном полилоге реплики также подчинены общей теме, они предельно кратки, так как связаны одним контекстом. Участники следят за мыслью друг друга, отвечают конкретно на заданный одним из участников вопрос.

Общие черты диалога – связанность реплик, содержательная и конструктивная, спонтанность – ярко проявляются и в полилоге. Однако, формальная и смысловая связь реплик в полилоге более сложна и свободна: она колеблется от активного участия говорящих в общей беседе до безучастности (например, красноречивого молчания) некоторых из них [5]. Полилог, в свою очередь, встречается в судебных прениях, обсуждении присяжных, перекрестных допросах, беседе судьи и адвокатов, обмене репликами.

Также в судебном дискурсе применяется прямая и косвенная речь. Они встречаются в отдельных мнениях судей и текстах допросов для цитирования или передачи слов другого лица. В данном случае судья Сотомайор ссылается на слова судьи Арито: «Nonetheless, as Justice Alito notes, physical intrusion is now unnecessary to many forms of surveillance». «I agree with Justice Alito that, at the very least, "longer term GPS monitoring in investigations of most offenses impinges on expectations of privacy"» [9]. [Тем не менее, судья Арито отмечает, что сейчас для многих форм наблюдения физическое вторжение не обязательно. Я соглашаюсь с судьей Арито, что "долгосрочный GPS, фигурирующий в большинстве нарушений, посягает на ожидание частной жизни"].

Таким образом, юридический дискурс обладает чертами, свойственными публицистической, научной, официальной-деловой, разговорной речи; в нем активно используются такие формы высказывания, как монолог, диалог, полилог, прямая и косвенная речь.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136 – 137.
2. Диалог и монолог. Диалог и диалогичность // Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова. – [Электронный ресурс]: adhdportal.com/book_2852...11...Dialog_i_monolog.html
3. Кибрик А. Диалог // Энциклопедия Кругосвет. – [Электронный ресурс]: <http://www.krugosvet.ru/>
4. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование юридического дискурса. – [Электронный ресурс]: http://konference.siberia-expert.com/news/zakonchena_rabota_internet_konferencii_jurilingvistika_sudebnaja_lingvisticheskaja_ekspertiza_lingvokonfliktologija_juridiko_lingvistika_2012/2012-12-30-62
5. Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 1997.
6. Хасимова Г. Г. Диалог как компонент художественного текста. – [Электронный ресурс]: http://dibase.ru/article/10082009_khisamovagg/10
7. Шевырдяева Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса: дис... канд. филол. наук. – М., 2009.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.
9. United States v. James X. Bormes № 11-192 October 2, 2012, Deborah K. Johnson v. Tara Sheneva Williams № 11-465 October 3, 2012, National Federation of Independent Business, ET AL., v. Kathleen Sebelius, secretary of Health and Human Services, Et Al. and Florida, Et Al., v. Department of Health and Human Services, Et Al. №№ 11-393, 11-400 March 28, 2012. www.supremecourt.gov/search
10. Supreme Court of the United States N 10-1259 January 23, 2012 United States v. Jones <http://justia.com>

Тактическая реализация коммуникативной стратегии в условиях динамического взаимодействия прагмасемантических подсистем коммуникантов (на материале англоязычного делового дискурса)

В статье рассматривается проблема коммуникативных стратегий и тактик в аспекте функциональной лингвосинергетики, способов взаимодействия прагмасемантических подсистем коммуникантов как факторов, влияющих на выбор тактических приемов реализации коммуникативной цели в английском деловом дискурсе.

The article is devoted to the problem of communicative strategies from the viewpoint of functional linguosynergetics and shows that the choice of tactical means of achieving the communicative goal in Business English discourse is influenced by the ways interlocutors' pragma-semantic subsystems interact.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, коммуникативная тактика, лингвосинергетика, деловой дискурс, прагматика, функциональная лингвистика.

Key words: communicative strategies, communicative tactics, linguosynergetics, Business discourse, pragmatics, functional linguistics.

Создание и разработка эффективной деловой риторики непосредственно связаны с решением одного из наиболее актуальных для современного языкознания вопросов – стратегического планирования речи и тактических приемов реализации коммуникативного замысла. Целеполагание играет важнейшую роль в осуществлении успешного и продуктивного бизнес-общения, что делает его рассмотрение в аспекте общей коммуникативной стратегии и конкретных тактик перспективным направлением в совершенствовании делового дискурса.

В последние годы попытки исследовать речевую деятельность с позиций стратегического подхода предпринимались в целом ряде научных работ [1; 2; 3; 6], однако изучение коммуникативных стратегий и тактик отнюдь не завершено в силу относительной новизны данного лингвистического объекта и необходимости детальной разработки обширного круга сопутствующих проблем. В большинстве определений коммуникативная стратегия характеризуется как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, с. 54]. Под стратегией понимается также отбор фактов и их подача в определённом освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата.

Интересную трактовку понятия «коммуникативная стратегия» предлагает функциональная лингвосинергетика – относительно новое направление в русле функциональной лингвистики, осуществляющее динамико-

системный подход к языку/дискурсу. Основная идея функциональной лингвосинергетики состоит в том, что в процессе развертывания дискурса его смысловое и прагматическое пространство формируется как открытая нелинейная неравновесная система, постоянно взаимодействующая с внешней средой (сознанием коммуникантов и коммуникативной ситуацией), способная к самоорганизации и саморегулированию в процессе чередования этапов хаотизации и упорядоченности и продвигающаяся к функциональному аттрактору (области притяжения всех элементов системы), то есть к реализации коммуникативной цели [4].

Коммуникативная стратегия с точки зрения функциональной лингвосинергетики представляет собой траекторию, вектор потенциального развития прагмасемантической системы дискурса и её движения в направлении к заранее прогнозируемому говорящим/ пишущим функциональному аттрактору. Руководствуясь коммуникативной целью, адресант выстраивает последовательность дискурсивных элементов с учётом функциональных связей между ними, формируя тем самым воздействующее на реципиента прагматическое пространство.

Выбор конкретного тактического приема зависит от целого ряда немаловажных факторов, связанных с учетом тенденций внешней среды: ситуации общения, жанровой специфики, личностных особенностей адресатов, уровня владения ими вертикальным контекстом. Значительную роль играет характер взаимодействия между коммуникантами, диктующий параметры сосуществования дискурсивных подсистем участников бизнес-общения и определяющий режим функционирования всей смысловой системы.

В зависимости от иерархии целевых установок и мотивов участников дискурса представляется возможным выделить два основных режима. Первый предполагает гармоничную эволюцию прагмасемантического пространства при минимальной конкуренции подсистем собеседников, частичном либо полном совпадении стратегических планов и общей ориентации коммуникантов на поиск возможностей для взаимодействия, в результате которых были бы удовлетворены интересы всех задействованных сторон. В англоязычной литературе по конфликтологии и технике ведения деловых переговоров такой вариант коммуникативного поведения получил название «win-win», или «выигрыш-выигрыш». Во имя поддержания конструктивных партнерских отношений и сохранения позитивного делового имиджа субъектам речи нередко приходится существенно корректировать свои изначальные позиции, адаптироваться под текущую ситуацию общения, принимать во внимание интересы собеседника и идти на уступки. В своей книге «The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic» признанный авторитет в области лидерства и специалист по организационным проблемам бизнеса Стивен Р. Кови посвятил этому вопросу целый раздел, объясняя, почему борьба и конфронтация значительно уступают в своей эффективности «социальной победе» –

стратегии win-win [8]. Доминирование одной смысловой подсистемы над другими, как правило, не допускается, а дискурс развивается по заданной траектории в направлении приемлемого для каждой из сторон функционального аттрактора. Манипулирование правильно подобранными тактическими приемами помогает участникам общения выстроить функциональную перспективу, способствующую реализации их коммуникативных целей, избежав при этом излишней искусственной хаотизации системы и синергично сгенерировав такие полезные эмерджентные свойства, как, например, благоприятный эмоциональный фон взаимодействия, определяющий успешность и дальнейший ход всего делового сотрудничества.

Альтернативный режим функционирования прагмасемантической системы английского бизнес-дискурса определяется качественно иной установкой коммуникантов, предполагающей, что в ситуации общения должны быть победитель и побежденные. Вовлеченные в дискурс стороны ведут себя соответствующим образом, намереваясь «выиграть» у своих конкурентов. Такая стратегия получила название «win-lose». Она основывается на стереотипном восприятии делового взаимодействия как игры, в которой кто-то обязательно должен проиграть. Ориентация на соперничество, отказ идти на уступки партнеру, отстаивание своей изначальной позиции без проявления гибкости может послужить залогом успеха в ряде ситуаций бизнес-общения, однако впоследствии грозит испорченным эмоциональным фоном взаимодействия, ухудшением либо разрывом деловых отношений. В конфликтах, спорах, противостояниях, нередко имеющих место в процессе деловой коммуникации, можно наблюдать конкуренцию нескольких стратегий, осуществляемых коммуникантами. Другими словами, прагмасемантическая система имеет несколько путей возможного развития, каждый из которых завершается достижением своего функционального аттрактора. В таких случаях речь может идти об образовании нескольких эволюционно разнонаправленных дискурсивных подсистем, которые создаются в результате речевой деятельности участников общения как несогласующиеся образования, которым предстоит либо функционально сблизиться в области аттрактора, что свидетельствовало бы о нахождении общего языка между коммуникантами, либо полностью разойтись при относительном доминировании одной из подсистем, сумевшей нейтрализовать деятельность других подсистем и вывести дискурс к оптимально приемлемому для себя аттрактору. Тактические приемы, используемые участниками общения, закрепляют продвижение системы смыслов дискурса по намеченной траектории либо модифицируют стратегию собеседника, меняя направление смыслового развития в нужную сторону.

В известном курсе английского языка делового общения «Macmillan the Business» для отработки навыков ведения переговоров учащимся предлагаются два существенно различающихся варианта одного диалога между

Ингрид, представителем крупной IT-компании Holman Multimedia, и потенциальным клиентом Гарри Питерсеном, чья фирма нуждается в создании полифункционального сайта в сети Интернет. В версии (1) обсуждение условий сделки заходит в тупик из-за нежелания сторон проявить гибкость и найти взаимовыгодное решение:

(1) *H: All right, Ingrid, I think we agree on what we need. Now let's get down to the nitty-gritty – how soon can you deliver, and how much is it going to cost?*

I: OK, look. I'm going to write down a figure per month here, just so it's clear, then you can tell me what you think. There, how do you feel about that?

H: Wow, as much as that! Is there any way we could bring it down a little?

I: Well, that figure is based on what you say you need, Harry. I might possibly be able to bring it down a little, but only if we had a three-year contract.

H: A three-year contract! No, I couldn't agree to that.

I: Well, in that case, I can't bring the monthly fee down, I'm afraid.

H: Hm. And what about lead time? Could you have the site up and running by next month?

I: No, I'm afraid development time is around three months.

H: Isn't there any way you could have the site online in two months?

I: Well, I don't think there's much point in talking about lead time unless you won't consider a three-year contract?

H: No, I can't commit myself to three years.

I: OK, Harry, you have my phone number. If you change your mind, you know where to find me [7].

В начале анализируемого фрагмента система смыслов дискурса находится в равновесном состоянии. Обсудив пожелания Гарри, стороны пришли к взаимопониманию относительно организационной стороны вопроса (*I think we agree on what we need*), однако далее траектории развития подсистем Ингрид и Питерсена начинают расходиться с изменением целевых установок коммуникантов и выбором Ингрид режима взаимодействия «win-lose». Гарри крайне удивлен величиной суммы, запрошенной Ингрид в качестве ежемесячного гонорара за поддержание работоспособности сайта, что выражается в использованном им разговорном междометии *Wow* на фоне эмфатического просодического оформления высказывания. В ответ на просьбу о снижении непомерной платы Ингрид соглашается пойти навстречу клиенту при условии увеличения срока длительности контракта. Подобное предложение скорее отвечает интересам Holman Multimedia, нежели является финансово выгодным для фирмы Питерсена. Элемент *but only if* призван свидетельствовать о непреклонности женщины, окончательно закрепляя вектор прагмасемантического развития подсистемы Ингрид и формируя важную точку бифуркации дискурса. В зависимости от реакции Гарри, который может согласиться на пролонгацию договора либо заявленную изначально ежемесячную плату, отклонить предложение и прекратить сотрудничество или попытаться подобрать контраргументы,

смысловой системе предстоит выбрать окончательную траекторию эволюционного движения к функциональному аттрактору.

В версии диалога (1) Питерсен решительно отвергает продление срока действия контракта как не согласующегося с его финансовыми возможностями, но колеблется в принятии решения, выясняя все подробности предстоящей сделки (*Hm. And what about lead time? Could you have the site up and running by next month?*). Жесткая позиция Ингрид, эксплицируемая при помощи безапелляционных дискурсивных элементов *No, I'm afraid* и *I don't think there's much point in talking*, сокращает число потенциальных путей развития дискурса до двух. Система либо достигнет аттрактора, к которому стремится подсистема Ингрид, либо прекратит функционировать и разрушится, поставив крест на дальнейшем деловом сотрудничестве между Holman Multimedia и фирмой Гарри. В результате Питерсен принимает решение окончательно свернуть взаимодействие с компанией Ингрид.

В версии диалога (2) представлен более гибкий режим взаимодействия смысловых подсистем коммуникантов. Кроме того, в речевом поведении Гарри проявляется большая настойчивость и, соответственно, стремление во что бы то ни стало найти консенсус и заключить соглашение на максимально приемлемых условиях. Ингрид, в свою очередь, демонстрирует умение идти на компромисс с клиентами компании:

(2) *H: All right, Ingrid, I think we agree on what we need. Now let's get down to the nitty-gritty – how soon can you deliver, and how much is it going to cost?*

I: OK, look. I'm going to write down a figure per month here, just so it's clear, then you can tell me what you think. There, how do you feel about that?

H: Wow, as much as that! Is there any way we could bring it down a little?

I: Well, that figure is based on what you say you need, Harry. I might possibly be able to bring it down a little, but only if we had a three-year contract.

H: Well, I'd be reluctant to agree a three-year contract unless you could guarantee a maximum down time of 24 hours per month. Could you do that?

I: Let me reassure you on that point, Harry. Our sites and servers are very, very stable, and average down time is less than 24 hours per month, as long as you choose our platinum service level – but of course, it's more expensive.

H: Well, I don't really want to increase the budget. Hm. What about lead time? Can you have the site up and running by next month?

I: Not unless we hire another developer. I suppose we could do it, providing you paid a year's fees in advance.

H: Hm.

I: Normally, development time is around three months.

H: Look, let's split the difference. I can pay six months in advance on condition that you have the site online in two months. And if you can bring the monthly fee down 5% and include the platinum service, I'll agree to the three-year contract.

I: You're a tough negotiator, Harry. But, OK, I think we can agree to that [7].

Смена модели софункционирования прагмасемантических подсистем участников английского делового дискурса на более демократичную («win-win») приводит к изменению траектории развития всей смысловой системы в целом. Реагируя на предложение Ингрид заключить трехгодичный контракт, Гарри использует менее категоричное *I'd be reluctant to agree* и выдвигает дополнительное условие подписания договора. Дипломатичная бизнес-леди внешне идет на уступки клиенту, стимулируя его на дальнейшее сотрудничество при помощи лексики с позитивной прагматикой (*Let me reassure you; very, very stable; average down time is less than; platinum service level; we could do it*), но одновременно вводит в систему элементы *more expensive, providing you paid a year's fees in advance*, которые коррелируют с основной стратегией Ингрид – убедить Питерсена вложить как можно больше денег в открытие сайта. Гарри упорно развивает свою дискурсивную подсистему и пытается корректировать вектор эволюции смыслового пространства, актуализируя лексику семантического поля согласия (*can pay, I'll agree*) и делая встречные контрпредложения. Подсистемы обоих коммуникантов максимально сближаются в области приемлемого для каждого из них функционального аттрактора, и Ингрид, за которой сохраняется последнее слово, принимает решение одобрить сделку на озвученных Гарри условиях.

Несмотря на успешную эволюцию прагмасемантической системы (2) и крах системы (1), не сумевшей объединить тенденции обеих смысловых подсистем на новом уровне упорядоченности, эффективность каждой из рассмотренных моделей софункционирования дискурсивных подсистем определяется внешней средой. В зависимости от цели делового взаимодействия, оценки коммуникативных намерений партнера, жанровых особенностей и ситуации бизнес-общения его участники в ходе стратегического планирования могут выбрать наиболее подходящий режим развертывания дискурса в условиях конкуренции разнонаправленных подсистем или гармоничного их сосуществования. Управлять движением функциональных связей по траекториям реализации аттрактора позволяют тактические приемы, применение которых ограничено конвенциональностью деловой коммуникации.

Таким образом, рассмотрение коммуникативных стратегий и тактик сквозь призму функциональной лингвосинергетики дает возможность под новым углом взглянуть на проблему целеполагания коммуникантов и речевых способов актуализации стратегии выстраивания эффективного прагмасемантического пространства.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Ротмайр Р., Ротмайр Т. Речевые тактики «призыва к открытости» // Вопросы языкознания. – № 6. – 1992. – С. 77 – 84.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ, 2008.

3. Малюга Е. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. – М.: ЛИБРОКОМ, 2008.
4. Пономаренко Е. В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка). – М.: МГИМО-Университет МИД РФ, 2010.
5. Храмченко Д. С. Ирония как тактический приём реализации коммуникативной стратегии в английском деловом дискурсе // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Седьмой межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. науч. статей. В 2 ч. / под общ. ред. Л. Г. Ведениной. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – Ч. 2. Национальные особенности юмора. – С. 86 – 95.
6. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии в русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Allison J., Emmerson P. The Business: Intermediate. Student's book. – Macmillan Education, 2007.
8. Covey S.R. The seven habits of highly effective people: restoring the character ethic. – Simon and Schuster, 1989.

Категория автора в романе Э. Бронте «Грозовой перевал»

В статье рассматривается проблема категории автора на материале малоизученного с лингвистической точки зрения романа Э. Бронте «Грозовой перевал»; анализируются особенности выбора писателем повествовательной стратегии, устанавливается время возникновения нелинейного нарратива в английской литературе.

These articles consider a problem of category author on the material little-studied with linguistic point of view the novel by E. Brontë “Wuthering Heights”; in this work was analyzed a choice of the writer strategy of the narration, was done attempt to ascertain time of the rise non-linear narrative in the English literature.

Ключевые слова: категория автора, повествовательная стратегия, художественная коммуникация, персонаж, читатель, повествователь, образ автора.

Key words: category of the author, strategy of the narration, hero, reader, narrator, artistic communications, image of the author.

В 1980 году И. Р. Гальперин в своей книге «Текст как объект лингвистического исследования» дал определение современной научной парадигме – текстолингвистике, выработав определение текста и вычленив и объяснив 10 категорий этого объекта исследования. В предлагаемой статье будет проанализирована главная смыслообразующая текстовая категория – автор и особенности указанной категории в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» («Wuthering Heights») на композиционном уровне (выбор автором определенной повествовательной стратегии).

В современной научной парадигме литературный текст рассматривается как акт художественной коммуникации. «Акт художественной коммуникации представляет собой, как известно, двусторонний процесс познания и освоения человеком мира и себя как части этого мира, осуществляемый, с одной стороны, творческим субъектом – автором литературного текста, а с другой стороны, тем, для кого этот текст создается, – читателем. Посредником и объектом когнитивной деятельности писателя и читателя в форме литературного текста является персонаж – субъектный центр художественного мира, изображаемого в литературном произведении словесно-речевыми средствами» [9, с. 219]. Из вышесказанного четко выделяются три смысловые фигуры художественного текста: автор – персонаж – читатель. Главную смысло- и формообразующую роль в художественном тексте играет автор. Именно благодаря автору все без исключения элементы текста объединены равенством отношения к изображаемому и повествуемому. Однако в произведениях художественной прозы в вышеперечисленную триаду добавляется еще один важный ком-

понент – повествователь. Повествователь или нарратор является не только посредником между автором и читателем, но и «медиумом» авторского сознания, приобретая таким путем статус одной из ключевых текстовых фигур. Изучением структуры и особенностей повествовательного текста занимается нарратология или теория повествования.

В теории повествования понятие «автор» рассматривается минимум в двух значениях: 1) автор – реальная историческая личность, известная читателям через совокупность принадлежащих ее имени произведений; 2) автор – синтетический образ (метаобраз), сочетающий в себе обобщенное и в то же время конкретно-индивидуальное (у каждого читателя) представление о творческой личности, действующей как активный субъект художественной коммуникации с помощью языковых средств [9, с. 132].

Проблема автора разрабатывалась и продолжает изучаться в работах В. В. Виноградова, Е. В. Падучевой, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, В. Шмида, Р. Барта и др. Однако множество дефиниций понятия «автор», в том числе тезис Р. Барта «О смерти автора» (1968), диктует необходимость уточнения понятия категории «автор» в рамках повествовательного текста, что и будет сделано на материале малоизученного с лингвистической точки зрения романа Э. Броне «Грозовой перевал».

Рассмотрим основные концепции, предлагающие объяснение категории автора. Концепция М. М. Бахтина (1895 – 1975) заключалась в том, что он создал новую для своего времени теорию европейского романа и, самое главное, ввел идею полифонизма, многоголосия в литературном произведении. Свои взгляды на категорию автора М. М. Бахтин изложил в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Основной проблемой он считал отношение автора к герою. При этом М. М. Бахтин разделял автора-творца и автора-человека. Он писал по этому поводу: «Автор-творец поможет нам разобраться и в авторе-человеке, и уже после того приобретут освещающее и восполняющее значение и его высказывания о своем творчестве» [1, с. 91]. Что же касается отношения автора к герою, то Бахтин считал, что герой живет в произведении вполне самостоятельной жизнью, но без помощи «автора-творца». Он писал: «В этом отношении и нужно подчеркивать творчески продуктивный характер автора и его тотальной реакции на героя: автор не носитель душевного переживания, и его реакция не пассивное чувство и не рецептивное восприятие, автор – единственно активная формирующая энергия, данная не в психологически конципированном сознании, а в устойчиво значимом культурном продукте, и активная реакция его дана в обусловленной ею структуре активного видения героя как целого, в структуре его образа, ритме его обнаружения, в интонативной структуре и в выборе смысловых моментов» [1, с. 91]. Таким образом, М. М. Бахтин считал главным в категории автора автора-творца и видение автором героя как целого.

Одной из ключевых проблем научного творчества В. В. Виноградова (1895 – 1969) является проблема «образа автора». Образ автора ученый по-

нимал так: «Я же поглощен мыслями об образе писателя. Он сквозит в художественном произведении всегда. В ткани слов, в приемах изображения ощущается его лик» [2, с. 205]. Другими словами, В. В. Виноградов считал, что категорию автора следует изучать методом анализа языка текста конкретного автора, словесной ткани произведения, приемов изображения и т. п. Также он анализировал образ автора и на композиционном уровне. В статье «Образ автора в композиции “Пиковой дамы”» В. В. Виноградовым проведен блестящий анализ системы повествования А. С. Пушкина.

Известный исследователь В. Шмид в своей книге «Нарратология» разделяет категорию автора на две части: конкретного автора и абстрактного автора. По поводу абстрактного автора исследователь пишет: «Результат этого семиотического акта, однако, не сам конкретный автор, а образ создателя произведения, воплощенный в его творческих актах. Этот образ, который имеет две основы – объективную и субъективную, т. е. который содержится в произведении и реконструируется читателем, я называю абстрактным автором» [8, с. 47]. Иначе говоря, В. Шмид считает основным тот самый «образ автора», введенный в научный оборот В. В. Виноградовым. В. Шмид при этом пишет о том, что автор в тексте литературного произведения проявляет себя с помощью «индициальных знаков» [8, с. 47].

Таким образом, в предложенных концепциях категория автора делится на две составляющие – реальный автор и «образ автора» (имплицитный образ). При этом в них реализуется дихотомический подход к категории автора. Е. А. Гончарова идет дальше и считает автора ведущей смыслообразующей категорией, выделяя в повествовательном тексте повествовательные перспективы, а также систему автор – повествователь – персонаж. При этом повествователь считается «медиумом» в отношениях между автором и текстом: «Повествователь является, таким образом, ведущим формальным субъектом речи в литературном тексте, а также “заместителем” автора, медиумом в отношениях писателя, с одной стороны, в его реальной коммуникации с читателем, а с другой, с действующими лицами в изображенной событийной системе литературного произведения» [9, с. 237].

З. Я. Тураева в своей работе «Категория времени: время грамматическое и время художественное» определяет категорию автора сквозь призму художественного времени. Она пишет по этому поводу следующее: «Важность категории времени для словесного произведения с точки зрения поэтики выражается прежде всего в том, что временная ориентация повествования определяет характер используемых автором произведений языковых средств [7, с. 13]. З. Я. Тураева считает временную ориентацию повествования одним из признаков, отличающих повествования от 1-го лица от повествования от 3-го лица. В 1-м случае весь текст произведения ориентирован на временной опыт рассказчика, в тексте употребляются формы прошедшего, настоящего и будущего времени. В повествовании от 3-го лица ориентира на временной опыт рассказчика нет. В этом случае

события изображаются как имевшие место с использованием в основном форм прошедшего времени. Именно категория художественного времени заставляет по-новому взглянуть на автора и выражаемую им точку зрения.

Как уже было сказано, предложенный для анализа роман Эмили Бронте относится к повествовательному (нарративному) типу текста. Под нарративом понимается связное, хронологически упорядоченное изложение цепи событий или эпизодов, относящихся к одному, но большому событию. В указанном типе текста категория автора проявляет себя, прежде всего, на композиционном уровне посредством выбора повествовательной стратегии. К повествовательной стратегии относятся линейный и нелинейный нарративы.

При линейном нарративе художественное время движется в направлении от прошлого к будущему (З. Я. Тураева). Однако, в отличие от реального времени, время художественное в любом типе повествования может двигаться назад: воспоминания, явления воображения, сон. Тем не менее, в рассматриваемом типе нарратива цепочка событий выстраивается автором по классической схеме: завязка → развитие действия → кульминация → развязка → финал. Такая схема может быть дополнена эпилогом и прологом, время начала и конца действия произведения могут отличаться, но нарратив все же остается линейным.

При нелинейном нарративе художественное время наоборот движется вспять. В такой повествовательной стратегии цепочка событий начинается с расчленения, что создает возможность дополнительных перестановок и свободного монтажа событий (З. Я. Тураева). При этом произведение начинается с какого-то конкретного события, затем рассказывается о событиях, предшествующих ему. Подобная композиционная структура требует от читателя более активного участия в процессе извлечения смысла: значительная роль отводится памяти, которая должна хранить фрагменты повествования до того момента, когда они сложатся в единое целое; восприятие перенастраивается с пассивного на активное, поскольку читатель вынужден использовать свои аналитические способности.

В творчестве сестер Бронте находим как образцы линейного нарратива, так и эксперименты с повествовательной стратегией. К линейному нарративу относятся все романы Шарлотты Бронте. Энн Бронте оставила две повествовательные модели: линейную (роман “*Agnes Gray*”) и эксперименты с ней (роман “*The Tenant of Wildfell Hall*”). Однако несмотря на новшества, оба произведения Энн в целом написаны в рамках линейной повествовательной модели.

Образцом классического романа является произведение Шарлотты Бронте “*The Professor*”, в котором наблюдается строгое следование стандартной линейной модели. Хронологически являясь первым произведением писательницы, он был впервые опубликован только после ее смерти в 1857 году. Здесь эпизоды складываются в фабулу посредством монтажа событий от прошлого к будущему в жизни главного героя романа – учите-

ля Уильяма Кримсворта. Важно отметить еще одну особенность: в этом романе нашла свое отражения биография самой Шарлотты (во время учебы в Брюсселе она испытывала романтические чувства к своему преподавателю, что стало основой сюжетной линии отношений Кримсворта и Фрэнсис).

Однако Эмили Бронте пошла дальше всех сестер. В ее романе «Грозовой перевал» (“Wuthering Heights”) новым для викторианской эпохи является не только повествовательная стратегия, но и идея произведения. Свою повествовательную стратегию Эмили построила на пересечении двух миров – мира особняка «Грозовой Перевал» Эрншо и «Мызы Скворцов» Линтонов. Сам процесс повествования в романе Эмили осуществляется двумя рассказчиками, которые являются героями произведения. Рассказчики – мистер Локвуд и горничная Нелли Дин. Повествование разворачивается нелинейным методом и представляет собой «рассказ в рассказе»: существует сюжетная линия, эпизоды которой произошли за 30 лет до этого. В романе Эмили Бронте художественное время идет как вперед, так и назад, обе сюжетные линии переплетаются.

Первый повествователь – мистер Локвуд появляется в самом начале произведения посредством самопрезентации. Эмили Бронте использовала следующие языковые средства самопрезентации рассказчика: повествование в форме 1-го лица единственного числа, краткий рассказ Локвуда о его отношении к Англии, указание даты места действия – 1801-й год. Второй повествователь – горничная Нелли Дин также появляется в начале романа (диалог с мистером Локвудом, который просит Нелли рассказать о хозяевах особняка, превращаясь, таким образом, в слушателя).

Двух повествователей писательница ввела в свой роман по нескольким причинам. Эмили Бронте раньше не писала романов и поэтому применила традиционную форму повествования от 1-го лица. Но она отказалась от привычного типа «всезнающего» рассказчика. Повествователь Эмили Бронте принадлежит к кругу Линтонов, в начале произведения он часто попадает впросак, сталкиваясь с обитателями «Грозового Перевала». Из-за того, что мистер Локвуд привык мыслить стереотипами своего круга, он не способен рассказать о семьях Эрншо и Линтонов. То, что произошло, для Локвуда неожиданно и непонятно. В силу указанных причин он превращается в слушателя. Но для непосредственного рассказа Эмили Бронте введен второй повествователь – старая служанка Нелли Дин. Именно она посвящает мистера Локвуда в тайны семей Эрншо и Линтонов. Однако, по мнению Г. Ионкис, Нелли «как повествователь – образ условный, призванный создать иллюзию реальности, это маска, за которой пытается укрыться автор» [6, с. 17]. Опираясь на это положение, правомерно предположить, что писательница ассоциировала себя скорее с Нелли, нежели с Локвудом, так как последний принадлежал к традиционному кругу английского общества того времени.

Как видим, в романе Эмили Бронте присутствуют две системы ценностей, свойственные романтизму и реализму. С целью показать полярность этих двух систем ценностей Эмили Бронте вводит в свой роман две временные сюжетные линии и два нарратива: один, отражающий реалистические ценности, и второй, в котором представлены романтические ценности.

При анализе произведения Эмили Бронте вырисовывается важное понятие нарратологии – точка зрения. Под точкой зрения понимается угол зрения, под которым изображаются и интерпретируются события произведения. Посредством различных точек зрения автор добивается многоплановости композиции. В результате возникает минимум два композиционных плана (посредством смены точек зрения), а именно планы двух повествователей – мистера Локвуда и Нелли Дин. Эмили Бронте добивалась этого путем использования так называемых монтажных эпизодов и фраз.

В рассматриваемом случае правомерно предположить три точки зрения: двух рассказчиков и самой Эмили Бронте, скрывшейся под «маской» последних. Важно и то, что каждый из повествователей по-своему рассказывает историю обитателей «Грозового Перевала» и «Мызы Скворцов», по-своему ее интерпретирует. Нелли обвинительно интерпретирует поступки Кэтрин, особенно ее решение выйти замуж за Линтона. Мистер Локвуд толкует события сочувственно с точки зрения арендатора мызы и спустя 30 лет после того, как описываемые в романе события произошли. Правомерно предположить, что мистер Локвуд является выразителем своей собственной точки зрения на происходившие события. Нелли Дин передает события с точки зрения человека, знающего семью Эрншо и Линтонов, а также непосредственного наблюдателя и участника событий. Из двух рассказчиков наиболее субъективна Нелли, так как она рассказывает историю с позиции человека, близко знавшего семьи Эрншо и Линтонов, а мистер Локвуд узнает о ней спустя много лет и как сторонний наблюдатель и слушатель.

Итак, при анализе произведений сестер Бронте выяснилось следующее. Категория автора является основополагающей текстовой категорией. В тексте автор себя проявляет, прежде всего, в выборе повествовательной стратегии. В творчестве сестер Бронте наблюдается как следование стандартной модели, так и новаторские приемы. Однако Эмили Бронте пошла в своем творчестве современников, введя в литературу нелинейную нарративную модель и многоплановость композиции посредством реализации в тексте нескольких точек зрения.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 9 – 191.
2. Виноградов В. В. «...Сумею преодолеть все препятствия...»: Письма Н. М. Виноградовой-Мальшевой // Новый мир. – 1995. – № 1. – С. 172 – 213.

3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Ком-книга, 2007 (Лингвистическое наследие XX века).
4. Гончарова Е. А. Категория «автор» и «персонаж» и их лингвистическое варьирование в структуре художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989.
5. Гончарова Е. А. Тип повествования – прагматическая перспектива – адресованность художественного текста // *Studia Linguistica* 5. – СПб, 1997. – С. 5 – 23.
6. Ионкис Г. Магическое искусство Эмили Бронте // Бронте Э. Грозовой перевал: Роман. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990.
7. Тураева З. Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное: на материале англ. яз. – М.: Высш. школа, 1979 (Библиотека филолога).
8. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008.
9. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. – СПб.: Книжный Дом, 2007.

Нарушение принципа кооперации как механизм порождения юмористического эффекта

В статье исследуются общие принципы речевого взаимодействия, а также рассматривается юмористическая коммуникация, которая строится на нарушении «универсальных» принципов общения. Сделанные наблюдения подтверждают значимость постулатов, описанных в статье, свидетельствуя об их нормативности и глубокой укорененности в сознании коммуникантов.

The general principles of speech interaction and importance of their observance are analyzed in the article, and humorous communication which is under construction on violation of the "universal" principles of communication is also considered. The conclusion confirms the importance of the postulates described in the article, testifying to their normativity and a deep embeddedness in consciousness of interlocutor.

Ключевые слова: юмористическая коммуникация, принцип кооперации, постулаты общения, максима, контраст.

Key words: humorous communication, the principle of cooperation, the postulates of communication, maxima, contrast.

В настоящей статье мы рассмотрим юмористическую коммуникацию, строящуюся на нарушении «универсальных» принципов общения, сформулированных Г. П. Грайсом [1]. Существенно, что коммуникация анализируется исследователем не с лингвистических, а логических позиций, что прямо заявлено в названии работы «Логика и речевое общение». С точки зрения логики, учитывающей лишь коммуникативную (реферативную) функцию языка, дискуссия о природе коммуникации сводится к оппозиции формалистского и неформалистского подхода.

Формалисты считают, что, «...пользуясь формальными символами, можно построить систему обобщенных формул, которые могут рассматриваться как схемы логического вывода — или, по крайней мере, эти формулы будут непосредственно связаны с такими схемами» [цит. по: 1].

С точки зрения неформалистов, «степень адекватности языка должна измеряться его способностью служить нуждам науки; что выражение не может считаться полностью понятным, пока мы не построим экспликацию или анализ его значения; и что такая экспликация или анализ должны иметь вид точной дефиниции, то есть быть выражением (или утверждением) логической эквивалентности» [цит. по: 1]. Сам Г. П. Грайс акцентирует недостаток внимания «к характеру и силе влияния тех условий и факторов, которые управляют речевым общением». Рассматривая коммуникацию как совместную деятельность ее участников, автор констатирует, что комму-

никативная деятельность неизменно определяется ее целью; при этом осведомленность коммуникантов об этой цели столь же неизбежно приводит к тому, что они руководствуются в своей коммуникативной деятельности некоторым общим, универсальным принципом, а именно «принципом кооперации», суть которого в том, что коммуникативный вклад участников на каждом шаге диалога должен соответствовать тому, что требует совместно принятая цель.

Принцип кооперации реализуется в виде более конкретных постулатов общения, подразделяемых Грайсом на четыре категории: количества, качества, отношения и способа. По мнению автора, именно коммуникативные постулаты и относящиеся к ним коммуникативные импликатуры связаны с теми специфическими целями, для выполнения которых приспособлена и в первую очередь используется речь. Примечательна модальность обязательности в формулировке данных постулатов, подразумевающая, что они являются абсолютными императивами, без соблюдения которых коммуникация состояться не может.

Представляется, однако, что речь идет об упрощенной, втиснутой в жесткие логические рамки схеме коммуникации. Автор этой схемы так и не смог преодолеть отмеченный им же недостаток логико-прагматического подхода, а именно, недооценку силы влияния факторов, определяющих речевое общение. Грайс, несомненно, справедливо отводит лидирующую роль в организации коммуникации цели, но примитивизирует ее, сводя все потенциальное многообразие (в частности, Р. Якобсон выделяет шесть целей) [см.: 2] к сообщению информации.

В фокусе нашего внимания находится юмористическая форма коммуникации, в основе которой лежит иная цель, и которая, как следствие, не соблюдает выявленные Г. П. Грайсом принципы общения, а, напротив, строится нередко на их намеренном нарушении.

Проиллюстрируем данную форму юмористической коммуникации фрагментами телесериала “House MD”. «Доктор Хаус» – американский телесериал о выдающемся враче-диагносте Грегори Хаусе (англ. *Gregory House*) и его команде. Жанр сериала – медицинский детектив с элементами драмы. Популярный сериал был неоднократно отмечен престижными теленаградами – «Пибоди» и «Эмми». Показ сериала начался в 2004 году на телеканале FOX. В 2012 году вышла последняя 177 серия телесериала. Главный герой доктор Грегори Хаус отличается «циничным юмором», то есть юмором, основанным на нарушении социальных установлений, регулирующих общение между людьми.

Рассмотрим, насколько соблюдается принцип кооперации в юмористическом общении доктора Г. Хауса. Для анализа использовался материал серий 5 сезонов данного сериала. Примеры распределены по категориям постулатов общения Грайса.

Рассмотрим примеры категории количества.

Юмористический эффект в следующем фрагменте (пример 1) строится на контрасте между принятым и ожидаемым речевым поведением врача в ситуации наплыва страждущих пациентов, подкрепленного вербально репликой доктора “In the interests of saving time” и неожиданной и нетипичной словоохотливостью персонажа, выдающего гораздо больше информации, чем было бы уместно в описываемой коммуникативной ситуации.

Пример 1.

Dr. House: Hello, sick people and their loved ones! In the interests of saving time and avoiding a lot of boring chit-chat later, I'm Dr. Gregory House. You can call me Greg. I'm one of three doctors staffing this clinic this morning.

Dr. Cuddy: Short, sweet, grab a file.

Dr. House: This ray of sunshine is Dr. Lisa Cuddy. Dr. Cuddy runs this whole hospital so unfortunately she's much too busy to deal with you. I am a board-certified diagnostician with a double specialty of infectious disease and nephrology. I'm also the only doctor currently employed at this clinic who's forced to be here against his will. That is true, isn't it? But not to worry, because for most of you this job could be done by a monkey with a bottle of Motrin. Speaking of which, if you're particularly annoying you may see me reach for this. This is Vicodin - it's mine, you can't have any. And no, I do not have a pain-management problem, I have a pain problem. But who knows – maybe I'm wrong. Maybe I'm too stoned to tell. So, who wants me? (everyone stares) And... who would rather wait for one of the other two guys? (everyone raises their hands) Okay, well, I'll be in Exam Room 1 if you change your mind.

В следующем фрагменте (пример 2) юмористический эффект также строится на нарушении максимы количества, но в сторону недостаточности информации. Собеседники доктора Хауса – его коллеги доктор Чейз и доктор Форман выдвигают предположительные диагнозы для пациента, истекающего кровью. На предположение Формана о наркотиках как причине тяжелого состояния пациента Чейз возражает указанием на то, что тот является полицейским: “He's a cop”, считая, что этим все сказано, что этой информации достаточно, чтобы исключить предложенный диагноз. Повторная реплика Формана подразумевает обратное.

Пример 2.

Dr. House: Cop with a sense of humor, differential diagnosis, guy's in the ER, bleeding on everybody.

Dr. Foreman: Drugs?

Dr. Chase: He's a cop.

Dr. Foreman: Good point, how about.....drugs?

Категория качества иллюстрируется иными примерами. В примере 3 Хаус отступает от максимы качества, чтобы выйти из неловкой ситуации с незнанием имени «друга».

Пример 3.

Dr. Gregory House: Fine. I'll ask one of my other friends.

Dr. Wilson: Huh...

Dr. Gregory House: What? You're saying I've only got one friend?

Dr. Wilson: Uh... and... who...?

Dr. Gregory House: Kevin. In bookkeeping.

Dr. Wilson: Okay, well, first of all, his name's Karl...

Dr. Gregory House: I call him Kevin. It's his secret friendship club name.

В следующем фрагменте (пример 4) Хаус также отступает от истины, но в данном случае в саркастической реплике.

Пример 4.

Dr. Cameron: You want me to tell a man whose wife is about to die that she may have cheated on him?

Dr. Gregory House: No, I want you to be polite and let her die.

Интересно, что сарказм доктора Хауса высвечивает здесь противоречие между эффективностью общения и вежливостью, выступающей своего рода фильтром того, о чем можно (принято) говорить в обществе. Этот фильтр – запрет на определенные темы, – имеющий прямое отношение к описанной выше максиме количества, может в данном случае привести к летальному исходу.

Сарказм и ирония, иллюстрируемые также примерами 5 и 6, строящиеся на вербализации смысла, противоположного подразумеваемому, являются излюбленными приемами доктора Хауса.

Пример 5.

Dr. Wilson: Did you know your phone is dead? Do you ever recharge the batteries?

Dr. Gregory House: They recharge? I just keep buying new phones.

Пример 6.

Charlie: C'mon, Jill - he obviously doesn't want to talk to us.

Dr. House: Oh, I was trying to hide it...

В следующем примере (7) Хаус вновь нарушает принцип кооперации, отклоняясь от истины, выдвигая предположение о том, что доктор Чарльз упал под гнетом собственного эго – психической, а не материальной сущности.

Пример 7.

Dr. Cuddy: Dr. Sebastian Charles collapsed during a presentation at Stoia Tucker.

Dr. House: Really? Crushed under the weight of his own ego?

Категория отношения тесно связана с максимой количества, так как отклонение от темы фактически равносильно привлечению дополнительных нерелевантных сведений (см. пример 1). Нарушение максимы отношения ощущается в тексте как нарушение его когерентности, когнитивной связности, как в примере 8, где между вопросом и ответом нарушаются причинно-следственные связи.

Пример 8.

Stacy: If Chase screwed up so badly, why didn't you fire him?

Dr. House: He has great hair.

Stacy: What are you hiding?

Dr. House: I'm gay. Oh! That's not what you meant. It does explain a lot, though: no girlfriend, always with Wilson, obsession with sneakers...

Хаус пытается уйти от темы, делая это в свойственной ему циничной юмористической манере, чтобы не вызвать у и без того настороженной собеседницы лишних подозрений.

Нарушение максимы отношения может быть и просто игрой, как в примере 9, где Хаусу важно лишь показать собственное превосходство над младшими коллегами. Привлекаемый им аргумент лишь формально имеет видимость такового, являясь, по сути, нерелевантным, на что ему и указывает доктор Форман.

Пример 9.

Dr. Foreman: Occam's Razor. The simplest explanation is always the best.

Dr. House: And you think one is simpler than two?

Dr. Cameron: I'm pretty sure it is, yeah.

Dr. House: Baby shows up. Chase tells you that two people exchanged fluids to create this being. I tell you that one stork dropped the little tyke off in a diaper. Are you going to go with the two or the one?

Dr. Foreman: I think your argument is specious.

Dr. House: I think your tie is ugly.

В примере 10 доктор Кадди также прямо обвиняет во лжи Хауса, заверившего пациента в том, что прописанное лекарство – почти что молоко.

Пример 10.

Dr. Lisa Cuddy: You put him on Lupron?

Dr. Gregory House: Uh-huh.

Dr. Lisa Cuddy: And you told them it was like milk?

Dr. Gregory House: Yes.

Dr. Lisa Cuddy: Is there any way in which that is not a lie?

Dr. Gregory House: It's creamy.

Категория способа тесно связана с максимальной количества – сообщать столько, сколько необходимо для ясности, но избегать лишнего, а также с максимальной отношения, требующей от коммуникантов не отклоняться от темы.

В примере 11 определение *good* потенциально неоднозначно, так как нечто может быть хорошим в разных отношениях, в зависимости от потребностей и предпочтений воспринимающего. Эту потенциальную неоднозначность и использует Хаус в своей оценке, притом, что контекстуально смысл, заложенный его собеседником, ясен, так как единственным возможным критерием оценки качества больницы является уровень оказываемого медицинского обслуживания, но не качества стульев.

Пример 11.

Luke: Is this a good hospital?

Dr. House: Depends on what you mean by "good." I like these chairs.

К схожему приему Хаус прибегает и в примере 12, буквализируя клише медицинского дискурса We've got ... (У нас ...).

Пример 12.

Dr. Cameron, Dr. Eric Foreman, Dr. Robert Chase: [speaking about patient's symptoms] We've got rectal bleeding.

Dr. Gregory House: What, all three of you?

Приведенный анализ позволяет заключить, что вопреки мнению Г.П. Грайса об обязательности и универсальности выявленных принципов общения, речевая практика доказывает, что эти постулаты регулярно нарушаются, в частности, в юмористической форме коммуникации.

В то же время сделанные нами в настоящей статье наблюдения ни в коей мере не отрицают значимости описанных постулатов, напротив, свидетельствуют об их нормативности и глубокой укорененности в сознании коммуникантов. Именно эта нормативность «кооперативного» общения и порождает контраст, маркирующий случаи некооперативного общения как своего рода фигуры на нейтральном фоне, привлекая к ним внимание. И именно контраст, в данном случае между привычным кооперативным и непривычным некооперативным общением, порождает юмористический эффект в «циничной» форме юмористического общения.

Список литературы

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение. – [Электронный ресурс]: <http://gspro.org/book1690.html>
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: "за" и "против": сб. ст. / пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз.; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова, сост. М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 81-144.4

Смирнова Н. В., Советов И. М.

Говорящий и его самооценка в личном дейктическом поле

В статье описываются особенности формирования личного дейктического поля конкретного человека как структуры его личностных координат, знаний, ценностей и самооенок. В статье наглядно показано, как именно дейктические элементы языка отвечают за построение личного дейктического поля, как грамматическая структура языка может отражать пространственно-временные координаты типичной ситуации высказывания, каким образом в языке выражается степень соответствия личности системе ценностей определенного общества, то есть самооценка.

The article is devoted to the investigation of the person's deictic field formation as the structure of his personal knowledge, values and self-appraisal. It is shown in the article how deictic elements of language fulfill the function of deictic field formation, how the grammar structure can reflect place and time coordinates in the typical utterances and how self-appraisal as the person's correspondence to the certain social values is reflected in the language.

Ключевые слова: аксиологическая самооценка, организация языковой личности, формирование личного дейктического поля, индивидуальное задание говорящего, теория диктемы.

Key words: self-appraisal, linguistic personality organization, person's deictic field formation, individual task of the speaker, dicteme theory.

Произнося любое высказывание, говорящий определяет свое языковое поведение и статус, основываясь на самооценке. Самооценка – это модель внутреннего мира языковой личности, результат взаимодействия человека с окружающей его действительностью, степень соответствия личности системе ценностей принятой в обществе. Это психологическая, национально-культурная и профессионально обусловленная характеристика субъекта речи, его социальный статус, территориально-этническая принадлежность, эстетическое кредо, культурно-образовательный ценз, индивидуально-психологическая характеристика коммуникантов (пол, возрастные и индивидуально-личностные особенности, личный опыт, ролевые отношения, характер предмета коммуникации). Обязательными единицами конструкций самооценки в качестве логико-понятийной категории являются: субъект оценки, оценочный параметр и «точка отсчета» шкалы оценок и оценочных стереотипов.

Семантический процесс самооценки связан со значительным уменьшением доли объективного, вовлечением несущественных для действи-

тельной характеристики личности периферийных эмотивно-оценочных признаков. Самооценка выступает в виде имплицитного компонента значения и выявляется через лексико-семантические оппозиции и контекст. Самооценка выражается либо прямо, то есть в самом составе оценочных слов, либо косвенно, передаваясь скрытым смыслом высказываний. Декодирование самооценки в тексте осуществляется в рамках диктемы на основании антонимической корреляции.

Парадигматика передачи самооценки проходит два этапа: ассоциативный, связанный с парафразовыми соотношениями синтаксических конструкций, и деривационный, связанный с соотношением структур с «ядерным предложением как деривационной основой парадигм производства предложений» [2]. Объектом самооценки в анализируемых конструкциях является лицо, которое может быть распространено местоимением в притяжательном или объектном падеже, причастием прошедшего времени в качестве определения, местоименными конструкциями с возвратными местоимениями, либо дублирующей их конструкцией “on one’s own”.

Система личных местоимений любого языка – это закрытая малая система, которая состоит из дейктических слов. Высказывание на естественном языке строится в определенной “системе координат”, так как произносится в конкретном месте и в определенный момент времени; оно связано с определенной пространственно-временной ситуацией. Оно произносится говорящим и адресовано обычно какому-либо другому конкретному лицу или лицам. В. фон Гумбольдт писал: “Мне кажется, что в одной из более ранних работ я сумел показать, что местоимения должны быть первичными в любом языке и что представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего “Я”. Но само понятие “Я” предполагает также и “ты”, а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется на неживые предметы. «Лицо, в частности, “Я”, если отвлечься от конкретных признаков, находится во внешней связи с пространством и во внутренней связи с восприятием» [цит. по: 9, с. 471]. Участники ситуации высказывания могут также находиться в определенном отношении статуса относительно друг друга. «Отношения статуса взаимодействуют с ролями участников ситуации, а в некоторых языках и преобладают над ними» [7, с. 291].

Ф. Вегенер, К. Бругманн и К. Бюлер в центр внимания ставили указательное поле языка. В настоящее время понятие “дейксис” в наиболее общем виде может быть сформулировано как указание, связанное с определением некоторой точки отсчета, относительно которой указание

осуществляется. Понятие дейксиса вводится для описания “ориентационных” свойств языка, связанных с местом и временем произнесения высказывания. Так называемые “личные местоимения” (*I* “я”, *you* “ты, вы”, *he* “он” и т. д.) составляют только один класс элементов языка, значение которых должно определяться со ссылкой на “дейктические координаты” типичной ситуации высказывания. Другим примером элементов, которые включают компонент дейксиса, могут служить такие обстоятельства места и времени, как *here* “здесь” и *there* “там” (вблизи говорящего; не вблизи говорящего), *now* “сейчас” и *then* “тогда” (в момент речи; не в момент речи). Это лишь самые очевидные примеры того, как грамматическая структура языка может отражать пространственно-временные координаты типичной ситуации высказывания [7, с. 292].

Ю. Д. Апресян считает, что «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [1, с. 31]. Находится эта точка отсчета внутри эмоционального мира конкретного человека в системе и в структуре его личностных координат, знаний, ценностей и т. п.

Основная специфика дейксиса заключается в том, что дейксис полностью зависит от акта речи. Кроме этого, референтная соотнесенность дейктических слов и выражений меняется с изменением автора речи и переходит от одного лица к другому.

В. И. Шаховский выделяет дополнительно так называемый эмоциональный дейксис. Эмоциональный дейксис можно представить как систему координат субъективной эмоциональной ориентации языковой личности. Эмоциональный дейксис – это исходная эмоциональная позиция языковой личности, выступающая в качестве основания для осуществления эмоциональной речевой деятельности, которое образуется в результате взаимодействия четырех параметров, представляющих собой актуальные эмоциональные характеристики субъекта речи: эмотивная интенция языковой личности; модальность ее эмоций; тональность ее эмоций; направленность ее эмоций [8, с. 47].

Личное местоимение, выступая “заместителем” той или иной полнозначной единицы, не приобретает ее значение, не заимствует у полнозначного слова его означаемого, но оно указывает на то, что в определенном контексте речь идет о некотором объекте. Дейктические знаки указывают на референт, предмет или явление действительности, с которым они соотносятся. Личное местоимение представляет собой средство индивидуализации референта [5, с. 196 – 197].

В современном языкознании в качестве основной характеристики дейксиса выделяется его эгоцентричность. Отсчет пространства, времени и личностных взаимоотношений ведется с позиций говорящего. Говорящий является центром дейктического поля, его точкой отсчета, и установление личностных отношений, близости – дальности, сиюминутности или предшествования действия определяется на основании соотнесенности с актом

речи [6, с. 77 – 78]. Позиция говорящего не мыслится без самооценки и определения пространственных, временных и других ориентиров. В процессе общения важным фактором является переход роли говорящего от одного коммуниканта к другому, так как “типичная ситуация высказывания эгоцентрична: по мере того как роль говорящего в речи переходит от одного участника к другому, переключается и “центр” дейктической системы (*I* “Я” используется каждым говорящим для указания на себя самого, а *you* “ты, вы” - для указания на слушающего)” [7, с. 292]. Интересны конструкции самооценки, в которых подлежащее расширяется синтаксически производными членами, очень часто это оценочные прилагательные и местоимения, используемые с целью усиления экспрессивной оценки. Рассмотрим специфические для самооценки способы модификации ядерного предложения за счет введения «лишних» с точки зрения структуры ядерного предложения материальных элементов – местоименных конструкций.

Дейктические выражения не являются чистыми указателями. Они комбинируют в себе две функции — знака и указательного символа. Из этого вытекает, что, хотя их значение обусловлено контекстом, у них есть еще добавочные значения, которые не могут считаться контекстуально обусловленными. Специфика идентифицирующей номинации, присущая дейктическим словам, манифестируется в ряде их свойств. Например: This situation is an incentive for me to get my head down (London Lite January, 2008); Oh yeah. A lot of loss. I lost my father. I lost my business partner to prison and some friends. It was a very dark period for me – it still is but, you know, I’m kind of coming out of it. In my head it was a very dark period (The London paper January, 2008).

В случае отсутствия в конструкциях самооценки подлежащего, выраженного личными местоимениями “*I, we*”, либо субъекта действия с притяжательными местоимениями “*my, our*”, наблюдается использование предложных конструкций с местоимениями в объектном падеже “*for us, for me*” или конструкции “*for + притяжательное местоимение + существительное*”. Возможны три варианта формальных подлежащих в предложениях: *this, it, there*.

Характерным средством выражения самооценки являются местоименные конструкции с возвратными местоимениями, либо дублирующая их конструкция “*on one’s own*”: “You are trying not to edit yourself,” she says. “It makes you self-conscious once you start third-eyeing yourself.” That’s how Hawkins, 32, who also shone in a 2007 TV version of Jane Austen’s *Persuasion*, managed to create that rare movie character, a secular saint (Time, January 19, 2009).

Конструкция “*on one’s own*” в самооценке несет стилистическую окраску подчеркивания с одной стороны одиночества, а с другой стороны независимости и самостоятельности, самости и беспомощности. В следующем заголовке статьи автор говорит, что мы, общество, сотворили своими руками то, что самим нам исправить уже не под силу, нам не под силу спасти самих себя, мы запустили механизм саморазрушения.

Will we save our own? (National Geographic April, 1990)

В следующем примере, употребляя конструкцию “on one’s own”, человек признается в удручающем его одиночестве и скуке: I live on my own, well except for Goldfish, it was impossible for something like this happen (The London paper January, 2008).

«Местоимения включаются в позиционные именные классы на правах слов-заместителей <...>. Обобщающая заместительная функция местоимений видна из того, что любой член предложения, выраженный местоимением <...>, проецирует свое значение на некоторый класс или подкласс знаменательных слов и, обратно, сам служит проекцией общей функции данного класса или подкласса» [2, с. 107]. Следовательно, существует подкласс знаменательных слов, заместителями которых являются возвратные местоимения. Такие слова можно четко выделить в примерах грамматического вычленения ремы. В первом из следующих примеров это все жители Лондона, объединенные единством интересов и целей; во втором примере это все население планеты, в том числе и мы с вами.

Us Londoners are a fussy lot. We love our city living – thousands of clubs, theatres and bars on our doorstep. Yet from time to time, we crave a slice of village life, too ... (Time Out London February, 2008); You & Us the world changes. Our commitment doesn’t (The Economist September 27th – October 3rd 2008).

«Лишними» с точки зрения структуры ядерного предложения материальными элементами в местоименных конструкциях являются вводимые уточнители местоимения *we* в функции подлежащего. Данная избыточность есть проявление обобщающей заместительной функции местоимений, которую примеры и доказывают. Наличие заменяемого местоимением знаменательного слова создает желаемый пафос, избыточную демонстрацию, выполняет указательную функцию. В первом из следующих примеров это имя существительное, во втором – местоимение.

Sure, we men today may be taking care of our kids, our skin and our feelings more than Grandpa Ralph ever did, but we still grapple with the same core problem: providing that we weren’t just born male – we’ve become Men (Newsweek March 2, 2009); “We each needed our own space. There was no way around that,” BJ says of the rearranging she did to accommodate her son (Time March 2, 2009).

В английском языке существует определенный тип конструкций, в которых присутствуют и местоимение и знаменательное слово, которое оно замещает. Этой конструкцией говорящий пользуется, чтобы избежать возможных искажений замены местоимения, т.е. возможных вариантов трактовки и оценки его поведения: “We are all socialists now. In many ways our economy already resembles a European one. As boomers age and spending grows, we will become even more French” (Newsweek February 16, 2009); “We are not quitters.” American President Barack Obama, seeking to buoy the anxious national mood during his first speech before Congress, even as stocks plummeted last week (Newsweek March 9, 2009).

В дополнение к сказанному следует заметить, что вне зависимости от функционального стиля, выражая самооценку, говорящий пользуется местоимением *we* (так называемое *Pluralis Majestatis*), из скромности объединяя себя с теми, к кому обращена речь, вовлекая собеседников в свое повествование: “We have come to realize that Carib people are a nation, a tribe,” he said. “Descendants of African slaves are today doctors and lawyers. We need Carib doctors and lawyers, and we need our own secondary schools if our children are to remain Carib. Most of all we need our own financial institution so Carib people can use their land ... I’m thinking of my children. There are laws to preserve the wildlife of Diminica. Surely the native people of Dominica should be preserved” (National Geographic June, 1990).

Исключением является научный стиль, где *Pluralis Majestatis* создает эффект достоверности. С точки зрения структуры ядерного предложения избыточными материальными элементами в предложениях являются вводимые личные местоимения первого лица в функции подлежащего. Данная избыточность и есть проявление обобщающей заместительной функции местоимений. Наличие заменяемого местоимением знаменательного слова создает избыточную демонстрацию, выполняет указательную функцию.

Высказывание говорящего всегда связано с определенной пространственно-временной ситуацией, а “Я” говорящего находится во внешней связи с пространством и во внутренней органичной связи с восприятием действительности. Само понятие “Я” предполагает также и “ты”, а это противопоставление в свою очередь влечет за собой и возникновение третьего лица. Статус коммуникантов определяет роли участников ситуации общения и базируется на их самооценках. Именно дейктические элементы языка отвечают за построение личного дейктического поля, так, как грамматическая структура языка может отражать пространственно-временные координаты типичной ситуации высказывания.

Точка отсчета в личном дейктическом поле находится внутри эмоционального мира конкретного человека в структуре его личностных координат, знаний, ценностей и самооценок. Позиция говорящего немислима без опоры на самооценку и определение пространственных, временных ориентиров. В процессе общения важным фактором является переход роли говорящего от одного коммуниканта к другому, так как типичная ситуация высказывания эгоцентрична. Самооценка – это следствие взаимодействия человека с окружающей его действительностью, степень соответствия личности системе ценностей определенного общества.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966. – С. 105 – 106.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2005.

3. Блох М. Я. Проблемы лингвистики. Семь жизней текста // Мост (Язык и культура) Bridge (Languages and culture). – 1999. – № 6. – С. 7 – 10.
4. Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель: 21 век. – 2007. – № 1. – С. 101 – 105.
5. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. – М., 1974.
6. Зернов Б. Е. Спорные вопросы английской грамматики. – Л., 1988.
7. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс 1978.
8. Шаховский В. И., Жура В. В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38 – 56.
9. Шведова Н. Ю. Избранные работы. Русский язык / Рос. акад. наук. – М., 2005.

Репрезентация смысла «часть целого» и «часть – целое» средствами словообразования немецкого языка

В статье анализируются особенности объективации смысла «часть целого» и «часть – целое» словообразовательной моделью немецкого языка N+N. Дается оценка когнитивных особенностей формирования соответствующих смыслов. Делаются выводы относительно возможности дискретного восприятия человеческим сознанием отдельных предметных категорий.

The article analyses the object peculiarities of the sense Part of the Whole and Part – Whole by the German word building model N+N. It gives evaluation of cognitive peculiarities of corresponding senses formation. It makes the conclusion on human cognition discrete perception of definite subject categories.

Ключевые слова: производное слово, словообразовательная модель, словообразовательное значение, пропозициональная структура, прототип, восприятие, дискретность.

Key words: derived word, word-formation pattern, word-formation meaning, propositional structure, prototype, perception, discreteness.

В связи с тем, что в процессе взаимодействия с объектами окружающей действительности человек имеет дело не только с объектом в целом, но и его составляющими; а также в силу того, что восприятие объекта в сознании связано с представлением о том, из каких частей состоит целое, и как части определяют его форму, особое значение в концептуализации предметного мира имеют когнитивные схемы ЧАСТЬ - ЦЕЛОЕ, ЦЕЛОЕ - ЧАСТЬ.

Многие характеристики предметной сущности могут быть рассмотрены в широком смысле как корреляция части и целого в силу того, что профилируют объект на определенном фоне. Как известно, противопоставление фона и фигуры, считающееся основным принципом восприятия, может трактоваться как оппозиция целого, фона, по отношению к которому могут быть увидены и выделены отдельные части (фигуры) [5, с. 249].

Подавляющее большинство объектов физической и ментальной природы имеет структуру, в которой реально или потенциально выделимы части, в совокупности составляющие целое. Предметом анализа данной работы становится словообразовательная модель немецкого языка N + N как средство репрезентации дискретности предметной сущности.

Объективация смысла ЧАСТЬ ЦЕЛОГО субстанциональной категории осуществляется на основе словообразовательной модели N+N. Слово-

образовательная модель отражает предыдущий опыт человека, на основании которого сходные концептуальные структуры воплощаются в подобных языковых формах и рассматриваются как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры.

Как показывает анализ языкового материала, отношения между частью и целым на основе когнитивной модели ЧАСТЬ ЦЕЛОГО могут быть установлены у ОБЪЕКТОВ живой и неживой природы, абстрактных существностей, категорий ПРОСТРАНСТВА, ВРЕМЕНИ.

При фокусировке внимания наблюдателя на онтологических особенностях объекта человеческое сознание способно перцептуально воспринимать его составляющие и фиксировать их принадлежность целостности. «Онтологически концепт объекта – это замкнутая или почти замкнутая часть конкретной материи, целостная сущность, тело, обладающее четкими и ясными контурами, границами и другими характеристиками. Концепт объекта определяется геометрическими и топологическими свойствами на основе наличия составных частей» [6, с. 31].

В качестве части человеческое сознание способно фиксировать значимые элементы предметной сущности, позволяющие вычленять данный объект реальной действительности из ряда схожих. Так, медведя как представителя класса животных характеризует наличие тела, хвоста, шерсти: *Bär m. – großes Raubtier mit dickem braunem Pelz, gedrungenem Körper und kurzem Schwanz*. Установление человеческим сознанием отношения между значимой составляющей и целым зафиксировано в производном *das Bärenfell – Fell des Bären* (Duden, 1996). Особенностью льва как представителя животного мира является наличие длинной гривы, которая может быть осмыслена как ЧАСТЬ ЦЕЛОГО и объективирована в соответствующей языковой структуре: *Löwenmähne f. – Mähne des Löwen* (Wahrig, 2001).

Онтологически часть принадлежит целому. Смещение фокуса внимания с части как составляющей целого на концептуальную связь, объективирующую принадлежность, способствует расширению семантического потенциала производных, сформированных на основе соответствующей модели, способных также профилировать характеристику объекта 'принадлежность кому-либо, чему-либо'. В узком смысле устанавливается связь на основе когнитивной модели «обладаемое – обладатель»: *Brauteltern – Eltern der Braut, Bäckersfrau – Frau eines Bäckers, Vogelnest, das – Nest eines Vogels* (Duden, 1996). Устанавливаемая такого рода концептуальная связь носит внутрифреймовый характер.

Человеческое сознание способно интегрировать подобные референты в единую категорию и вычленять из этой совокупности отдельную составляющую: *das Kleidungsstück – einzelnes, zur Kleidung gehörendes Teil; die Kleidung – Gesamtheit der Kleidungsstücke* (Duden, 1996).

Когнитивной основой восприятия ПРОСТРАНСТВА/ МЕСТА как дискретной категории является наличие естественных или искусственных границ, ограничивающих его отдельные части, территории: *der Stadtteil –*

*Teil einer Stadt, die eine gewisse **Einheit** darstellt; der Meeresgrund – Grund des Meeres; Waldrand, der – Rand des Waldes, Rand, der – äußere Begrenzung einer Fläche, eines bestimmten Gebietes; Siedlungsform – Form einer menschlichen Siedlung, Form, die – äußere plastische **Gestalt mit bestimmten Umrissen**, in der etwas erscheint* (Duden, 1996).

В качестве ЧАСТИ ЦЕЛОГО носителем немецкого языкового сознания могут фиксироваться, в том числе, визуально не наблюдаемые, перцептивно выделяемые через иные каналы (осязание, обоняние, слух) внутренние и внешние характеристики объекта, вещества или абстрактной сущности: *Wassertemperatur die – Temperatur des Wassers, Marschrhythmus, der – Rhythmus eines Marsches, Sportssprache, die – Fachsprache und Jargon des Sports, Veilchenduft, der – Duft von Veilchen* (Duden, 1996).

Наконец, человеческое сознание способно выделять как отдельные фрагменты целого абстрактные сущности, созданные человеческим воображением в процессе познания внутреннего и внешнего по отношению к нему мира, и членимые на замкнутые пространства лишь человеческим воображением.

В качестве ЧАСТИ ЦЕЛОГО самого человека воспринимаются элементы его духовного мира (душа, чувства, права, обязанности и т.п.): *Menschenseele, die – das Innerste, die Seele eines Menschen, Menschenwürde, die – die geistig-sittliche Würde eines Menschen, Mutterliebe, die – fürsorgliche, opferbereite Liebe einer Mutter zu ihrem Kind, Menschenpflicht, die – Verantwortung, Pflicht, die ein Mensch seinen Menschen gegenüber hat, Menschenrecht, das – unabdingbares Recht des Menschen auf freie und allseitige Entfaltung seiner Persönlichkeit in einem Staatswesen* (Duden, 1996).

Особого внимания в этой связи требует изучение абстрактного концепта ВРЕМЯ, так как концепт ВРЕМЯ является одним из важнейших конституентов общечеловеческой картины мира, поскольку «сквозь его призму воспринимается все сущее в мире, все доступное нашему уму и нашему истолкованию» [7, с. 77].

Время – абстрактный феномен, конструкт, созданный человеком. Время неслышимо, невидимо, неосязаемо. У человека нет специального органа для восприятия времени, но у него есть чувство времени, порожденное восприятием изменений в мире. «Если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [1, с. 688]. Восприятие времени субъективно и зависит от многих факторов: возраста, физического и эмоционального состояния и др.

Согласно современным научным представлениям, существуют две основные модели времени: модель циклического и модель линейного времени. Представление о цикличности времени связывают с восприятием естественных природных циклов: сменой времен года, времени суток и повторяющихся событий в жизни человека. Согласно второй модели, вре-

мя как мера движения и изменения характеризуется линейностью, однонаправленностью и необратимостью.

Результаты постижения времени человеком находят отражение в языковой модели времени. Обратимся к анализу моделей, которые структурируют представления о времени как дискретной сущности в немецком языке на словообразовательном уровне. Нами выделены следующие пропозициональные структуры, профилирующий аргумент которых объективирует категорию ВРЕМЯ: ZEIT 1, die EIN TEIL VON ZEIT 2 IST (Teil – Ganzes); ZEIT 1, das ZEIT 2 einschließt (Ganzes – Teil).

Существующие в немецком языке пропозициональные структуры с аргументом ZEIT профилируют фундаментальное свойство времени – его дискретность и измеримость. Пропозициональная структура ZEIT 1, die EIN TEIL VON ZEIT 2 IST (Teil – Ganzes) отображает фрагмент, отдельный отрезок целого концепта ВРЕМЯ. Когнитивно выделенным в смысловой структуре производного имени, порожденного по данной модели, является отрезок времени определенной длительности (ZEIT 1), референция которого осуществляется через установление отношения части к целому. Часть и целое представляют собой фрагменты разных временных циклов, производное *Abendstunde, f – Stunde am Abend* (Duden) фиксирует единицу математического исчисления по отношению к циклу смен светлой и темной частей суток, производные: *Sommerabend, der – Abend im Sommer, Winterabend, der – Abend im Winter, Winternacht f., Sommertag m.* – единицу цикла смены светлой и темной частей суток соотносят с циклом времен года. Отрезок определенной длительности (год, месяц, неделя и т.д.) может быть поделен на отрезки неопределенной длительности (начало, середина, конец, мгновение и под.): *Monatsanfang, der – Anfang eines Monats, Monatsmitte, die – Mitte eines Monats, Monatsende, das – Ende eines Monats* (Duden, 1996).

Поскольку человеческая жизнь преломляется сквозь призму модели времени, она дискретна и измерима: *Lebensalter, das – Zeitspanne von der Geburt bis zum Tod, Lebensjahr, das – ein Jahr vom Geburtstag an gerechnet, Lebensabend, der – Alter (Sie verbringt ihren Lebensabend bei ihrer Tochter)* (Sprach-Brockhaus, 1984). Формирование смысла производного *Lebensabend* (досл. вечер жизни) сопряжено также с действием механизма концептуальной метафоры. Из области-источника ЦИКЛ СМЕНЫ ДНЯ / НОЧИ в область-мишень ЖИЗНЬ ЖИВОГО СУЩЕСТВА осуществляется перенос признака ‘завершение цикла’, что позволяет сформировать новую категорию ALTER (старость), осложненную оценочным компонентом, ср. с русским закат жизни (о старости).

Время как категория может быть описано в терминах контейнера, оно способно вмещать иные единицы измерения времени, а также события. Модель времени ЦЕЛОГО ЧАСТЬ (ZEIT 1, das ZEIT 2 einschließt) позволяет устанавливать отношение между длительным временным промежутком и его отдельной частью. Имена, порожденные на основе данной структуры,

профилируют признак ‘длительность’, соотнесенный с определенным отрезком времени: *Winterhalbjahr, das – die Wintermonate einschließende Hälfte des Jahres; Abendzeit – Zeit des Abends, Sommerzeit, die – Zeit, in der es Sommer ist; Anfangszeit, die – Zeitangabe für den Beginn von Veranstaltungen, b) erste Zeit der Tätigkeit; Nachtzeit, die – Zeit in der Nacht, nächtliche Stunde* (Duden, 1996).

Анализ дефиниций сложных слов, репрезентирующих смысл ЧАСТЬ ЦЕЛОГО, позволяет сделать вывод о том, что отношение партитивности может быть установлено на основе общего словообразовательного значения: *etwas* (ОБЪЕКТ 1, ОРТ 1, ZEIT 1), *was Teil von Ganzem* (ОБЪЕКТ 2, ОРТ 2, ZEIT 2) *ist*.

Словообразовательная модель N+N в немецком языке является прототипом языковой репрезентации знания об объекте действительности, его связях с другими объектами, его основных характеристиках. Под прототипом языковой репрезентации знания, вслед за Н. Н. Болдыревым, понимаем опорную точку в процессах поиска адекватного названия для того или иного объекта; опорную точку для формирования и передачи необходимого смысла, наиболее типичное средство языковой передачи знания о том или ином объекте в самом общем виде [2, с. 70].

Данная модель исторически восходит к генитивной конструкции N (Gen) + N, которая репрезентирует корреляцию ЧАСТИ и ЦЕЛОГО. Все это, в свою очередь, позволяет заключить, что объективируемые композитной моделью N+N структуры знаний отражают эволюционный процесс развития именной категории и её подлинной трансформации в немецком языке, детерминированный расщеплением предметного концепта как целостности на его составляющие.

Высказанное положение подтверждает мысль В. А. Виноградова, Е. С. Кубряковой о том, что «каждая категориальная мутация осуществляется с опорой на какой-либо из признаков, включенный в представление самой категории: так, развитие по направлению «выделенность → единичность» происходит ... «с опорой на признак элементарности (индивидуальности)», «цельность коррелирует с «отдельностью», которые могут мыслиться либо «как единство целого и части», либо напротив, как постепенное расчленение целостности на его составляющие» [3, с. 14 – 5; 5, с. 248].

Семантический потенциал данной модели объективировать различные взаимоотношения ЧАСТИ и ЦЕЛОГО, в том числе, как противопоставление фона и фигуры, создает предпосылку для её регулярного использования в процессе порождения новых смыслов. Именно этим можно объяснить тот факт, что 48 % односложных слов, вошедших в словарь основных слов немецкого языка Аугста, не образуют дериватов [8, с. 11], как: *Kahn, Käfig, Kakao, Kartoffel*, при этом они могут формировать композиты: *Kahnfahrt, Käfigtür, Löwenkäfig, Haferkakao, Kakaobaum, Kartoffelbrei*.

На словообразовательном уровне возможно также установление отношения смежности между ЦЕЛЫМ как категорией и ЧАСТЬЮ как суб-

категорией предметной сущности. Категорию рассматривают как основной формат знаний, исходя из представления о том, что все знания о мире, человеке и языке хранятся в нашем сознании в категориальной форме и все входящие в картину мира объекты категоризованы, упорядочены, а потому человек воспринимает мир в таксономической «обработке». Так, задается онтологическая модель мира, причем не просто модель, а мир, понятый в смысле данной модели [4, I, с. 47].

Традиционно в лингвистике выделяют три уровня категоризации: базовый, субординатный (нижний) и суперординатный (высший).

Многие объекты живого и неживого мира (животные, растения, материалы, вещества, орудия труда, машины и т.д.) могут получать в дискурсе характеристику 'отнесенность к базовой категории объектов', объективируемую средствами словообразования: *Mohnblume f. = Mohn m. – Angehöriger einer Gattung der Mohngewächse; Lindenbaum m. = Linde f. – Angehörige einer Gattung der Lindengewächse, großer Baum mit meist schief herzförmigen, gesägten Blättern; Chlorgas n. = Chlor n.; Passat m., Passatwind m. – beständiger Wind in den Tropen innerhalb der Wendekreise, infolge der Erdumdrehung wechselnd aus NO und SO wehend* (Wahrig, 2001).

Концептуальная структура таких имен, представленных в немецком языке словообразовательной моделью N + N, профилирует субкатеорию объекта реальной действительности на основе когнитивной операции классификации (X разновидность Y). Следует отметить, что в смысловой структуре производного отражен процесс идентификации референта категории субординатного уровня на основе включенности в категорию базового (срединного) уровня. Как известно, базовый уровень является тем уровнем категоризации, на котором человек наиболее эффективно взаимодействует с окружающей средой и наиболее продуктивно обрабатывает, хранит и передает информацию. Концепты этого уровня легко запоминаются в кратковременной памяти и легче сохраняются в долговременной памяти, быстро воспроизводятся, усваиваются детьми в первую очередь и являются наиболее простыми для восприятия. Базовые категории отличаются наибольшей распространенностью, высокой информативностью, максимальной приближенностью к наглядному образу.

Поскольку члены субординатного уровня отличаются низкой информативностью, высокой степенью сходства и конкретности отличительных признаков, восприятие и актуализацию такого рода концептов возможно осуществить на основе когнитивной схемы ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ («категория субординатного уровня как составляющая категории базового уровня»), ср.: *das Schilf – das Schilfgras, die Weide – der Weidenbaum, die Eiche – der Eichbaum, der Apollo – der Apollofalter, der Bilch – die Bilchmaus, der Leng – der Lengfisch, der Beozar – der Beozarstein, der Molar – der Molarzahn, das Kohlenoxid – das Kohlenoxidgas* и т.п.

В зависимости от коммуникативных намерений говорящего, особенностей дискурса соответствующий смысл может быть передан как на ос-

нове композита, так и односложного слова, функционирующего в лексической системе языка как конвенциональная единица и репрезентирующего конкретный объект как категорию субординатного уровня. В отдельных текстах возможно употребление обоих смысловых вариантов: *Schilf ist eine beliebte Pflanze für die Gestaltung am Teichrand... Oft ist das Schilfgras frostbeständig, wirft jedoch sein Laub ab* (kuenstlichepflanzen.com/kuenstlicheschilfgras). *Weide ist zweihäusig, d.h., es gibt Weidenbäume mit nur männlichen und solche mit nur weiblichen Blüten* (Die Natur im Jahreslauf, 1987). *Der Rote Apollo oder Apollofalter ist ein ins Europa streng geschützter Schmetterling aus der Familie der Ritterfalter (Papilionidae)* (de.wikipedia.org/wiki/Apollofalter).

Имена, сформированные на основе композитной модели N + N, широко используются в разных типах дискурса. Семантическая прозрачность производных слов, их информативная насыщенность на фоне неоднозначности односложных репрезентантов оказывается тем мощным фактором, который детерминирует их предпочтительность в процессах порождения говорящим и восприятия слушающим.

Так, потенциальным участником коммуникативного процесса, на которого рассчитано восприятие соответствующего смысла в публицистическом или медийном дискурсах, может выступать широкий круг лиц, обладающих разным уровнем знаний о конкретной области знания. Данный фактор детерминирует частотность функционирования сложных слов в соответствующих текстах, ср.: *Schilfgras mit Potenzial. Seit über 20 Jahren erforschen Wissenschaftler das Schilfgras Miscanthus mit überzeugenden Ergebnissen* (taz. die Tageszeitung vom 14.02.2011). *Weidenbaum radikal zurückschneiden? Ich bräuchte einen Rat von euch zu meinem „alten“ Weidenbaum... Er ist wirklich riesig* (green-24.de/forum/ftopic14044.html – дата обращения 14.01. 2013).

Если смысловая структура концепта субординатного уровня претерпевает изменение с целью дальнейшей субкатегоризации или детализации объекта реальной действительности и соответственно требует расширения, предпочтительным оказывается односложный аналог, что связано, в первую очередь, со стремлением субъекта коммуникации к языковой экономии – компактно выразить значительный объем информации. Ср.: *Ein wichtiges Unterscheidungsmerkmal zum Alpenapollo stellen die Fühler da* (de.wikipedia.org/wiki/Apollofalter). *Mitarbeiter des städtischen Bauhofes schneiden am Dienstag, 7. Juni, die Krone der Trauerweide auf dem Parkplatz an der Alten Stadtschule* (abendblatt.de vom 05.06.2005).

Необходимо отметить продуктивность данной словообразовательной модели, которая допускает использование не только существующих в системе языка единиц, но и формирование новых, релевантных определенной коммуникативной ситуации смыслов.

В заключение следует отметить, объективация смысла ЧАСТЬ ЦЕЛОГО, ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ сопряжена в немецком языковом сознании со

словообразовательной моделью N + N. Внутренняя дискретность целого как продукт человеческого мышления становится признаком любой субстанции, а расчленение субстанции как ментальная операция является основным принципом человеческого мировосприятия. Человеческое сознание способно также интегрировать ЧАСТЬ в ЦЕЛОЕ, устанавливая корреляцию между предметной категорией субординатного и базового уровней. Моделирование знаний о дискретной категории ВРЕМЯ сопряжено с возможностью устанавливать отношения между отдельной единицей измерения как ЧАСТЬЮ и её составляющей как ЦЕЛЫМ (ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ), а также между целостностью и отдельностью (ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ). В процессе категоризации отношений между целостностью и её составляющей выбор языковых репрезентантов детерминирован наличием соответствующих моделей в языковом сознании, намерениями участников коммуникативного процесса, особенностями дискурса.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллект. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009.
3. Виноградов В. А. Категориальная типология и языковой тип. – М., 1993.
4. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. – М., 2002.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Манерко Л. А. Сложноструктурное субстантивное словосочетание: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, Наука, 2007.
8. Augst G. Die Mächtigkeit der Wortfamilien – Quantitative Auswertungen zum „Wortfamilienwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache“ // Barz I., Schröder M., Fix U. Praxis- und Integrationsfelder der Wortbildungsforschung. – Heidelberg, 2000.

Перцептивные категории и их отражение в языке

В статье исследуется смысловая сеть как пересечение образов реального мира и образов, связанных с различными уровнями познавательного опыта, через реляции как переходы смысловой рефлексии и как основания возникновения новой реальности, нового смыслового уровня, что позволяет конфигурировать и усложнять смысловую сеть.

In this article considers a semantic net as an intersection of various images of the real world and the images connected with different levels of cognitive experience through relations as transitions of concept reflection and as foundations of the origin of the new reality, the new concept level, which allows to configure it and makes the semantic net more complex.

Ключевые слова: перцептивные категории, категоризация, концептуализация, реляции, онтологическая релятивность.

Key words: perceptive categories, conceptualization, relations, ontological relation.

Проблемы концептуализации и категоризации мира являются наиболее актуальными в современной лингвистике. Категоризация это – прежде всего проблема познания, где в качестве исходной основы познавательного процесса выступает чувственный опыт. Об этом свидетельствует и многовековая история изучения проблемы чувственного отражения в структуре познания [10, с. 9, 103, 287, 593, 355, 716], а также см. работы И. Т. Касавина, И. Н. Ивашкевича и др. По Витгенштейну, слоями познавательного опыта являются логический и реальный. Как способ структурирования человеческого опыта рассматривается категоризация с помощью восприятия (Дж. Брунер). И. Н. Ивашкевич, разделяя взгляды А. В. Барабанщикова, пишет, что восприятие, понятое как движение перцептивной системы, представляет собой целое, это не просто аспект восприятия и не восприятие вообще, а событие. Ученые делают вывод, что восприятие не только отражает, но и творит мир [5, с. 181]. Результаты человеческого опыта, а также все восприятия вербализуются «в виде системы знаков, язык становится главной когнитивной способностью человека» [7, с. 116].

Принимая во внимание точку зрения Рассела о том, что между сознанием и сущностями вне сознания устанавливается отношение знание-знакомство. В «Проблемах философии» Рассел пишет, что способность быть знакомым с вещами, иными, чем оно само, является основной характеристикой сознания. Знакомство с объектами по существу состоит в отношении между сознанием и чем-то отличным от сознания; и это отношение образует способность сознания познавать вещи (Рассел). Предположим, что отношение знакомства как когнитивное отношение между

сознанием и объектами является не «беспредпосылочным» отношением, а знание находится не в прямом контакте с объектами вне его, а между ними существует некоторое реляционное пространство, которое является актуализатором в памяти следов тех разномодальных ощущений, которые данная вещь вызывала у нас ранее при воздействии на другие органы чувств. То есть, возникновение полимодального образа обусловлено системой реляций между разными модальностями, разными проявлениями сущего, добавляя нам некоторые новые знания, прокладывая еще один путь к постижению сущего. При этом заметим, что трактовка полимодальности в когнитологии основывается на широком представлении о модальности как о способе восприятия и обработки информации (вербальном, визуальном, тактильном и др.) [6, с. 64]. Данное утверждение не противоречит утверждению Рассела о том, что «перцепты» могут стать психическими или физическими данными в зависимости от каузальных последовательностей, в которые они включаются.

Итак, считая, что система реляций выявляет средства интериоризации и семиотизации познаваемого мира в процессе объективирования концептуальной картины мира (его денотативно-сигнификативного образа) в семантическое пространство естественного языка, проанализируем слои концепта ОБЪЕКТНО-СОБЫТИЙНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, рассматривая его как особый «формат знаний» об онтологии мира на материале произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». Познавательный опыт в концепте представляют три группы образов, которые должны рассматриваться отдельно. «Образы – это субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности. Образ – это целостное, интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура и т.д.)...» [4, с. 152].

Основные перцептивные категории (физические и психические данности) объективируются в слоях концепта, которые детализируются и уточняются в зависимости от образа мира. Образ мира понимается нами, вслед за Н.Ф. Алефиренко, как «основа субъективного миропонимания, результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности. Такого рода субъективный образ объективной действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергается семиотизации, объективируется разными подсистемами языковых знаков, которые, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески ее интерпретируют и после такой герменевтической обработки вводят в уже сложившуюся систему мировосприятия» [1, с. 102]. Категоризация рассматривается нами как осуществляющаяся базовой бинарной оппозицией: имена, объективирующие физические данности \longleftrightarrow имена, относящиеся к вербализации психических данностей. Конфигурация знаний субъектом понятийного осмысления «предполагает их

концептуализацию и категоризацию в рамках абстрактных концептуально-категориальных характеристик» [8, с. 123]. К первой группе относятся образы, которые позволяют индивиду ощущать себя определяемым чем-то внешним, природным, тем, что вне нас («под "вне нас" я имею в виду «внешние нашим сознаниям» [9]. Одним из аспектов языковой категоризации является определение отдельных единиц человеческого опыта, вербализованных именами с пространственным значением. Категориальные пространства этого уровня рассматриваемого концепта представлены в первую очередь признаками, объективируемыми лексемой 'мир'. Отношением, которое устанавливается между категориальными пространствами, является отношение противопоставления: этот мир – другой мир, земной, видимый мир – мир Христа: *...а мертвые души - дело не от **мира** сего. Тут вы с своей стороны никакого не прилагали старания: на то была воля божия, чтоб они оставили **мир сей**, нанеся ущерб вашему хозяйству; планета земля – человечество, индивид: Великим **всемирным** поэтом имену- ют его, парящим высоко над всеми другими гениями **мира**, как парит орел над другими высоколетающими; предметный мир – мир, стоящий выше этого мира, мир вещей – внутренний мир: Долго бы стоял он ...позабыв и себя, и службу, и **мир**, и всё, что ни есть в **мире***. Это отношение выражает невозможность дать ответ на вечные вопросы, волновавшие ум человека: есть ли мир совокупностью эмпирических явлений или положительной полнотой бытия, что есть вечное в мире и что есть тленное в нем, о его ценностях и вневременном содержании и др. Следующими категориальными пространствами являются «природа как основополагающая форма существования материи, которая не зависит от человеческого сознания» и «природа человека», между которыми устанавливается отношение принадлежности: *Словом, всё было как-то пустынно - хорошо, как не выдумать ни **природе**, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соеди- няются вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду чело- века пройдет окончательным резцом своим **природа**...* Отношение принадлежности транслирует следующие смыслы: деятельность живых организмов, их мозга должна совпадать с содержанием активной преобразо- вательной энергии самого предметного мира, что не приведет к уничтожению того, что значимо для двух сторон отношения, так как это первичные данности. Еще одно категориальное пространство – «бытовой фон, на котором непосредственно совершаются различные события», о котором Дж. Гибсон писал в своей работе «Восприятие как функция стиму- ляции» и «бытовой фон суть жизневосприятия человека»: «Человек выровнял землю, вымостил ее, покрыл крышами и заключил в стены, про- являя при этом большую склонность к прямым краям, ровным и плоским поверхностям, прямым углам. Такая цивилизованная среда отличается во многих отношениях, но не в принципе от естественной среды, в которой развивался его биологический вид» [2]. Ср. целый ряд лексем в следующем примере: 'строение', (каменный, казенный) 'дом', (одноэтажные мещан-

ские, обывательские) ‘домики’, ‘церковь’, ‘рынок’: *Всякое строение, всё, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, всё останавливало меня и поражало. Каменный ли, казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских, обывательских домиков, круглый ли, правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью, рынок ли ... - ничто не ускользало от свежего, тонкого вниманья.* Следует заметить, что топонимы произведения формируют общую смысловую область, находятся между собой в тесных отношениях, в особенности это касается такого категориального пространства концепта, как «географическая область, местность, район, деревня, город», а также других, выражаемых пространственными номинациями: *Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру... пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью "храм уединенного размышления"...* Как в первом, так и во втором примерах пространственные зоны - это внутренняя жизнь индивидов, то есть через пространственные номинации как один из древнейших пластов лексики осуществляется прикосновение к самому для персонажей заветному, сокровенному, их событийному индивидуальному жизненному пространству. В данных ситуациях объективируется отношение, устанавливающееся между двумя уровнями познавательного опыта, которое можно назвать отношением структурного сопоставления, а порождаемый смысл – эти пространственные зоны являются отражением мироощущения, кругозора индивидуума. К категориальным признаковым пространствам концепта ОБЪЕКТНО-СОБЫТИЙНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО относятся также: «протяженность», «расстояние», «простор». *Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчаные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные, деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющом и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора.* В примере образуется максимально сложная пространственная структура, полоса пространств и событий, протянутая в бесконечность. Два уровня опыта познания взаимосвязаны причинно-следственным

отношением: базовая онтологическая категория «природное пространство» как сложнейшее многоярусное образование, к когнитивной характеристике которого относится перцептивная «насыщенность» (термин И.Н. Ивашкевича), является причиной рождения «беспредельной мысли», то есть целой системы представлений.

Рассмотрим те реляции, которые устанавливаются между физическими и психическими данностями в процессе приобретения познавательного опыта при влиянии картины мира, являющиеся базисом возникновения второй группы образов, в которых преобладает проявление нашей собственной природы, а также образы, благодаря которым индивид чувствует, что его Я определяемо чем-то более глубоким, чем природа и психика. Это – духовный опыт, который Вильям Джеймс, один из основоположников научной психологии, определяет как субъективный жизненный опыт встреч с высшей реальностью, чувство присутствия безграничной тайны в жизни человека, зависимость от невидимого порядка вещей (У. Джеймс). Специфическая особенность психической проекции характеризуется психологами феноменом вынесения, заключающимся в том, что психический образ изображает объект находящимся вне носителя изображения, чего нет при физическом изображении. Существует ряд перцептивных признаков, которые составляют когнитивную основу для перехода в область переживаний, то есть, как они с помощью реляций эксплицируются в восприятии. Концепт **ОБЪЕКТНО-СОБЫТИЙНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО** содержит также признаковый уровень, который характеризует предметы и явления со стороны времени. В следующей ситуации: *Какие избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт **прямой путь**, подобный пути, **ведущему к великолепной храмине**, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, **озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями**; но мимо его, в глухой темноте, текли люди. И сколько раз, уже наведенные нисходившим с небес **смыслом**, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в **непроходимые захолустья**, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добратся до **пропасти**, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: "Где **выход**, где дорога?"* языковой комбинаторикой 'искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносащие далеко в сторону дороги', 'прямой путь, ведущий к великолепной храмине', 'путь, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями', 'непроходимые захолустья', 'пропасти' и 'вечная истина', 'смысл', 'выход' вербализованы признаки категориальных пространств «необратимость физического времени» и «обратимость психологического», и это отношение «обратимость - необратимость» суть возникновение у человека иллюзии, что существует возможность обратить ход времени так же, как посредством обратной операции, по Ж. Пиаже, мысль может вернуться к начальному (исходному) моменту рассуждений. Для русского сознания характерен поиск вечной истины, иллюзии на этот счет, однако, так и остаются неосознанным и не

поддающимся произвольной коррекции явлением, а мечты - чем-то ложным, несбыточным, не оправдавшим надежд. Здесь также объективируется отношение противопоставления бесконечного и конечного: образ дороги изоморфен физическому жизненному пространству, путь - изоморфен жизненному пути человека как образ взлетов и падений. Еще один пример: *Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков..., но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки.* В данной ситуации категориальные пространства рассматриваемого слоя концепта «длительность, последовательность, включающие совокупность секунд, минут, часов, дней, недель, лет» и «связанность содержательного наполнения жизненного пространства с настоящим, прошлым и будущим» вербализованы лексемами 'предки', 'текущее поколение', 'потомки'. В рамках характеристики категории времени возможно рассмотрение такого отношения, как «раньше, чем» – «позже, чем». В физическом смысле время имеет следующие свойства: направленность, одномерность, относительность и др., в этом отношении используются такие глаголы: (время) длиться, измеряется, проходит; характеризуют время возникновение, становление, ход, течение. Применительно к психологическому времени метафора «течь» (в нашем примере 'текущее поколение') значит «от более раннего к настоящему, то есть «текущее» метафорически выражает отношение «от раннего к позднему» (ср. фразеологизмы «Годы текут», «Ваше время истекло» и др.) Для текущего поколения характерно удивляться ошибкам предков, заблуждаться и делать свои ошибки, над которыми будут смеяться последующие поколения. С. Л. Рубинштейн открыл в отношении связи сознания и деятельности принцип специфичности времени жизни людей: особенность в том, как конструируется «время - пространство» жизни сознанием. Здесь показывается имманентная личности темпоральная организация и «Я-переживания (такие, как мышление, чувствование, волнение) или психические переживания. Опыт дает психическое как некий несамостоятельный слой бытия людей, которые в основном слое своего бытия суть физические реальности [3, с. 310]. Психологи и философы утверждают (см. об этом А. Грюнбаум и др.), что переживание В может быть психологически позже, чем переживание А при условии: во-первых, содержание сознания-и-памяти, составляющее переживание А, является составной частью мемориального содержания переживания В или, во-вторых, переживание В содержит воспоминание о самом факте существования другого переживания А. Приведем пример: *Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно - непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком.* В данный момент обладание фактически большим количеством воспоминаний или большим количеством информации позволяет воспринимать эту информацию как истинную, то есть это тот момент времени, который является психологически более поздним. Это, на наш

взгляд, касается обобщений, основанных на анализе событий, переживаемых ранее. С помощью языковых комбинаций 'вновь съежиться', 'вести трудную жизнь', 'опуститься в грязь и низменную жизнь', 'быть осужденным на пресмыкание', 'нужда заставила' в примере: *Вновь съежился он, вновь принялся вести **трудную жизнь**, вновь ограничил себя во всем, вновь из чистоты и приличного положения **опустился в грязь и низменную жизнь**. И в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобретенным у нас гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями, **осужденным на пресмыкание в передних, грубости и прочее, но нужда заставила** решиться на всё* эксплицируются признаки категориального пространства «промежуток времени в истории, в жизни» (его, кстати говоря, Ю.М. Лотман в поэме определяет как неопределённое современное время) и «жизнь с ее наполненностью событиями», между которыми устанавливается отношение последовательности, которое Э. Райл, британский психотерапевт, основатель когнитивно-аналитической терапии, назвал процедурной последовательностью. Порождаемый смысл: индивидуум активно взаимодействует со своим окружением, оценивает это взаимодействие, формирует ориентиры и следует им в этих условиях, определяет свои возможности в достижении поставленных целей, выбор доступных средств и приведение в действие одного из них, оценку эффективности и последствий своих действий и подтверждение, пересмотр или отказ от своих целей и средств. Чаще всего события являются в жизненном пространстве средствами измерения времени.

Относительно концепта ОБЪЕКТНО-СОБЫТИЙНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО важно исследовать также такие совокупности образов, которые формируют континуумы, где предметы и явления характеризуются со стороны таких категорий, как форма и цвет. Так, у Гёте каждый цвет – это сгусток эмоциональной сущности, цвет для Гегеля — символ определенных идей, категорий, вечных начал. Основными реляциями между образами в двух категориальных пространствах: «качество цвета, выраженное в ощущении того или иного цвета» (по Бергсону) и «цвет как восприятие (психическое), цвет, отличающийся от белого и черного, символ силы, выразительности, жизни, иерархия гармонических взаимосвязей, продукт, вызывающий эмоции» являются реляции сходства. ... *посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и **темносерыми** или, лучше, дикими стенами, дом в роде тех, какие у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Сходство темно-серого цвета (в исследованиях гештальтпсихологов было показано, что в реальной жизни воспринимается, как правило, не чистый цвет, но соотношение цветов) с образом чего-то имеющего природный, добротный вид, что подтверждается употреблением далее в примере лексемы «дикий». *У подошвы этого возвышения, и частью по самому скату, темнели вдоль и поперек **серенькие** бревенчатые избы...; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени...* Сходство здесь определяется не по количественным при-*

знакам, а по качеству, внешнее восприятие проходит через рациональную рефлексию, при этом порождается смысл: безысходность, тупиковость, обреченность жизни, которая лишена «зелени», животворящей силы, цвета, который П. Флоренский называет первоцветом. Воспринимающий субъект видит мир и получает опыт, в том числе и духовный, не как неупорядоченный набор смутных образований, а как систему, состоящую из четких образов, что объясняется структурированностью восприятия, цвет при этом играет немаловажную роль. Еще один, третий, тип познавательного опыта – опыт, включающий нормы (например, в сфере морали, этики), приобретаемые в течение жизни отдельного индивида или всего человечества, рассмотренный нами также как формирующий слой концепта ОБЪЕКТНО-СОБЫТИЙНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, позволяет сделать некоторые выводы.

Итак, онтологическая релятивность – это корреляция между мыслительным и чувственным опытом, являющаяся основанием для расширения нашего познания, в основе которой находятся реляции, выступающие в роли медиаторов, абстрагированных от первичной функции, характеризующих взаимозависимость элементов концептуальной системы, и являющихся источником порождения смысла, проявляющегося в том, что при взаимодействии признаков категориальных пространств при оптимальном информационном обмене осуществляется преобразование информации, целенаправленная функциональная реализация, ее сохранение и развитие, а также синергетический переход на иной энергетический уровень, что можно сравнить с временным расширением сознания.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010.
2. Гибсон Дж. Восприятие как функция стимуляции. – [Электронный ресурс]: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1382.html>.
3. Гуссерль Э. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005.
4. Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Ружская А. Т. Восприятие и действие. – М.: Просвещение, 1967.
5. Ивашкевич И. Н. Лексическая категоризация // Когнитивные исследования языка. – М. – Тамбов, 2012. – Вып. X. Категоризация мира в языке. – С. 174 – 200.
6. Ирисханова О. К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. – М. – Тамбов, 2012. – Вып. XI. – С. 63 – 66.
7. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 2010.
8. Магировская О. В. Категориальная конфигурация знаний // Когнитивные исследования языка. – М. – Тамбов, 2012. – Вып. X. Категоризация мира в языке. – С. 121 – 151.
9. Мур Дж.Э. Природа моральной философии. – [Электронный ресурс]: <http://www.razym.ru/naukaobraz/psihfilosofiya/176096-mur-dzh-e-priroda-moralnoy-filosofii.html>.
10. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983.

Стереотипы о политиках в немецкой языковой картине мира

В статье раскрываются понятия «личность», «коммуникативная личность», «языковая картина мира», предпринимается попытка выявить взаимосвязь этих понятий, а также рассматривается влияние культуры на языковой коллектив и особенности политической культуры. Рассматриваются стереотипы в лингвистике, а именно стереотипы о личности политика в Германии, моделируется образ политика.

This article considers concepts “personality”, “communicative personality”, “linguistic picture of the world”, we try to interrelate these concepts; we also consider the influence of the culture on the linguistic collective and characteristics of political culture. We examine stereotypes in linguistics, namely stereotypes about personality of the politician in Germany, and we model the image of the politician.

Ключевые слова: личность, коммуникативная личность, культура, политическая культура, языковая картина мира, стереотип, политик.

Key words: personality, communicative personality, culture, political culture, linguistic picture of the world, stereotype, politician.

Общение в коллективе часто основывается на стереотипах, и большая часть стереотипов относится к профессиям, национальностям, социальной принадлежности. С помощью стереотипов мы обобщаем информацию об окружающих нас людях, упрощаем картину мира. В данной статье мы рассматриваем устойчивые представления о личностных качествах политиков, которые влияют на отношение к ним людей.

Задачей данной статьи является анализ личности политика в немецкой языковой картине мира. Для этого мы рассмотрим понятия личности, коммуникативной личности, связь культуры и личности, понятие стереотипа в сознании носителей языка и стереотипы о политиках в немецкой картине мира.

Прежде всего, обратимся к категории личности. По мнению Л. А. Сарadgeвой, категория личности свойственна всем типам культуры. «По отношению к культуре личность является исходной точкой: нет личности, которая не создавала хотя бы элементы культуры, как и нет личности, которая могла бы развиваться вне культуры» [12, с. 54]. В. И. Карасик вводит понятие коммуникативной личности, выделяя при этом ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия. Ценностный план содержит нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. Поведенческий план характеризуется специфическим набором характеристик речи. Познавательный план выявляется путем

анализа картины мира, свойственной коммуникативной личности. Картина мира включает понятия, идеи, концепты [5, с. 22 – 23]. Это степень освоения мира человеком через язык [5, с. 36]. Таким образом, картина мира – это осмысление мира личностью, которое также фиксируется в языке. Здесь можно говорить о языковой картине мира.

По мнению О. А. Корнилова, языковая картина мира всегда субъективна. Она фиксирует восприятие и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка. Из поколения в поколение дети познают мир специфическим языковым сознанием своего этноса [7, с. 15]. Язык человека является необходимым условием социальной наследуемости общечеловеческой культуры [7, с. 24]. По мнению Н. Н. Оломской, каждому обществу свойственна своя речевая культура, выработанная за века существования данного социума, а язык является средством передачи культурных ценностей [10, с. 32 – 33]. В. И. Карасик утверждает, что язык существует в языковом сознании – коллективном и индивидуальном и, соответственно, языковой коллектив и индивидуум являются носителями культуры в языке [5, с. 7]. В данной статье нас интересуют стереотипы о политиках и, следовательно, отражение картины мира в политической культуре. Политическая культура – продукт истории данной нации, сформированной важными событиями (такими как гражданская война, революция и т.д.) и человеческих характеристик, их ценностей, верований и перспектив [21, с. 1240]. Политическая культура состоит из субъективной стороны политики, ценностей, ориентации и поведения населения, включая политиков, в политике [17, с. 91].

Часто говорят о множественности языковых картин мира, т.к. у каждого человека свои представления о мире. Американский писатель и журналист Уолтерс Липпман вводит в связи с этим понятие «общественное мнение». Представления людей о себе, о других людях, об их потребностях, целях, отношениях – это общественное мнение [20, с. 29]. У. Липпман подчеркивает, что, исследуя общественное мнение, нужно обращать внимание на тройное взаимоотношение между сценой действия, человеческой картиной этой сцены и человеческим откликом на ту картину, работающую вне сцены действия. Он сравнивает это с постановкой, где актерам предложено играть на основе собственного опыта, где сюжет пересекается с реальными жизнями актеров [20, с. 16 – 17]. Он приводит и другой пример: если две страны атакуют друг друга и каждая думает, что действует в целях самообороны или два класса на войне, каждый из которых думает, что представляет общий интерес. Они живут в разных мирах, а если быть точнее, в одном мире, но они думают и чувствуют по-разному. Нужно понимать, что существует большое количество суверенных парламентов, каждый из них имеет свою иерархичную структуру с законодательными, исполнительными, административными органами. Но и это не отражает в полной мере всю сложность политической жизни. В каждом из

этих многочисленных органов власти есть партии, которые имеют свою иерархию с классами, секциями и т.д., внутри партий есть индивидуальные политики со своими страхами и надеждами [20, с. 20 – 21].

Таким образом, мы видим, что языковая картина мира у каждого человека своя, но она схожа у представителей одной нации, т.к. формируется в раннем детстве на основе мировосприятия предков. Картина мира тесно связана со стереотипами, существующими в определенной культуре.

Согласно определению Новейшего философского словаря социальный стереотип (греч. *stereos* – телесный, твердый, объемный, пространственный и *tyros* – отпечаток) – это «застывший» образ или представление о социальном объекте различных социальных субъектов, выражающие привычный способ восприятия, действия по отношению к данному объекту. Термин «социальный стереотип» введен У. Липманом в работе «Общественное мнение» (1922) для обозначения как форм общения, организованных по упрощенным (типизированным на уровне повседневной жизни) схемам, так и оснований выносимых социальными субъектами стандартных оценок представителям общественных, профессиональных, этнических групп.

Йорг Цинкен полагает, что стереотипы – это «строительные блоки» языковой картины мира. По его мнению, стереотипы не ограничены знанием и мнениями о членах социальных групп. Они рассматриваются как основной механизм организации знания о бытии (объектах, действиях, отношениях). Стереотипы организованы в аспекты [22, с. 7]. Организация стереотипа зависит от различных факторов, таких как точка зрения, система ценностей и т.д. Йорг Цинкен приводит аспекты, которые используются для объяснения народного стереотипа «Солнце» в польском языке [22, с. 118 – 120]: гипероним, совокупность, противопоставление, происхождение, внешний вид, характеристики, деятельность/ состояние/ процессы, действия, опыт, дополнительные/ своеобразные характеристики, адресат, объект действий, пространство и время, прогнозы, эквиваленты, символы.

Применим данные характеристики для объяснения стереотипов о политиках. Для формирования облика политика мы использовали словарные статьи [3; 4; 13; 15; 17; 19; 21], Основной Закон Федеративной республики Германии [18], а также мы опирались на мнения ученых-лингвистов Е. И. Шейгал, В. Е. Чернявской, А. Г. Алтуняна, Н. М. Ротановой, Л. А. Сараджевой, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой, С. Э. Кегеян, А. А. Вержбитовой, О. А. Корнилова, Н. И. Лавриновой, Н. Н. Оломской.

Определим содержание основных аспектов стереотипов о политиках, применяемых в статье.

Гипероним – как понимается объект, родовое понятие; политик – это человек, занимающийся государственной деятельностью, сведущий в политике, уполномоченный для сношений с иностранными правительствами.

Совокупность – с какими другими объектами объект появляется в пространстве и времени; политик появляется со своими сторонниками, единомышленниками.

Противопоставление – какие объекты ему противопоставлены; в данном случае можно говорить о политических противниках. По нашему мнению, отношения совокупность / противопоставление в политике можно выразить соотношением «свои – чужие» (Е. И. Шейгал, В. Е. Чернявская, Н. И. Лавринова, Н. М. Ротанова, О. С. Иссерс, М. Х. Рахимбергенова, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова). Н. М. Ротанова утверждает, что политик, создавая определенным подбором лексических средств языка смысл «я тебе свой», внедряется в сознание избирателя через представление людей о «своих»: своих не надо опасаться, они хотят нам добра, готовы оказать помощь и т.д. [11, с. 65]. Политик стремится завоевать внимание, вовлечь избирателя в обсуждение, продемонстрировать значимость. Одновременно он стремится к тому, чтобы возбудить недовольство и негативное отношение к «чужим», то есть к своим политическим противникам [2, с. 22]. Это достигается дискредитацией личных качеств и действий и дистанцированием. Высказывания связаны с выигрышной самопрезентацией кандидата и направленностью против политического оппонента. «Противника стремятся разоблачить, обвинить, осудить, опровергнуть его взгляды и обесценить действия» [2, с. 24]. Что касается лексики, то «свои» часто «маркируются возвышенной лексикой и приподнятой тональностью, в то время как для указания на «чужих» используется сниженная лексика и презрительно-саркастическая тональность» [16, с. 151].

Происхождение – откуда появился объект; политика (и, соответственно, политики) зародилась в Древней Греции, термин был введен Аристотелем, но существует мнение, что политика появилась, как только люди стали жить более крупными племенами, и усложнялась с совершенствованием общества.

Внешний вид – как выглядит объект; внешний вид для политика играет важную роль, т.к. это человек, часто появляющийся перед широкой аудиторией, поэтому он должен придерживаться строгого стиля одежды и прически, обладать тактом и искусством в обращении с людьми.

Характеристики – какой объект, не учитывая внешнего вида; политик характеризуется часто с негативной стороны: ловкий государственный деятель, не всегда прямой; скрытный, хитрый, умеющий все клонить к своей пользе; тонко и умело действующий в отношении с другими; человек внимательный, проворный, с быстрой реакцией, хорошо знающий психологию; человек глубокомысленный, непроницаемый, дальновидный и разумом своим объемлющий все возможные случаи.

Деятельность, состояния, процессы – что объект делает; занимается деятельностью в области внутригосударственного управления и международных отношений; представляет интересы общества.

Действия – какое влияние объект оказывает на другие вещи; как отмечает Н. И. Лавринова, основной функцией политического дискурса является воздействие на адресата [8, с. 122 – 123]. С помощью политического текста политик старается убедить аудиторию в правильности нарисованной картины мира и не только убедить, но и мобилизовать для поддержки именно той точки зрения, которая изложена [1, с. 9].

Опыт – через какие события/ переживания проходит объект; в Германии политик (депутат) должен достигнуть совершеннолетия, то есть 18 лет (Grundgesetz, Art. 38,2), а также должен иметь многолетний опыт профессиональной деятельности с подобной степенью ответственности.

Дополнительные/ своеобразные характеристики – важные элементы объекта, которые не так легко отнести к другому аспекту; основной целью политиков является борьба за власть и победителем становится тот политик, который является более «сильной языковой личностью», который лучше владеет стратегиями и тактиками речевой коммуникации и способен с их помощью смоделировать в сознании коллективной языковой личности определенную картину мира и повести его за собой [6, с. 9].

Адресат – как объект вовлечен в коммуникацию; адресатом чаще всего являются избиратели. Для привлечения внимания адресата используются различные языковые средства, создающие запоминающийся образ. По мнению В. Е. Чернявской, «язык есть один из инструментов социальной власти, власть осуществляется через язык, средствами языка» [14, с. 7]. Как отмечает Н. И. Лавринова, важнейшей задачей политики является воздействие на адресата с целью получения его голоса [8, с. 121]. Для побуждения адресата к совершению определенных действий, внедрения в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения используются приемы манипуляции [14, с. 19], различные стратегии и тактики для положительной самопрезентации [8, с. 121].

Объект действий – как регулируются действия по отношению к объекту; В Германии депутат обладает неприкосновенностью (не несет уголовной ответственности), обладает правом отказа от дачи свидетельских показаний и гарантией свободной парламентской деятельности (индемнитет) [17, с. 129]; не подчиняется никаким поручениям и указаниям, а во всех решениях руководствуется только своей совестью (Grundgesetz, Art. 38,1); получает ежемесячную оплату труда, деньги на правительственные расходы, а также должен выплачивать налоги [19].

Пространство и время – когда и где появляется объект; политики появляются на общественно-значимых событиях, форумах, представляют свою программу, позицию на телевидении и в других средствах массовой информации и т.д.

Прогнозы – что объект говорит о будущем; как мы уже говорили, задачей политика является собрать как можно больше голосов в свою поддержку, привлечь большее количество сторонников. Для этого даются обещания, согласно которым все вскоре наладится. А. Г. Алтунян, рассматривая политический текст, отмечает, что политик стремится убедить аудиторию в том, что нарисованная им картина мира верна, что проблемы народа будут решены наиболее эффективным образом и интересы народа будут защищены наилучшим образом именно в рамках той картины мира, которая нарисована автором [1, с. 9]. Как утверждает Е. И. Шейгал, хороший политик должен быть коммуникативным лидером. Она вводит понятие «энциклопедической компетенции», которая проявляется «в глубоком знании и понимании текущей политической ситуации, предшествующих процессов и исторического фона, а также в способности дать адекватное вербальное описание данной предметной области». Энциклопедическая компетенция политика подразумевает также высокий общекультурный уровень, который в речи проявляется в апелляциях к прецедентным текстам данной культуры [16, с. 110 – 111]. В этом заключается связь политика как коммуникативной личности и культуры определенного этноса.

Эквиваленты – какие другие объекты «работают» подобным образом; в данном случае мы считаем, что к эквивалентам можно отнести политические партии. Многие политики состоят в какой-либо партии, кроме того, у политика и у партии схожие функции, а именно, формирование общественного мнения и управление государством. В словаре Дудена приводятся такие задачи партий: содействие в формировании общественного мнения, углубление политического образования, активация граждан, выдвижение кандидатов, влияние на парламент и правительство, преследование политических целей, поддерживание связи между гражданами и государством [17, с. 107]. В Германии партии принимают на себя общественное назначение, выбирают политиков и руководят содержательной стороной политики и управления в коммунах и федеральных землях, в стране и в Европейском союзе [17, с. 112]. Политические партии влияют на постановку повестки дня, они управляют и контролируют правительство. Они руководствуются идеями, которые являются общими для членов партии [21, с. 1227]. Наиболее известное и старейшее определение дал Edmund Burke: «Партия – это группа людей, объединенных для продвижения их общими стараниями национальных интересов специфическими принципами, по которым они сходятся во взглядах» [21, с. 1264].

Символы – что символизирует объект и как он символизируется; политик символизирует власть в государстве.

Стереотипы о политиках можно представить следующей схемой.

Схема 1. Стереотипы о политиках

Итак, целью нашей статьи было представление стереотипов о политиках, выявление их связи с культурой народа, с языковой картиной мира. Подводя итоги, можно сказать, что существует огромное количество индивидуальных языковых картин мира, но языковая картина мира схожа у представителей одной нации, так как у них совпадают культурные ценности, у них общая история. Соответственно, в определенной культуре формируются стереотипы, которые отражают устойчивое мнение людей о ком-либо или о чем-либо, в данном случае стереотипы о политиках в немецком обществе.

Список литературы

1. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999.
2. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2011.
3. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/3845/политик>.
4. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – [Электронный ресурс]: <http://gallicismes.academic.ru/30447/политик>.

5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
6. Кегеян С. Э., Ворожбитова А. А. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма): монография. – Сочи, 2011.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.
9. Лавринова Н. И. Персуазивные стратегии и тактики в политическом интервью конфронтационного типа // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: Сб. науч. ст. / отв. ред. д-р филол. наук В. Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2007. – С. 121 – 132.
10. Новейший философский словарь. – [Электронный ресурс]: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1147/СОЦИАЛЬНЫЙ.
11. Оломская Н. Н. Прагматические и функциональные аспекты формирования дискурса PR (на материале исследований теледискурса, радиодискурса, компьютерного дискурса и рекламного дискурса): монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2011.
12. Ротанова Н. М. Речевые средства манипуляции в агитационных текстах (на материале предвыборной кампании в Курганской области) // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сб. мат-лов межрегиональной научно-практ. конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010.
13. Сараджева Л. А. Истоки формирования личностной категории в индоевропейской культурно-языковой традиции // Политический дискурс в России-7. Образы без лиц: Мат-лы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева и В. Г. Красильниковой. – М.: МАКС Пресс, 2004.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 1935 – 1940. – [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/954950>.
15. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006.
16. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – [Электронный ресурс]: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28540/ПОЛИТИК.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.
18. Duden. Basiswissen Schule. Politik. 2., aktualisierte Auflage / herausgegeben von Ralf Rytlewski und Carola Wuttke. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, Berlin: DUDEN PAETEC GmbH, 2008.
19. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – [Электронный ресурс]: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf>.
20. <http://wirtschaftslexikon.gabler.de/Definition/abgeordneter.html>
21. Lippman Walter. Public Opinion. – N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922.
22. The Encyclopedia of Political Science / George Thomas Kurian, editor-in-chief. – Washington: CQ Press, a division of SAGE, 2011.
23. Zinken Jörg. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin. – [Электронный ресурс]: <http://www.metaphorik.de/07/zinken.pdf>.

Концепт «счастье» в китайских пословицах и поговорках

В статье рассматривается содержание понятия «счастье» в китайской традиционной культуре, основанное на многовековых философских представлениях древнего народа и нашедшее выражение в многочисленных пословицах и поговорках, в которых экстраполируются понятия о пяти земных благах: долголетию, богатстве, здоровье, добродетели, естественной смерти, являющихся основными компонентами концепта «счастье» в китайской народной традиции.

The article discusses the concept of "happiness" in Chinese traditional culture, based on the old philosophical idea of an ancient people and has found expression in numerous proverbs and sayings, which extrapolates the concept of the five earthly goods: longevity, wealth, health, virtue, natural death, are major components of the concept of "happiness" in Chinese folk traditions.

Ключевые слова: счастье, пословица, поговорка, долголетие, богатство, здоровье, добродетель, естественная смерть, китайская традиционная культура.

Key words: happiness, proverbs, longevity, wealth, health, virtue, natural death, the Chinese traditional culture.

В концепте «счастье» отражаются ментальные представления этноса как о достижении гармонии между духовным и материальным, так и о смысле человеческой жизни вообще. Особенно ярко это проявляется в воззрениях современного Китая, отражающихся в общественно-политической, культурологической и философской литературе, когда предпринимаются попытки примирить безудержную погоню современных жителей Поднебесной за многомиллионными капиталами с духовным самосовершенствованием и достижением гармонии между материальными и духовными ценностями.

Если понятие «счастье» для русского человека представляет собой нечто абстрактное, расплывчатое, что выражается в большом количестве контекстуальных синонимов к этому слову в русском языке, которые фактически отстоят друг от друга на значительном семантическом расстоянии, в представлении китайцев понятие «счастье» имеет четкую сложившуюся структуру, представляющую собой комплекс понятий, взаимосвязанных и взаимозависимых. Они объединяются они общим философским осмыслением традиционного представления данного народа о счастье и имеют ясную понятийную структуру. Китайское представление о счастье связано с понятием о «пяти земных благах», к которым причисляются долголетие, богатство, здоровье, добродетель и естественная смерть [2]. Составляющие китайского «счастья» настолько очевидны и однозначны, что дают основа-

ния современным философам, культурологам и социологам говорить о допустимости и возможности измерения счастья человека.

Измерить счастье человека пытаются и западноевропейские ученые, однако их попытки связаны лишь с определением положительных эмоций человека, ассоциирующихся с такими понятиями, как радость, удовольствие, эйфория. Измерить удовольствие попытались ученые из университета Бёркбек в Лондоне, которые отобрали 80 добровольцев и фиксировали активность их головного мозга, пока те отвечали на различные вопросы. Исследователей интересовала реакция наиболее развитой части мозга – его префронтальной коры, которая непосредственно связана с лимбической (нервной) системой, отвечающей за эмоционально-мотивационное поведение человека. Все данные распределялись по 100-бальной шкале «+» и «-». В результате выяснилось, что наибольшую радость у испытуемых вызвала находка десятифунтовой банкноты (около 500 рублей), которая была оценена многими в 82,9 балла. Причем, мужчины радовались деньгам гораздо больше, чем представительницы слабого пола. Второе место заняли игры с детенышами животных – эти ощущения получили 67,5 балла. Третье место на положительной шкале – 65 пунктов – получил шоколад, а за ним фотографии улыбающихся малышей (50,9). Самую низкую позицию в минус 38,4 балла все участники единогласно отдали плачущим детям и изображениям гниющих зубов. Ужасная игра на скрипке тоже не вызывала приятных ощущений и набрала в итоге минус 55,7 балла [1].

Положительные эмоции, как утверждают ученые, являются предвестниками и необходимыми составляющими счастья, однако многогранное представление о счастье не исчерпывается их наличием. Отличия восприятия счастья жителями Европы и Китая ярко видно в комментариях к описанному эксперименту психолога-консультанта и телеведущей Функе Баффур: «Из-за постоянной занятости и спешки мы забываем о минутках радости или просто не замечаем их. Создав такую шкалу, ученые напомнили нам, что мы сами можем управлять эмоциями и поднимать себе настроение». Таким образом, в представлении европейцев счастье выглядит, большей частью, как «минуты радости», «удовольствие» и ассоциируется в их представлениях с положительными эмоциями. Англичане напутствуют друг друга перед каким-либо событием фразой «Enjoy your self!» (Наслаждайтесь!). Немцы довольно часто употребляют фразу «Viel Spass!», которая при прощании собеседников, один из которых намеревается посетить театр, выставку, ресторан или идет на встречу с друзьями, выражает желание радости и удовольствия от предстоящей встречи или события. Любое скучное мероприятие или однообразная, монотонная (рутинная) работа не приветствуется, что выражается во фразе «Das macht mir keinen Spass!» (Это не доставляет мне радости, удовольствия). Причем данная фраза настолько глубоко вошла в сознание немцев при вынесении ими оценки происходящих событий и собственной деятельности, что все действия, которые не вызывают удовольствия, рассматриваются как ненужные, лиш-

ние, на которые не следует тратить ни время, ни силы. Данная концепция оправдывает потребительское отношение к жизни и провозглашает удовольствие и наслаждение в качестве главных ценностей человеческой жизни, а такие черты характера, как усердие, настойчивость, трудолюбие, на протяжении веков характеризовавшие немецкий народный характер, уходят на периферию.

В китайской культурной традиции понятие счастья (幸福) выражается в многочисленных пословицах и поговорках, в которых запечатлен исторический опыт китайского народа, его оптимизм и пессимизм, его надежды на лучшую долю и определенное фаталистическое воззрение на феномен счастья, ибо в этой жизни небесами определено существование и предназначение каждого человека, жизнь которого протекает по определенному пути (дао). Этический идеал даосизма выражен в концепции у-вей (букв. – недеяние, бездействие). У-вей означает подчинение естественному процессу, гармонию с дао, отсутствие всякого действия, идущего вразрез с ним и приводящего к свободе и счастью. Цель поведения – уподобиться дао, которое не борется, но умеет побеждать; победоносное бездействие, остальное – суета сует.

Счастье в понимании китайцев – это умение довольствоваться и наслаждаться той жизнью, которой судьба наделила человека: 在生一日，胜死千年 *zaishengyiri, shengsiqiannian* (День жизни лучше, чем тысяча лет смерти). Стремление к счастью – естественное желание человека, утверждают китайцы: 人望幸福树望春。 *renwangxingfu, shuwangchun* (Человек стремится к счастью, как дерево стремится к весне). Трудолюбие, усердие считаются основными позитивными чертами личности во многих народных культурах. Китайцы умеют трудиться и характеризуются большой работоспособностью и целеустремленностью. Поэтому в их представлении счастье достигается усердием, трудолюбием, нелегким трудом: 真理从辩论中来，幸福从劳动中来。 *Zhen li cong bian lun zhong lai, xing fu cong lao dong zhong lai* (Истина рождается в дискуссии, счастье – в труде); 黄金从矿石中提炼，幸福从艰苦中取得。 *Huang jin cong kuang shi zhong ti lian, xing fu cong jian ku zhong qu de* (Золото добывается из руды, а счастье приобретается в муках);

从很小的时候将无法正常工作 – 在年老时会牢骚满腹的命运 (Смолodu не будешь работать – в старости будешь роптать на судьбу); 从很小的时候是不会在外地工作 – 在年老时将没有什么可抱怨的天空 (Смолodu не будешь работать в поле – в старости будешь зря роптать на небо).

В пословицах, однако, встречается и скептический взгляд на судьбу человека, который много и упорно трудится, но счастливым от этого не

становится: 有福之人不在忙 youfuzhirenbuzaimang (Если человек много работает, это еще не значит, что он станет счастливым). Счастливым может осознавать себя человек, который отличается высокими нравственными качествами, непритязательностью, отсутствием больших запросов в этой жизни, который, по сути, довольствуется малым и ценит то, чем располагает в настоящий момент, кто умеет ценить саму жизнь: 知足常乐 Zhi zu chang le (Если человек довольствуется своей жизнью, он будет счастливым); 需要有一个大的心 - 并没有一个大房间 (Нужно большое сердце – и не надо большой комнаты). Поэтому простому человеку не стоит роптать на судьбу, но стоит прислушиваться к гласу Небес: 顺天者昌 , 逆天者亡 shuntianzhechang, nitianzhewang (Если человек прислушивается к гласу небес, то жизнь его расцветает, а если нет – то жизнь его остановится).

Сосредоточенность на внутренней жизни, внутренний порядок, спокойствие и стабильность, что так всегда ценилось в Поднебесной, ассоциируются у китайцев со счастливой жизнью. Согласно даосизму, вселенная является источником гармонии, поэтому всё в мире, от растения до человека, прекрасно в своём естественном состоянии: 平安是福 pinganshifu (Спокойствие – это уже счастье); 惜福积福 xifujifu (Ценить счастье – значит, накопить еще больше счастья); 生在福中要知福 Sheng zai fu zhong yao zhi fu (Пришло счастье – цени его).

Китайцы убеждены, что счастливой жизни могут достичь те люди, которые ценят добродетель и культивируют в себе доброжелательное отношение к другим людям – человеколюбие (*жэнь*), что корреспондирует с воззрениями Мэн-Цзы (372 – 289 гг. до н. э.). Человек от природы добр, ему присущи четыре качества: сострадание, стыд, скромность, умение отличать истину от лжи. Недоброта человека противоестественно, она — следствие нужды и неразвитости. Человеколюбие (*жэнь*), справедливость (*и*), благонравие (*ли*) и знание (*чжи*), согласно Мэн-цзы, являются врожденными качествами человека: 和气致祥 heqizhixiang (Добрая душа приведёт к добру); 祸由恶作 , 福自德生 huoyouezuo, fuzidesheng (Зло – источник беды, а хорошие качества в человеке – источник счастья); 量大福也大 , 机深祸也深 liangdafuyeda, jishenhuoyeshen (У человека широкой души большие возможности стать счастливым, а тому, кто плетет интриги, чаще грозит беда); 欺人是祸 , 饶人是福 qirensihuo , raorenshifu (Обидеть другого – приведет к беде, а простить другого человека – это счастье); 吉人自有天相 jirenzhiyoutianxiang (Доброму человеку и небеса помогают); 为善最乐 weishanzuile (Будешь добрым, станешь счастливым);

积善人家，必有余福 jishanrenjia, biyouyufu (Семья, которая делает много добра другим людям, будет счастлива в последующих поколениях). Нравственное начало в таких поговорках связано с моизмом, который призывал в V – III веках до н.э. ко всеобщей любви. Если Конфуций проводил различие между любовью к семье и родителям и любовью к иным ближним, Моцзы призывал одинаково любить всех без различия.

Китайцы философски относятся к жизни, в пословицах запечатлено осознание того, что радость в этой жизни неизменно сменяется печалью, а за счастливыми следуют горестные дни. Данный взгляд вполне соотносится с китайской дуалистической философией и даосской картиной мира, поэтому в народных поговорках счастье и беда часто соседствуют: 福生有基，祸生有胎 fushengyouji, huoshengyoutai (И у счастья, и у беды – свои причины); 福祸相依 fuhuoxiangyi (Беда и счастье сменяют друг друга); 否极泰来 Pi ji tai lai (Зло закончится, добро начнётся); 旦夕祸福 Dan xi huo fu (Добро и зло меняются местами так быстро, как утро и вечер); 福无双至祸不单行 f u w u s h u a n g z h i h u o b u d a n x i n g (Счастье приходит одно, а беда одна никогда не придёт); 无祸便是福 Wu huo bian shi fu (Жизнь без печали – это уже счастье).

Крайности, экстремальные эмоциональные состояния для китайцев, в отличие от русских людей, не характерны. Все должно находиться в равновесии, гармонии, в противном случае радость легко может превратиться в горе: 乐极生悲 lejishengbei печаль (Беспредельная радость приводит к печали). Народная мудрость всегда поддерживает людей, переживших горе, ибо уже одним этим они заслужили своё право на счастье, что сродни русской поговорке *Не узнав горя, не узнаешь и радости*: 大难不死必有后福 dananbusibiyouhoufu (Тот, кто пережил большую беду, достоин счастья); 喝过黄连水，才知井水甜。 heguohuanglianshui, caizhijingshuitian (Кто перенёс горе, тот узнает счастье); 不知苦中苦，哪有甜中甜。 buzhikuzhongku, nayoutianzhongtian (Не испытывай горе горем, не ведать сладость сладостью).

Главным благом для человека является долголетие (长寿). Для китайцев долголетие занимает первое место в иерархии земных благ, что отражается и в пословицах: 人间五福，唯寿为先 renjianwufu, weishouweixian (На свете пять видов счастья, долголетие – первое из них); 人生七十古来稀 renshengqishigulaixi (Редко, когда человек до семидесяти лет доживет, а доживет – счастливым будет).

Символом долголетия в китайской культурной традиции считается

журавль – король всех пернатых существ на земле, птица-долгожитель. Во многих китайских легендах журавль также фигурирует как животное, которое переносит души умерших на небеса.

Китайская семья – большая и крепкая патриархальная общность, где старики пользуются вниманием, уважением и заботой. Причем, такое отношение к старшему поколению сохраняется и в настоящее время. В 2012 году в КНР принята новая редакция закона 1996 года о защите прав и интересов пожилых людей. Согласно этому закону молодые китайцы обязаны часто навещать пожилых родственников. При этом работодатель должен предоставить своим подчиненным время для таких посещений. В пословицах проявляется уважение к старшему поколению, которое рассматривается как драгоценный клад всей китайской нации, ее достояние: 家有一老，如有一宝 jiayouyilao, guoyouyibao (Если в семье есть старики, семья обладает сокровищами); 老将出马，一个顶俩 laojiangchuma, yigedingliang (Старый генерал что два молодых); 人老精，姜老辣 renlaojing, jianglaola (Человек как имбирь: чем старше, тем острее (мудрее)); 百善孝为先 baishanxiaoweixian (Почтение к родителям – первое человеческое качество (Без почтения к родителям другие качества бессмысленны)); 合家欢，老人安 hejiahuan, laogenan (В счастливой семье и старость спокойна).

Богатство (财富) занимает важное место среди компонентов, составляющих китайское представление о счастье. Богатство китайцы трактуют философски: это и материальное благосостояние, и духовное, интеллектуальное и культурное богатство. Одна из самых распространенных картинок на новогодних открытках в Китае – ребенок, держащий золотую рыбку и лотос, что означает богатство и гармонию. Часто маленькую золотую рыбку вышивают на одежде или на сумке для привлечения богатства, к тому же это популярный домашний питомец в Китае. Большое богатство – случайное явление, оно предопределено судьбой и волей Небес. Благосостояние же обычных людей напрямую зависит от их деятельности, целеустремленности и усердия: 生死有命.富贵在天 shengsiyoumingfuguizaitian (И смерть, и жизнь – все зависит от Небес, от судьбы, и богатство тоже); 大富由命，小富由勤 dafuyouming, xiaofuyouqin (Большое богатство зависит от судьбы, а маленькое богатство зависит от трудолюбия); 富贵本无根，尽从勤中得 fuguibenwugen, jincongqinzhongde (У богатства нет корней (богатый не всегда остается богатым), но богатство приобретается с помощью трудолюбия).

Китайцы ценят как материальные блага, так и духовные, все должно находиться в гармонии: 财是福之苗，钱是人之胆 caishifuzhimiao, qian-

shirenzhidan (Богатство – начало счастья, деньги делают человека смелым); 和气生财 heqishengcai (Богатство растет за счет доброй души); 遍地是黄金, 缺少有心人 biandishihuangjin, qieshaoyouxinren (Золото на земле рассыпано повсюду, только нам не хватает внимания его заметить). Богатство – слишком капризная вещь: оно может неожиданно свалиться на человека, и так же неожиданно исчезнуть: 荣华草上露, 富贵瓦上霜 ronghuacaoshanglu, fuguiwashangshuang (Богатство – как роса на траве, обеспеченность – как иней на черепице (быстро появляется и также быстро исчезает). Стяжательство, жадность причисляются к человеческим порокам, а умеренность и скромность – к добродетелям: 富攀富, 穷帮穷 furanfu, qiongbangqiong (Богатые дружат с богатыми, а бедные помогают бедным); 不贪财, 祸不来 butancai, huobulai (Бедя не придет к тому, кто не жаден до богатства).

Добродетель (美德) – одно из «пяти земных благ», выступает в качестве основных нравственных качеств китайского национального характера. Воспитанию положительных нравственных качеств человека, его готовности и способности сознательно и твердо следовать добру посвящали свои трактаты Конфуций и Лао-Цзы [6]. Добродетель («дэ») – это сложное понятие, включающее в себя такие компоненты, как "благодать", "качество", "дарование", "достоинство", "достояние", "доблесть", "моральная сила", "закономерность" [5]. Китайские философы древности проповедовали высокую нравственность и моральную чистоту, критиковали пороки, нацеливали подданных на добрые дела и поступки. Будучи сторонником ненасильственных методов правления, Конфуций призывал правителей, чиновников и подданных строить свои взаимоотношения на началах добродетели. Этот призыв, прежде всего, обращен к правящим, поскольку соблюдение ими требований добродетели играет решающую роль и предопределяет господство норм нравственности в поведении подданных. Отвергая насилие, Конфуций говорил: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа (подобна) ветру; мораль низкого человека (подобна) траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер» [3]. Регулирование политических отношений посредством норм добродетели в учении Конфуция резко противопоставляется управлению на основе законов. «Если, – подчеркивал он, – руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться (от наказаний) и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» [8]. Основная добродетель подданных состоит, согласно Конфуцию, в преданности правителю, в послушании и почтительности ко всем «старшим». Добродетель

в трактовке Конфуция – это обширный комплекс этико-правовых норм и принципов, в который входят правила ритуала (ли), человеколюбия (жэнь), заботы о людях (шу), почтительного отношения к родителям (сяо), преданности правителю (чжун), долга (и) и т. д. Эта нормативная целостность, включающая в себя все основные формы социально-политического регулирования того времени, за исключением норм позитивного закона (фа), представляет собой единство моральных и правовых явлений. Многовековое воспитание подданных в духе конфуцианства, ставшего официальной идеологией и государственной религией во II в. до н.э., отразилось на формировании традиционных этических ценностей китайского народа. Важность воспитания душевных качеств в молодом поколении подчеркивается в следующей пословице: 但存方寸地 , 留与子孙耕 dancunfangcundi, liuyuzisungeng (Воспитать в детях хорошие душевные качества лучше, чем дать им землю). Мудрость, рассудительность, принципиальность – основные качества личности на пути к добрым делам и поступкам: 君子一言 , 驷马难追 junziyiyan, simanazhui (Настоящий человек не бросает своих слов на ветер); 宁为玉碎 , 不为瓦全 ninweiyusui, buweiwaquan (Разбитый нефрит лучше целой черепицы). Здесь имеется в виду метафорическое значение: человек до смерти может отстаивать свои принципы, быть крепким, как нефрит, только настоящий человек достоин нефрита; 不要做你不想为自己给别人 (Не делайте другим того, чего не хотите для себя).

Китайцы ценят трудолюбие, умеренность, скромность и кротость: 谦虚增强信心 (Скромность вселяет доверие); 结果最多的树枝垂得最低 jieguozuidideshuzhichuidezuidi (Чем тяжелее плод, тем ниже ветви склоняются к земле; чем успешнее человек, тем ниже он пригибается к земле); 俭是聚宝盆 , 勤是摇钱树 jianshijubaopen, qinshiyaoqianshu (Скромность – полный таз драгоценностей, трудолюбие – денежное дерево); 勤能补拙 , 俭可养廉 qinnengbuzhuo, jiankeyanglian (У каждого есть свои недостатки, однако, трудолюбие помогает эти недостатки затушевать, скромный человек не станет бесчестным); 桃李不言 , 下自成蹊 taolibuyan, xiazichengxi (Персик и слива – молчаливы, но они настолько прекрасны, что люди проложили дорожку, чтобы проходить мимо и любоваться этими деревьями. В значении: Молчаливый человек и слова не скажет, а люди уважают его за хорошие качества).

Большое место в китайских пословицах и поговорках отводится дружбе между людьми. Верность, дружелюбие, умение и готовность прийти на помощь другому человеку в нужную минуту выступают в качестве основных человеческих качеств и нравственных принципов, реализуемых

в повседневной жизни китайского народа: 树要直 , 人要实 shuyaozhi, ren-yaoshi (Прямое дерево – хорошее дерево, верный человек – хороший человек); 出门靠朋友 chu men kaoreng you (В семье тебе родители помогут, а в дороге – друзья).

Следование в жизни даосскому принципу: я прихожу кому-нибудь на помощь лишь потому, что должен так поступить, а не для того, чтобы выставить себя в благоприятном свете или извлечь из этого какую-либо выгоду, выражается в пословице 君子施恩不望报 junzishienbuwangbao (Настоящий человек помогает другим, не рассчитывая на вознаграждение).

Многие китайские пословицы о дружбе в плане трансляции традиционных этических ценностей напоминают русские пословицы и поговорки, что свидетельствует о широком распространении общечеловеческих ценностей в традиционных культурах всего мира: 茶越泡越浓 , 人情越交越厚 chaуераоуенонг, renqingyuejiaоуенонг (Чем дольше чай настаивается, тем крепче он становится, чем дольше люди дружат, тем крепче их отношения. Ср. рус.: *Доброе братство дороже всякого богатства*); 单者易折 , 众者难催 danzheyizhe, zhongzhenancui (Одного сломать – просто, а многих – невозможно. Ср. рус.: *Веника не переломишь, а по пруту весь веник переломаешь*); 孤柴难烧 , 孤人难熬 guchainanshao, gurennaо (Одно полено трудно зажечь, в одиночестве трудно жить. Ср. рус.: *В одиночку жить – сердце зябнет*); 路遥知马力, 日久见人心 luyaozhimali, rijiu-jianrenxin (Чем длиннее путь, тем лучше конь, чем дольше дружба, тем лучше друг. Ср. рус.: *Старый друг лучше новых двух*); 千金易得 , 知音难求 qianjiyide, zhiyinnaoqi (Тысячу килограммов золота проще получить, чем найти задушевного друга. Ср. рус.: *Сердечный друг не родится вдруг*); 人多力量大 , 柴多火焰高 renduoliliangda, chaiduohuoyangao (Чем больше людей, тем мы сильнее; чем больше дров, тем выше пламя. Ср. рус.: *В одиночку не одолеешь и кочку, артелью и через горы в пору*); 多个人 , 多个胆 duogeren, duogedan (Чем больше нас, тем мы сильнее. Ср. рус.: *В одиночку – слабы, вместе – сильны*); 人心齐 , 泰山移 renxinqi, taishanyi (Если у всех есть одна мечта, тогда и Тайшан можно сдвинуть. Ср. рус.: *Один и камень не сдвинешь, а артельно и гору поднимаешь*); 危难见人心 weinanjianrenxin (Трудные времена проверяют верных друзей. Ср. рус.: *Друзья познаются в беде*).

Счастлив может быть только здоровый человек. Здоровью (健康) как одному из земных благ, составляющих человеческое счастье, посвящено множество китайских пословиц. Здоровье как жизненная ценность – доро-

же золота: 身安抵万金 shenandiwanjin (Здоровье стоит тысячи килограммов золота. Ср. рус.: *Здоровье не купишь*). Недаром человека здорового, не подверженного болезням и хвори, сравнивают со святым: 无病即神仙 wubing-jishenxian (Если у человека нет болезни, он счастлив как святой). Своим здоровьем надо заниматься с молодости, чтобы оставаться здоровым и в старости: 年轻勤锻炼, 老来身体健 nianqingduoduanlian, laolaishentijian (Будешь тренироваться в молодости, останешься в старости здоровым).

Печаль, кручина всегда порицались как в восточной философии, так и в христианской морали. Такое же отношение прослеживается и в китайских пословицах: 愁一愁, 白了头; 笑一笑, 十年少 chouyichou, bailitou; xiaoyuixiao, shinianshao (Тот, кто грустит, раньше седеет, а тот, кто улыбается, выглядит моложе на десять лет); 食多伤胃, 愁多伤身 shiduoshangwei, chouduoshangshen (Много есть – вредно для желудка, много грусти – вредно для здоровья); 心里痛快百病消 xilitongkuaibaibingxiao (Если в душе нет печали, то и болезнь не придет). Как известно, 年纪不饶人 nianjiburaoren (Возраст оставляет свой след на лице человека). Человек с доброй душой, совершающий добрые поступки, чье поведение отвечает канонам религиозной добродетели, вознаграждается судьбой по-особому: 心宽出少年 xinkuanchushaonian (Добродушный человек выглядит моложе).

Наконец, пятым компонентом счастливой земной жизни человека выступает его естественная смерть (自然死亡). Человек счастлив, когда умирает естественной смертью, прожив долгую жизнь, в довольстве и благополучии, совершив добродетельные деяния и поступки и оставив после себя добрую память в своих потомках. Естественная смерть – закономерное завершение человеческой жизни, которая неизбежна, и китайцы относятся к ней философски как к естественному ходу вещей: 长江从来没有弹回, 人将永远无法恢复他的青春 (Янцзы никогда не повернет вспять, человек никогда не вернет молодости); 人生百岁, 终须一死 renshengbaisui, zhongxuyisi (Смерть – конец жизни, хотя и в сто лет); 之后死亡的人留下了姓名和豹 - 皮肤。 (Человек после смерти оставляет имя, а леопард – шкуру).

В современном Китае ощущение счастья для населения приобретает все большую значимость, все больше и больше людей осознают, что счастье – это высшая ценность и конечная цель всякой человеческой деятельности. Начиная с 2011 года, Коммунистическая партия Китая поставила перед местными органами управления важную задачу – повысить уровень «ощущения счастья» у народа. По сообщению журнала «Китай», проведенные исследования по теме «Индекс счастья в Китае» включали пять ос-

новых аспектов, таких как степень удовлетворенности своим физическим и духовным состоянием, семейной жизнью, социальным статусом, качеством жизни и социальной обстановкой. Среди факторов, в первую очередь влияющих на ощущение счастья народа, первые три места заняли доход, здоровье и брак. Свыше половины (50,9%) опрошенных чувствуют себя «счастливыми»; 9,7% опрошенных считают себя «очень счастливыми» людьми; 23,5% затруднились с ответом, и лишь 15,9% респондентов отнесли себя к числу людей, которые чувствуют себя «не очень счастливыми» или «очень несчастными». Шестеро из десяти (60,6%) опрошенных выражали чувство счастья, это на 0,4 % больше, чем в 2011 году. Для сравнения, лишь 13,3% опрошенных заявили, что испытали счастье в 2012 году в гораздо меньшей степени, чем в году предыдущем [7].

Насколько счастливым ощущает себя китайский народ по сравнению с народами других стран? Как сообщается в докладе о всемирном ощущении счастья, обнародованном международной исследовательской структурой GallupInternational, в первом полугодии 2012 года более 50% жителей 17 стран мира чувствовали себя счастливыми, в частности, ощущение счастья почти повсеместно испытывали жители Дании – 74%; еще в 26 странах лишь меньше одной десятой населения относят себя к числу счастливых людей [7].

Список литературы

1. Британские ученые выяснили, что доставляет людям наибольшее удовольствие. – [Электронный ресурс]: http://www.itar-tass.com/c11/627018_print.html
2. Вернер Э. Мифы и легенды Китая. – М: Центрполиграф, 2005.
3. История китайской философии / пер. с кит. М. Л. Титаренко. – М.: Прогресс, 1989.
4. Китайцев обязали навещать пожилых родственников. – [Электронный ресурс]: Lenta.ru: Новости: <http://lenta.ru/news/2012/12/29/eldery/>
5. Кобзев А. Добродетель. Китайская философия. Энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс]: http://slovare.coolreferat.com/словарь/словарь=Китайская_философия._Энциклопедический_словарь.__слово=Добродетель
6. Новая философская энциклопедия. Добродетель. – [Электронный ресурс]: <http://iph.gas.ru/elib/0994.html>
7. Счастливы ли вы? // Китай. – 2013. – № 1. – [Электронный ресурс]: http://www.kitaichina.com/se/txt/2013-01/17/content_513087.htm
8. Философия: учебник для вузов / под ред. проф. Л. А. Никитич. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2002.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81. 42

Щелчкова Е. Б.

Стратегии коммуникативного поведения американцев в ситуации «Принятие приглашения»

В статье рассматриваются стратегии коммуникативного поведения американцев в ситуации «Принятие приглашения». На основе результатов эмпирического исследования выделяются особенности организации дискурса: оценивается значение использованных реплик, степень их экспрессивности, а также длина ответа. Выделенные особенности объясняются с позиции теории вежливости.

This paper deals with the communication strategies Americans use to accept an invitation. Based on the results of an empirical research it identifies the key features of discourse, examines the meaning and expressiveness of the sentences used, as well as the length of the responses. Politeness theory can give an explanation to these features.

Ключевые слова: коммуникативная культура, принятие приглашения, позитивное лицо, негативное лицо, улучшение лица, позитивная вежливость, коммуникативные стратегии.

Key words: communicative culture, to accept an invitation, positive face, negative face, to enhance the face, positive politeness, communication strategies.

Сегодня, в условиях активизации межкультурных контактов, в связи с возросшей необходимостью достижения взаимопонимания в диалоге культур, интерес общества к «самой важной способности человека – общению, или коммуникации, в ее самой сложной разновидности – межкультурной» [4, с. 10], как никогда высок. Является общепризнанным, что для успешного межкультурного общения только лингвистических знаний не достаточно. Как справедливо отмечает Т. В. Ларина, «основная трудность, с которой мы сталкиваемся в межкультурном общении, заключается не в том, что люди говорят на разных языках, а в том, что они пользуются языком по-разному: в однотипных ситуациях общения часто совершают разные коммуникативные действия, руководствуясь различными стратегиями и используя для их реализации различные языковые средства» [1, с. 259]. Не вызывает сомнения, что при общении с представителями других лингвокультур необходимо обладать не только языковой, но и культурной, а также дискурсной компетенцией. Последняя предполагает знание основных коммуникативных стратегий, типичных для этих лингвокультур в различных коммуникативных контекстах и ситуациях, а также умение различать и использовать их в процессе общения.

В данной статье представлен анализ стратегий коммуникативного поведения американцев в ситуации «Принятие приглашения». В основу анализа положены данные эмпирического исследования, проведенного в виде анкетирования среди американских информантов, в котором приняло участие 126 человек. Эксперимент проводился в формате моделирования диалогического дискурса (Dialogue Production Task): информантам было предложено воссоздать диалоги таким образом, какой, по их мнению, является наиболее естественным и адекватным в каждой из вербально описанных ситуаций общения. Было предложено 5 коммуникативных ситуаций:

1. «You are inviting a close friend of yours to your place to dinner».
2. «A new neighbor has just moved in and s/he is inviting you to a dinner party s/he is arranging for the neighborhood».
3. «Your Mother (Granny) is inviting you round to dinner».
4. «You've just won the Sales Person of the Year prize and are throwing a dinner party to celebrate it. You're inviting your boss to this party».
5. «Your boss is inviting you to his/her place to celebrate his/her anniversary».

Предложенные ситуации характеризуются тождеством иллокутивной цели (приглашение), но отличаются ролевыми отношениями между коммуникантами, наличием между ними социально-психологической (горизонтальной) и/или статусной (вертикальной) дистанции. Так, в ситуации 1 общение проходит в условиях социально-психологической и статусной симметрии между коммуникантами. В ситуации 2 коммуникантов разделяет социально-психологическая (горизонтальная) дистанция, т. к. они не знакомы. В ситуации 3 между собеседниками существует статусная (вертикальная) дистанция, т. к. у них разный возраст. В ситуациях 4 и 5 представлено общение в деловой, профессиональной сфере между коммуникантами, разделенными статусной (начальник – подчиненный) и социально-психологической дистанцией. Наличие горизонтальной дистанции в последних ситуациях детерминировано индивидуальными особенностями отношений с руководством каждого из информантов.

В данной статье мы приводим основные результаты анализа особенностей принятия приглашения в вышеуказанных ситуациях.

Приступая к эмпирическому исследованию, мы исходили из того, что в случае принятия приглашения, как и в случае отказа, говорящий апеллирует к «позитивному лицу» приглашающего. П. Браун и С. Левинсон, вслед за Э. Гоффманом [7], определяют лицо как своеобразный социальный имидж («public self-image»), в сохранении которого заинтересован каждый член общества [5, p. 66; 6, p. 61]. Они предлагают различать «негативное лицо» («Negative Face») и «позитивное лицо» («Positive Face»). Под негативным лицом понимается желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других («the want to have his freedom of action unhindered») [6, p. 129], то

есть «желание быть независимым»; под позитивным – «желание быть желанным» другими («the want of every member that his wants be desirable to at least some others») [6, p. 62]. Согласно П. Браун и С. Левинсону, «лицо может быть потеряно, сохранено, улучшено» («Face can be lost, maintained, enhanced») [6, p. 61]. Отказ наносит урон «позитивному лицу» адресата, тогда как согласие, наоборот, улучшает его. В обоих случаях, как для сохранения, так и для улучшения «позитивного лица» собеседника, говорящий использует стратегии так называемой «позитивной вежливости» («Positive politeness» по П. Браун и С. Левинсону), или вежливости сближения в терминах Т. В. Лариной [2, с. 161], направленные на установление и поддержание контакта, сокращение интерперсональной дистанции, оказание собеседнику коммуникативной поддержки, демонстрацию внимания и интереса к нему, достижение взаимопонимания и согласия с ним.

При анализе полученного материала мы обращали внимание на значение употребленных реплик, их лексико-синтаксическую структуру, степень экспрессивности и количество, то есть длину ответа. Предлагаем некоторые из наиболее интересных наблюдений.

Наиболее часто при выражении согласия в нашем исследовании использовались элементы со следующим семантическим значением:

- выражение эмоционального отношения к факту приглашения (59%);
- выражение согласия (55%);
- обещание прийти (заверение) (16%);
- благодарность за приглашение (15%).

Семантическое ядро ответов американских информантов составили реплики, выражающие эмоциональное отношение говорящего к факту приглашения, а также согласие.

Положительное эмоциональное отношение к факту приглашения в нашем материале выразили в среднем 59% информантов. Интересно, что частотность выражения эмоционального отношения обусловлена степенью близости между коммуникантами – чем дистантнее отношения, тем большее количество информантов сопровождает свой ответ экспрессивной оценкой. Наиболее часто ответы сопровождались положительными оценочными репликами в ситуации общения с новым соседом (83%), т.е. при наибольшей социально-психологической дистанции. В ответ на приглашение начальника экспрессивную оценку выразили 73% информантов, в ответ на приглашение подчиненного – 70%. При близких отношениях эмоционально-экспрессивная оценка выражалась значительно реже. При общении с другом положительная экспрессивная реакция сопровождала ответы 43% информантов, при общении с мамой (бабушкой) - 26%.

Для выражения положительной реакции на приглашение информантами были использованы личные и безличные модели с сильными экспрессивными элементами: *I'd love to!* / *That would be great!* / *That sounds nice!* / *Sounds lovely!* («С удовольствием!» / «Это было бы превосходно!» / «Звучит прекрасно!» / «Звучит прелестно!») и др. Частотность употребления

личных и безличных моделей не одинакова – в одних коммуникативных ситуациях предпочтение отдавалось личным моделям, тогда как в других преобладали безличные. Так, в бытовом общении (ситуации 1-3) наблюдалось преобладание безличных моделей. При этом в ответах на приглашение нового соседа, а также мамы (бабушки) разница в частотности употребления безличных и личных моделей незначительна (47% против 36% и 15% против 11% соответственно). В ответ на приглашение друга безличные модели использовали 37% информантов (*That sounds great! / Cool! / Sweet! / Awesome!*), тогда как личные – только 6% (*I would love to attend / I'd be happy to come*).

В ситуациях делового общения (4 и 5), напротив, большинство информантов сделали выбор в пользу личных высказываний: при принятии приглашения подчиненного 45% информантов использовали личные модели (*I'd be happy to come! / I'd be honored to come!*), тогда как безличные – 25% (*It would be my pleasure / Great*); в ответах на приглашение начальника соотношение личных и безличных высказываний составило 40% против 33%.

Интересно, что в ситуациях бытового общения для выражения положительной реакции на приглашение из личных моделей наиболее часто употреблялось *I'd love to*. Что касается безличных моделей, то наибольшим разнообразием и экспрессией они отличались в ситуации общения с новым соседом, т.е. в условиях дистантных отношений между коммуникантами: *How nice! / That sounds great! / That would be wonderful! / That's a great idea! / That's awesome! / That sounds terrific! / Sweet!* и пр.

В профессиональной коммуникации при выражении оценки выбор информантов отличался бóльшим разнообразием. Это касается как личных (*I'd be happy to come! / I'd be delighted to attend! / Look forward to celebrate your achievements! / I'd be honored to come!*), так и безличных моделей (*Sounds fun! / It would be my pleasure / Great / That would be swell*). Используемые модели свидетельствуют о том, что американские коммуниканты прибегают к более высокому уровню вежливости при общении с людьми, с которыми их разделяет социально-психологическая и/или статусная дистанция. В таких ситуациях выбор делается в пользу более экспрессивной лексики, которая должна произвести сильный коммуникативный эффект и звучать, с точки зрения американского коммуниканта, искренне и убедительно. Для этой же цели американцы используют в речи оценочные высказывания с интенсификаторами, которые подчеркивают, насколько приятно говорящему было получить приглашение: *That would be really nice / I would very much enjoy coming! I will be more than pleased*. При общении с близкими людьми американцы, наоборот, как правило, употребляют традиционные, формальные фразы (*I'd love to*).

На втором месте по частоте использования находятся реплики, выражающие согласие. В нашем материале, принимая приглашение, прямое согласие выразили в среднем более половины американских информантов

(55%). Наиболее часто встречались такие модели, как *Sure / Alright / OK / Yes! (Yea!)* Согласно нашему материалу, наиболее конвенциональной формой выражения согласия оказалось *Sure (Конечно)*, обладающее большей силой, звучащее более убедительно по сравнению с прочими лексическими единицами (ср. «Ты придешь? – Да / Хорошо» и «Ты придешь? – Конечно!»). В большинстве проанализированных нами ситуаций общения информанты при выражении согласия предпочитали именно эту модель. В ситуации общения с другом соотношение частоты использования *Sure* и прочих моделей (*Alright / OK / Yes! / Yea!*) составило 48% против 28%, при общении с новым соседом – 29% против 22%, при выражении согласия в ответ на приглашение подчиненного – 17% против 10%, начальника – 22% против 8%. Только в ситуации 3, при общении с мамой (бабушкой) информанты реже использовали *Sure* по сравнению с прочими моделями – 28% и 47% соответственно.

Мы обратили внимание на возраст информантов, использовавших *Sure* в своих ответах, предположив, что данная речевая модель, возможно, окажется более характерной для общения американцев определенной возрастной группы, а именно молодежи. Однако наш материал опроверг данное предположение: в ситуации 2 возраст таких информантов колебался в диапазоне от 19 до 69 лет.

Прямое согласие значительно чаще выражалось при близких отношениях между коммуникантами, чем при дистантных. Так, при общении с мамой (бабушкой) и другом прямое согласие выразили 82% и 77% информантов соответственно (*Would you like to come over to dinner? – Sure! That would be great!*)(доктор наук, 45 лет – в ответ на приглашение подруги). Для сравнения, прямым согласием на приглашение нового соседа ответили 51% информантов, на приглашение подчиненного и начальника – 29% и 34% соответственно.

В среднем каждый шестой информант в ответ на приглашение счел необходимым использовать реплики, содержащие обещание прийти (заверение), например: *I'll be there / Count me in / Definitely / Totally! / I'll be over soon!* и пр. К таким репликам, на наш взгляд, можно отнести *Sure (Конечно)* в том случае, если оно не употребляется самостоятельно, а сопровождает прямое согласие: *Ok, sure / Yes, sure* (наиболее часто такая комбинация встречалась в ответах на приглашение друга). Чаще всего обещание прийти (заверение) сопровождало ответы на приглашение нового соседа, а также мамы (бабушки) – по 20%. Несколько реже – приглашение подчиненного (16%). Реже всего данный элемент был востребован при принятии приглашения друга и начальника (12% и 13% соответственно). Наибольшим разнообразием речевые формулы, содержащие данный семантический элемент, отличались в ситуации общения с новым соседом: *I'll be sure to come by / Definitely / Absolutely / I will be coming / I'll totally be there / Sure I'll join you / I'm there* и пр.

Интересно, что реплика, выражающая благодарность, не составила основу ответов американских информантов. Принимая приглашение, благодарность выразили в среднем 15% респондентов. Частотность употребления благодарственных реплик, как и реплик, выражающих отношение, обусловлена существованием дистанции между коммуникантами, т.е. степенью близости между ними. В нашем материале информанты крайне редко благодарили за приглашение близких им людей. Так, благодарность за приглашение друга выразили 6% информантов, приглашение родственника (мамы/бабушки) – менее 1%. 17% информантов поблагодарили за приглашение своего подчиненного. По 25% информантов сочли необходимым поблагодарить нового соседа и начальника. При этом, выражая благодарность начальнику, 2 информанта использовали формулу благодарности с интенсификатором: *Thank you very much / Thank you so much*.

Среди элементов, периферийно присутствовавших в ответах информантов, следует отметить реплики, выражающие возможность говорящего принять приглашение, например: *I can come / I can make it*. Данный элемент встретился в ответах 4% информантов в ситуациях 2, 4 и 5, а также 2,4% информантов в ситуации 3.

Нельзя не отметить особенности выражения согласия, связанные с длиной ответа. Так, в нашем исследовании, принимая приглашение, американские коммуниканты употребляли, как правило, от 1 до 4 взаимосвязанных реплик. При этом наибольшее число информантов употребили в своем ответе 2 реплики (47%). Односложным ответом ограничились в среднем 16% информантов. Наиболее часто односложный ответ встречался при принятии приглашения мамы (бабушки) и подчиненного (по 25%), реже – при принятии приглашения друга и начальника (по 13%). Лишь 3% информантов сочли допустимым ответить односложно на приглашение нового соседа. В среднем 23% информантов использовали в своих ответах 3 реплики. При этом в ситуации общения с новым соседом ответы, состоящие из 3 реплик, встречались в среднем в 2 раза чаще, чем в остальных ситуациях (42%). В этой ситуации также наиболее часто встречались и ответы, состоящие из 4 и более реплик (7%), например: «*That sounds great! Thank you for inviting me! I'm looking forward to meeting your family, too! Can I bring anything? How about some (chips, iced tea, brownies)?*» (студентка, 25 лет). В среднем из 4 и более реплик состояли ответы 3% информантов.

В ответах, состоящих из одной реплики (16%), выразалось:

согласия: *Yes / Sure*

эмоциональное отношение: *I'd love to! / Sounds like fun!*

обещание прийти (заверение): *I'll be there / Count me in*

В ответах из двух реплик (47%) наиболее часто встречались следующие комбинации:

согласие + выражение эмоционального отношения: *Sure, sounds great!*

согласие + уточнение времени: *Sure! What time?*

согласие + уточнение, нужно ли принести что-нибудь с собой: *Sure! Can I bring anything?*

согласие + обещание прийти (заверение): *Sure, I'll definitely be there!*

В ответах из трех реплик (23%) наиболее часто встречались следующие комбинации:

согласие + выражение эмоционального отношения + уточнение, нужно ли принести что-нибудь с собой: *Sure, I'd love to. Want me to bring anything?*

согласие + благодарность + выражение эмоционального отношения: *Sure, thanks, sounds awesome!*

выражение эмоционального отношения + уточнение времени + уточнение, нужно ли принести что-нибудь с собой: *I'd love to. What time and what can I bring?*

В целом обращает на себя внимание большая вариативность комбинаций формул принятия приглашения, что осложняет выделение наиболее конвенциональных комбинаций.

Отмеченные особенности составляют основу коммуникативного поведения американцев в ситуации «принятие приглашения», национально-культурная специфика которого объективируется при сравнительном анализе с коммуникативным поведением представителей других лингвокультур.

Сравнение результатов нашего исследования с результатами исследования стратегий коммуникативного поведения русских в той же ситуации общения, проведенного Т. В. Лариной (см. [1; 2]), позволяет выделить ряд важных отличий. Принимая приглашение, русские коммуниканты используют реплики с тем же семантическим значением, что и американцы, а именно: выражение отношения, согласие прийти, обещание прийти (заверение), благодарность. Тем не менее, в отношении предпочтений, отдаваемых той или иной реплике, а также экспрессивности и длины ответов русских и американцев наблюдаются существенные различия, указывающие на то, что в одной и той же коммуникативной ситуации русские и американцы используют различные коммуникативные стратегии. Если семантическим ядром ответов американских информантов являются реплики, содержащие положительную реакцию на приглашение, то в ответах русских коммуникантов семантическим ядром является обещание прийти (заверение): *Обязательно / Конечно (приду)*. Реплики, содержащие оценку, присутствуют в ответах русских коммуникантов в меньшем количестве, они не столь разнообразны и экспрессивны, как американские: *Я буду очень рад(а) / С радостью / С удовольствием / Отлично*. Русскими также часто дается прямое согласие, которое может выступать как самостоятельный ответ на приглашение: *Хорошо / Ладно (приду) / ОК*. Как американские, так и русские информанты в своих ответах использовали от одной до трех реплик. Однако почти 50% русских информантов ограничились только одной репликой – чаще всего это было согласие. Несколько реже русскими использовались 2 реплики. Три реплики использовались очень

редко. Очевидно, что ответы американских коммуникантов в большей степени ориентированы на выражение своего отношения к полученному приглашению. Таким образом американцы проявляют внимание к собеседнику, демонстрируют заинтересованность в нем, его компании, подчеркивают его значимость, важность. Их ответы более экспрессивны и эмотивны, они также длиннее, чем ответы русских. Русские, в свою очередь, принимая приглашение, делают акцент на информативность, т.е. сообщают приглашающему о том, придут они или нет, отвечают, как правило, кратко. Можно предположить, что русский коммуникант, принимая приглашение американского собеседника, действуя в соответствии с правилами и нормами своей коммуникативной культуры, рискует произвести впечатление человека невежливого, потому что его ответ, вероятно, покажется американцу коротким и неэмоциональным.

Сравнение коммуникативного поведения американцев и англичан в данной ситуации общения, наоборот, обнаруживает большое сходство: как и американцы, англичане, отвечая на приглашение, основное внимание уделяют выражению своего эмоционально-оценочного отношения к приглашению (оценочные реплики являются семантическим ядром), используют большое количество разнообразных экспрессивных элементов, дают более длинные ответы (см. [1; 2]). Данные особенности свидетельствуют в пользу существования единого американо-западноевропейского стандарта коммуникативного поведения [3].

Проанализированный нами материал позволяет сделать следующие выводы. Принимая приглашение, говорящий апеллирует к «позитивному лицу» адресата, стремится улучшить его. Для этой цели американские коммуниканты используют в речи стратегии «позитивной вежливости». К основным из них относятся: *замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям* и т. д. (Notice, attend to Hearer, his interest, wants, needs, goods); *преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику)* (Exaggerate (interest, approval, sympathy with H)); *будьте многословны* (Be voluble) [6; 8]. Данные стратегии направлены на установление и поддержание контакта между коммуникантами, сокращение дистанции между ними. С их помощью говорящий стремится продемонстрировать свою симпатию, интерес к приглашающему, показывает, что он рад получить приглашение, а компания приглашающего воспринимается им как приятная и желаемая, т.е. преподносит собеседнику своеобразные коммуникативные подарки. Принимая приглашение, американские коммуниканты в первую очередь выражают свое положительное эмоциональное отношение к факту приглашения (*I'd love to / I'd be delighted to / Great / Sounds awesome*), высоко оценивают проявленное к ним внимание (*How nice! / Sweet!*), выражают прямое согласие *Sure! (Конечно!)*, заверяют приглашающего, что обязательно придут на мероприятие (*I'll be there / Definitely / Totally / Count me in*), благодарят (*Thank you*). Американцы стараются избегать коротких, односложных ответов. Таким образом реализуется одна из стратегий позитивной вежливости – «Будьте многословны».

Со стратегией «Преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику)» связано широкое употребление гиперболизированной, экспрессивной оценочной лексики, выражающей отношение приглашаемого к факту приглашения (*Sounds great! / Sounds awesome! Sounds terrific!*), использование в речи интенсификаторов, или маркеров усиления (*Thank you very much / Thank you so much*), маркеров эмоционального состояния говорящего: *Wow! Woopee! Oh!* В результате ответы американских коммуникантов звучат экспрессивно, эмоционально и убедительно.

Нельзя не отметить, что стратегии «позитивной вежливости» в большей степени востребованы при общении в условиях дистантных отношений, при наличии между коммуникантами социально-психологической и/или статусной дистанции, что проявляется в интенсивном использовании более разнообразных и экспрессивных речевых моделей, а также моделей с интенсификаторами, стремлении чаще выражать благодарность, давать более длинные ответы и пр.

Нами было показано, что в ситуации «Принятие приглашения» американские и русские коммуниканты реализуют разные коммуникативные стратегии, то есть ведут себя по-разному. Знание отмеченных стратегий американского коммуникативного поведения позволит русским коммуникантам при общении с американцами приблизить свое поведение при принятии приглашения в различных контекстах общения к требованиям американской вежливости, повысить свою дискурсную, а также межкультурную коммуникативную компетенцию.

Список литературы

1. Ларина Т. В. Коммуникативное поведение англичан и русских в ситуации «Ответ на приглашение». Студент и учебный процесс: иностранные языки в высшей школе. Сб. науч. трудов. – М.: Центр по взаимодействию культур ФИЯ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. – Вып. 5. Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. – С. 259 – 265.
2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
3. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: Истоки, 2003.
4. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учебное пособие. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008.
5. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena // E. Goody (ed.). Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. – N. Y.: Cambridge University Press, 1978. – P. 56 – 289.
6. Brown P., Levinson S. D. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
7. Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. – N. Y.: Doubleday, 1967.
8. Scollon R., Scollon S. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Second Edition. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001.

**Понятие грамматический «шотландизм»
и уровень структурной самостоятельности языка
(на материале шотландской поэзии XVIII–XX веков)**

В статье анализируются поэтические тексты XVIII–XX веков на предмет их насыщенности грамматическими шотландизмами. Шотландские авторы, писавшие на скотс после образования Соединенного Королевства, намеренно увеличивают количество шотландизмов в языке своих произведений, стремясь дистанцироваться от литературного английского языка.

This article is devoted to the analysis of the poetic texts of the eighteenth-twentieth cc. as regards their richness in grammatical Scotticisms. Scottish authors, who wrote after the Union of the Crowns, made their language denser as regards various Scotticisms trying to emphasize the distance between Scots and Standard English.

Ключевые слова: национальная идентичность, грамматический шотландизм, структурная самостоятельность, насыщенный/разреженный скотс, диалект, наддиалектный вариант, стилизация, языковое строительство.

Key words: national identity, grammatical Scotticism, structural autonomy («Abstand»), dense/thin Scots, dialect, standard language, stylization, language planning.

Несмотря на то, что в ходе своего исторического развития региональный язык равнинной Шотландии, известный как «скотс», из полноценного языка литературы и канцелярии эволюционировал в «традиционный язык» без официального статуса, он на протяжении всей своей истории оставался важным символом шотландской национальной самоидентификации. Восстановление его в этой роли приходится на XVIII век, после почти столетнего продвижения в шотландском обществе английского языка и, в известной мере, английских культурных традиций, причиной чему послужило объединение королевств в 1603 году.

Несомненно, изменения в статусе скотс отразились и на литературной традиции равнинной Шотландии. Фактически в XVII веке скотс в качестве языка литературы представлен в творчестве всего одной семьи, отца и сына Роберта и Фрэнсиса Семпилов. Действительно, в отличие от поэтов первой половины XVII века, произведения которых были написаны на литературном английском языке, Р. и Ф. Семпиловы преимущественно писали на скотс [11, с. 251]. Благодаря им и некоторым другим, менее заметным, авторам литературная традиция на скотс не прервалась полностью, хотя и приобрела некоторые специфические черты.

Некоторые шотландские авторы, писавшие на скотс после образования Соединенного Королевства, не в равной мере используют особенности, характерные для шотландской лексики, орфографии и грамматики. Некоторые из них намеренно увеличивают количество таких черт в языке своих произведений, стремясь максимально дистанцироваться от литературного английского языка и подчеркивая тем самым свою национальную идентичность. В языке других авторов таких черт значительно меньше. Можно предположить, что степень насыщенности текста чертами, присущими скотс, должна прямо или косвенно коррелировать с определенными социокультурными условиями, формирующимися в обществе в разные исторические периоды.

Основная цель данного исследования – проследить на примере некоторых наиболее симптоматичных текстов, как от периода к периоду язык шотландской литературы менялся в аспекте его насыщенности характерными чертами, «шотландизмами». Был проведен анализ грамматической системы письменного скотс, которую многие ученые считают лишенной значительных особенностей, отличающих ее от грамматики литературного английского языка [1; 2]. Тем не менее, грамматическая система скотс все же обладает некоторыми существенными особенностями, отличающими ее от английской системы, что подтверждается данными, полученными в ходе исследования.

Как отмечает Дж.Д. Маклюр, в литературной традиции, основанной на скотс, существуют две основные тенденции: 1) использование в качестве языка литературы одного из диалектов скотс или 2) искусственно созданного наддиалекта, в котором лексика и идиоматика могут быть заимствованы из различных диалектов, из более ранних памятников литературы, а также могут быть созданы в ходе индивидуального авторского языкового творчества [16, с. 23]. В связи с этой особенностью, в рамках данного исследования мы также задаемся целью определить, какая из вышеуказанных стратегий наиболее продуктивна, то есть, какие произведения, написанные на диалектах или на некоем искусственно созданном наддиалектном варианте, более насыщены грамматическими шотландизмами.

В качестве материала исследования были взяты наиболее симптоматичные поэтические тексты на скотс. Все нижеперечисленные имена и произведения являются знаковыми для истории литературы, созданной на этом языке, и олицетворяют различные периоды, направления и школы литературной традиции Лоуленда XVIII-XX веков.

Поэзия. XVIII век: А. Рамзи – пастораль «Милый пастушок» (1743); Р. Фергюссон – «Стихотворения» (1773); Р. Бернс – «Стихотворения, в основном на шотландском диалекте» (1786); XIX век: Стихотворения разных лет В. Скотта и Дж. Хогга из «Эдинбургского собрания шотландской по-

эзии» (1910); Дж. Дэвидсон – «Стихотворения, в основном на диалекте области Бакан» (1861); У. Том – «Стихи и воспоминания ткача» (1844); XX век: Ч. Марри – «Сборник стихотворений Чарльза Марри»; Х. Макдермид – поэма «Пьяный и чертополох» (1926); стихотворения разных лет С.Г. Смита – из «Оксфордского собрания шотландской поэзии» (1966); Дж. К. Аннанд – стихотворения разных лет для детей (1970 – 1989); Ш. Блэкхолл – ««Интуитивная прозорливость» и другие стихотворения на скотс и английском» (2004); Д. Первис – «Одна старая песня (переводы пятидесяти китайских стихотворений на скотс)» (1991 – 1999).

В ходе исследования было важно установить не только среднюю частотность употребления шотландизмов, но и индивидуальные авторские особенности, включая степень насыщенности языка того или иного автора грамматическими шотландизмами, поэтому анализу были подвергнуты отрывки вышеперечисленных произведений по 3000 слов, что является достаточным объемом для обеспечения репрезентативной выборки. Думается, что соотнесение индивидуальных особенностей языка автора с социокультурным контекстом, в котором развивается его творческая деятельность, может помочь составить представление об авторской позиции в отношении скотс.

Основополагающими для данного исследования являются следующие подходы и концепции:

1) концепция «скрытых» и «явных» шотландизмов А. Дж. Эйткена [2, с. 105 – 108];

2) концепция «насыщенного»/ «разреженного» скотс Дж. Д. Маклюра [15, с. 173];

3) исторический подход к рассмотрению понятия «шотландизм», используемый М. Доссеной. Само понятие «шотландизм», она трактует как характерную черту, восходящую к скотс, присутствующую в грамматике и лексике текстов, написанных на шотландском варианте английского языка [9, с. 18].

Как известно, основные особенности, отличающие скотс от близкородственного английского языка (здесь рассматривается только литературный английский), отмечаются в лексике и фонетике, что применительно к письменным текстам реализуется в орфографии. В терминах структуры, лексика – это поверхностный уровень, и использование лексических шотландизмов авторами как наиболее значимых маркеров, служит для подчеркивания идентичности скотс на уровне текста. Другими словами, пишущие на скотс, стремятся подчеркнуть структурную самостоятельность (*Abstand* по Х. Клоссу (H. Kloss 1968)) языка своих произведений, прежде всего, на уровне лексики и орфографии, в то время как их грамматика зачастую остается очень близкой английскому языку. Данная

ситуация сложилась благодаря тому, что скотс в определенный момент был втянут в систему английского языка, превратившись, по сути, в диалектную группу последнего. При этом скотс оказался лишенным многих социальных функций, присущих «полноценным» языкам.

Грамматика письменных текстов на скотс, также может служить индикатором структурной автономности индивидуального языка того или иного автора. Уровень структурной самостоятельности («Abstand») может быть намного выше в языке тех авторов, которые последовательно используют не только лексические или орфографические шотландизмы, но и грамматические, которые принадлежат к глубинному уровню языка.

В данном исследовании термин «грамматический шотландизм», трактуется шире, чем у М. Доссены (см. выше), а именно как любая черта грамматической системы, которая подчеркивает автономность скотс по отношению к английскому языку. На данной стадии исследования рассматриваются только наиболее показательные, по нашему мнению, грамматические шотландизмы, присутствующие в шотландских текстах XVIII – XX веков. К их числу относятся: а) координация подлежащего и сказуемого, особенность которой заключается в том, что окончание –s может появляться у глагола в изъявительном наклонении настоящего времени: 1) в 1 л. ед. ч., при обозначении обычного, регулярно совершаемого действия, а также при обозначении настоящего исторического времени, или, когда подлежащее отделено от сказуемого относительным местоимением; 2) когда подлежащее выражено местоимением 2 л. ед. ч.; 3) когда подлежащее выражено существительным во множественном числе; 4) когда подлежащее выражено местоимениями 1-3 л. мн. ч. и при этом отделено от сказуемого [12, с. 112]; б) отрицание, образованное по модели «вспомогательный/модальный/смысловый глагол + клитика -na»; а также отрицание, образующееся по модели «сокращенная форма глагола ('ll; 's) + отрицательное местоимение no; в) грамматические шотландизмы, представленные модальными глаголами, а именно, двойные модальные глаголы 'will can', 'might could', 'might should', а также конструкция типа «вспомогательный глагол+maybe+смысловый глагол», которую А.Дж. Эйткен относит к «скрытым» шотландизмам [2, с. 107]; г) причастие I на –and/an, которое скотс унаследовал из нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка, и которое оказалось в скотс намного устойчивее, чем причастие I на –end в литературном английском языке.

Опишем некоторые тенденции, которые были отмечены в результате анализа языковых фактов. В ходе исследования корпуса поэтических текстов методом сплошной выборки были выявлены описанные выше грамматические шотландизмы и определена их частотность (табл. 1).

Частотность употребления грамматических шотландизмов
в поэтических текстах XVIII-XX вв. (количество грамматических
шотландизмов на тысячу слов)

	Автор	Отрицание	Координация подлежащего и сказуемого	Причастие I	Двойные мо- дальные и по- добные им конструкции
XVIII	А. Рамзи	2.6	0.6	1	0
XVIII	Р. Фергюссон	2.6	0.6	0	0
XVIII	Р. Бернс	2.6	3.3	12.6	0
Среднее количество употреблений грам- матических шотлан- дизмов в XVIII в.		2.6	1.5	4.5	0
XIX	В. Скотт	0.3	0.3	0	0
XIX	Дж. Хогг	2.3	0.3	0.3	0
XIX	Дж. Дэвидсон	2.6	0.3	0	0
XIX	У. Том	3	0	0	0
Среднее количество употреблений грам- матических шот- ландизмов в XIX в.		2.05	0.225	0.075	0
XX	Ч. Марри	4.6	3	0	0
XX	Х. Макдер- мид	3.6	0.3	0.3	0.3
XX	С. Г. Смит	2.6	0	7.3	0
XX	Дж. К. Ан- нанд	7	0.6	0	0
XX	Ш. Блэкхолл	1.6	2	0	0
XX	Д. Первис	7	6	0	0.3
Среднее количество употреблений грам- матических шот- ландизмов в XX в.		4.4	1.98	1.26	0.1

1. Язык таких авторов XVIII века, как А. Рамзи, Р. Фергюссон и Р. Бернс, характеризуется последовательностью в плане выбора лингвистических средств. Это относится не только к лексике, но также и до некоторой степени к единицам морфологического и синтаксического уровня. Эта тенденция усиливалась следующими важными факторами: а) использование авторами исконного языка стало реакцией на почти столетнее господство в шотландском обществе английского языка, которое резко усилилось после объединения королевств в 1603 году; б) в XVII – XVIII веках скотс продолжал широко использоваться в повседневном обиходе, поэтому в распоряжении авторов, писавших на скотс, были образцы,

обеспечивавшие их языку аутентичность и органичность; в) данные тенденции усиливаются в XVIII в. с распространением идей и вкусов сентиментализма, которые усилили потребность в национальном языке.

Из лингвистических особенностей особое внимание на себя обращают следующие:

а) отсутствие двойных модальных глаголов и подобных им конструкций. В этой связи Дж. Бил отмечает, что в списках типичных шотландизмов XVIII века действительно еще отсутствуют упоминания двойных модальных глаголов, хотя к этому времени данные конструкции, столь непривычные для говорящих на литературном английском языке, должны были уже появиться [4, с. 368].

б) наличие причастия I на –and/an: как отмечает Дж. Марри в своей книге «Диалекты южных графств Шотландии», «в XVI в. центральношотландские диалекты и литературный среднешотландский язык, основанный на них, утратили различие между причастием и герундием, по всей видимости, из-за того, что конечный согласный перестал произноситься, а гласные смешались, и обе формы совпали в окончаниях –ing, -in» [19, с. 210]. В южношотландских диалектах формальное различие между герундием и причастием сохранялось дольше. Из приведенных выше данных следует, что причастие I на -and/an, представлено в языке авторов XVIII века в разной мере. У А. Рамзи случаи употребления немногочисленны и выглядят скорее как имитация языка авторов, писавших на скотс в XV-XVI веках, что является вполне вероятным, поскольку А. Рамзи был первым, кто начал писать на скотс после почти столетнего перерыва в литературной традиции, и, не имея опоры на современные тексты, обращался к произведениям признанных мастеров шотландской литературы. Например: «..., and took a fouth of sweetest kisses frae her **glowand** mouth» (и получил множество сладких поцелуев от ее пылких губ) [21].

У Р. Фергюссона не зафиксировано ни одного примера употребления причастия, оформленного таким образом, что может быть объяснено влиянием центральношотландских диалектов, а именно диалекта Эдинбурга, в котором причастие совпало с герундием еще в XVI веке У Р. Бернса причастие I на –an представлено последовательно, что также может свидетельствовать об определенном диалектном влиянии на язык его произведений:

«Then in we go to see the show,
On ev'ry side they're **gath'ran**;
Some **carryan** dails, some chairs an' stools,
An' some are busy **bleth'ran**
Right loud that day». [6, с. 44]

«Я в загородку заглянул
Народ шумит, хлопочет,
Несет скамейку, доску, стул,
А кто и лясы точит
В свободный день» (перевод С. Я. Маршака).

Причем, У. Крейги в предисловии к книге «Диалект Роберта Бернса» Дж. Уилсона отмечает, что на Р. Бернса не мог не оказать влияния южный диалект скотс, на котором говорят в Эйршире, откуда поэт был родом. И хотя Бернс заимствовал принципы орфографии у А. Рамзи и Р. Фергюссона, в его языке все же прослеживаются диалектные южные черты [23, с. 3 – 4].

В целом, можно сказать, что из трех авторов, положивших начало возрождению литературной традиции на скотс в XVIII веке, язык произведений Р. Бернса можно назвать наиболее насыщенным, по крайней мере, относительно двух из исследуемых нами шотландизмов – координации подлежащего и сказуемого и устойчивого употребления причастия I на –an.

2. Следует отметить, что в Шотландии поэзия на протяжении многих веков была наиболее популярным и процветающим видом искусства. Можно сказать, что в XIX веке поэзия отходит на второй план, уступая место динамично развивающейся прозе, в которой скотс использовался наряду с английским языком. Тем не менее, поэтическая традиция на скотс сохраняется, однако, по сравнению с предыдущим столетием ее развитие происходит не так бурно. Если говорить об особенностях языка В. Скотта, Дж. Хогга, Дж. Дэвидсона и У. Тома, следует отметить, что у перечисленных авторов использование грамматических шотландизмов оказывается менее последовательным, чем это было характерно для литературы XVIII века.

Особенность рассмотренных стихотворений XIX века состоит в том, что при насыщенности в плане лексики и орфографии, грамматика этих текстов бедна шотландизмами. Соответственно, их использование характеризуется и низкой частотностью – например, у В. Скотта, на 3 000 словоупотреблений приходится всего по одному случаю отрицания и координации подлежащего и сказуемого, типичных для скотс.

Важно отметить, что использование некоторых грамматических шотландизмов выглядит, как стилизация, как подражание языку классиков шотландской литературы, однако оно не имеет последовательного характера и проявляется в отдельных случаях, придавая языку своего рода ностальгический оттенок. Например, в известном стихотворении Дж. Хогга «Когда коровы возвращаются домой», строчка «When the kye comes hame» повторяется рефреном, а других примеров подобной координации не отмечается. У этого же автора был зафиксирован один пример употребления причастия на –and: «Women are freed of the **littand** scorn;...» (Женщины свободны от позорных насмешек) [8, с. 560], что тоже говорит о подражании старым авторам. Однако, если авторы XVIII века тоже зачастую подражали классикам шотландской литературы, что позволяло им сделать язык своих произведений более органичным, то уже в языке авторов XIX века те же спорадически используемые грамматические особенности выглядят скорее как стилизация.

Двойные модальные глаголы в языке поэзии XIX века отсутствуют, как и в XVIII веке, хотя известно, что в разговорном языке этого периода

данные конструкции уже были распространены достаточно широко [4, с. 368 – 369].

Среди представленных в настоящем исследовании текстов XIX века присутствуют образцы северо-восточного диалекта, который считается одним из наиболее консервативных вариантов скотс, и до сих пор сохраняет большое количество отличительных черт в первоизданном виде. Тем не менее, в плане насыщенности грамматическими шотландизмами и эти диалектные поэтические тексты не выделяются.

3. С начала XX века наблюдается новый подъем языкового самосознания среди шотландских интеллектуалов, сопровождавшийся бурным расцветом индивидуального языкового строительства. Новый век начинается с роста интереса к исконному языку равнинной Шотландии. Этот процесс набирает силу сразу после Первой мировой войны, и проявляется прежде всего в деятельности кружка поэтов, известного как «Группа шотландского Возрождения». В работах таких авторов, как Хью Макдермид, скотс теряет антикварный и ностальгический тон. Теперь он становится новым динамичным языком поэзии, который нацелен в будущее и имеет такое же право на существование и развитие, как и английский язык.

Следует отметить, что по сравнению с предыдущими веками, в языке новых авторов явно отражается страсть к экспериментированию. Например, если у авторов XVIII – XIX веков отсутствуют двойные модальные глаголы, то у Х. Макдермида, считающегося создателем «лалланса», наддиалектного варианта скотс, присутствует сочетание *will can*, такая же конструкция была зафиксирована в языке Д. Первиса, который также известен как большой энтузиаст использования лалланса. Например:

«Is it alive or deid? I show
My hert – wha **will can see**» [13, с. 89].
(Оно живо или мертво? Я показываю
Свое сердце – кто увидит?)

Заметная особенность языка С. Г. Смита, последователя Х. Макдермида, – наличие причастия I на –an, причем автор использует его настолько последовательно, что его тексты по насыщенности этим шотландизмом можно сравнить с текстами Р. Бернса:

«...Ye're **sleepan** peacefullie –
Or maybe hear the **thunderan** sea
Wantan me» [14, с. 580 – 581].
(Ты дома спишь спокойно –
А, может, слушаешь грохочущее море
И хочешь быть со мной).

Интересно, что, несмотря на то, что в языке Х. Макдермида преобладают формы причастия I на –in, был выявлен и один пример причастия I на –an: «...Like eagles that outsoar wi' **skinklan**' wings...» (Как орлы взмывают ввысь на своих сияющих крыльях) [13, с. 84].

В других произведениях Х. Макдермида, не представленных в данной выборке, форма причастия I на –an была зафиксирована только у одного слова – «skinklan'», причем эта форма не фиксируется словарями как застывшая. Видимо, это спорадическое употребление суффикса –an можно объяснить индивидуальным авторским языковым творчеством.

Важно отметить, что язык произведений Х. Макдермида, хотя он и считается создателем лалланса, не настолько насыщен рассматриваемыми нами грамматическими шотландизмами. В нем присутствуют разнообразные элементы, в том числе и двойные модальные глаголы, но в целом, эти грамматические особенности используются непоследовательно, в то время как язык упомянутого выше Д. Первиса демонстрирует, например, несколько большую насыщенность грамматическими шотландизмами.

В целом, рассматривая некоторые поэтические произведения, создаваемые на скотс в течение 300 лет, можно сказать, что грамматика их языка неоднородна в аспекте насыщенности шотландизмами, в зависимости от социально-культурного контекста, в котором развивается индивидуальная авторская работа или формируются целые литературные движения или школы. Благодаря тому факту, что грамматика – это глубинный уровень по сравнению с лексикой, последовательное использование грамматических черт автором позволяет нам получить более полное представление о его вкладе в языковое строительство, а также позволяет косвенно охарактеризовать более полно место автора в литературной традиции и социокультурном контексте эпохи. Так же следует отметить, что подход к определению степени насыщенности языка того или иного автора, попытка применения которого была осуществлена и в настоящей статье, будет особенно эффективен в том случае, если степень насыщенности грамматическими шотландизмами сопоставить со степенью насыщенности фонетическими (орфографическими) и лексическими шотландизмами.

В ходе исследования были рассмотрены некоторые грамматические особенности языка авторов XVIII – XX веков. Полученные данные свидетельствуют о том, что стратегия использования наддиалектного варианта скотс, лалланс, в плане обособления шотландской грамматической системы от системы английской оказывается несколько более продуктивной, чем использование в качестве языка литературы одного из диалектов скотс. Именно в текстах авторов, писавших и пишущих на лалланс, представлено наибольшее количество разнообразных грамматических шотландизмов.

Что касается частотности грамматических шотландизмов в поэтических текстах, относящихся к различным историческим периодам, то данные исследования свидетельствуют о последовательности в их использовании в языке авторов XVIII века, что можно трактовать как своего рода культурную реакцию на почти вековое засилье английского языка в сфере литературы, письменности и книгопечатания, последовавшее за объединением двух королевств в начале XVII века. Все наши источники

этого периода представляют собой поэтические тексты, в основном укладываемые в каноны сентиментализма.

Материал, относящийся к XIX веку, и качественно и количественно отличается от предыдущей эпохи. Использование скотс в этот период можно охарактеризовать скорее как ностальгическую стилизацию, а не функционирование самостоятельного и полноправного языка литературы. При этом в поэзии наблюдается некоторый спад в использовании грамматических шотландизмов – на первый план выходят лексика и орфография, наиболее выразительно характеризующие народную речь.

XX век привносит своего рода «постмодернистский» дух в использование скотс в литературном творчестве. При этом берутся на вооружение, переосмысливаются и развиваются все достижения шотландских авторов прошедших эпох. Рост национального самосознания приводит к переосмыслению роли скотс в культуре шотландского народа. В результате широко распространяются индивидуальное языковое строительство и экспериментирование с исконным языком. Использование скотс разными авторами крайне неоднородно в силу отсутствия единого канона, попытки выработать который, в целом оказались малоуспешными. Основой для языкового творчества служат как территориальные и социальные диалекты, так и наддиалектные варианты. В сфере использования современными авторами грамматических шотландизмов мы также отмечаем крайнюю пестроту и неоднородность подходов. Современный литературный процесс на скотс – это своего рода лаборатория, в которой, возможно, вызревает тот вариант исконного языка равнинной Шотландии, который при благоприятных политических условиях мог бы стать основой для будущего стандарта.

Список литературы

1. Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. – Л., 1988.
2. Aitken A. J. Scottish accents and dialects // Language in the British Isles. – Cambridge - London - New-York, etc., 1984. – P. 94 – 114.
3. Annand J. K. ElectricScotland.com. – [Электронный ресурс]: <http://www.electricscotland.com/culture/features/scots/children.htm>.
4. Beal J. Morphology and Syntax // The Edinburgh History of the Scots Language. – Edinburgh, 1997. – P. 335 – 377.
5. Blackhall Sh. Serendipity and ither Poems in Scots and English. Scottish Corpus of Texts and Speech. – – [Электронный ресурс]: <http://www.scottishcorpus.ac.uk/corpus/search/document.php?documentid=774>.
6. Burns R. Poems, chiefly in the Scottish dialect. – Kilmarnock, 1786.
7. Davidson J. Poems: chiefly in the Buchan Dialect. – Aberdeen – Banff – Fraserburgh, 1861.
8. Dixon M. W. (ed.) The Edinburgh Book of Scottish Verse. – London, 1910.
9. Dossena M. Scotticisms in Grammar and Vocabulary. – Edinburgh, 2005.
10. Fergusson R. Poems. – Edinburgh, 1773.
11. George E-T. (ed.) Scottish Poetry of the Seventeenth Century. – Glasgow, 1895.
12. Grant W., Dixon J. Manual of Modern Scots. – Cambridge university press, 1921.

13. Grieve M., Scott A. (ed.) *The Hugh MacDiarmid Anthology*. – London – Boston – Henley, 1972.
14. MacQueen J. and Scott T. (ed.) *The Oxford Book of Scottish Verse*. – Oxford, 1966.
15. McClure J. D. Scots and its use in recent poetry // *Scots and its Literature*. – Amsterdam – Philadelphia, 1995. – P. 171-190.
16. McClure J. D. The Concept of Standard Scots // *Scots and its Literature*. – Amsterdam – Philadelphia, 1995. – P. 20 – 36.
17. Millar R. M. *Northern and Insular Scots*. – Edinburgh University Press, 2007.
18. Murray Ch. *Electric Scotland*. – [Электронный ресурс]: <http://www.electricscotland.com/poetry/Murray,%20Charles%20Doric%20Poet.pdf>
19. Murray J. *The Dialect of the Southern counties of Scotland: its pronunciation, grammar, and historical relations* // *Transactions of the Philological Society*. – London – Berlin, 1873.
20. Purves D. *Ane Auld Sang*. *Scottish Corpus of Texts and Speech*. – [Электронный ресурс]: <http://www.scottishcorpus.ac.uk/corpus/search/document.php?documentid=921>.
21. Ramsay A. *A Gentle Shepherd*. *Corpus of modern Scottish writing*. – [Электронный ресурс]: <http://www.scottishcorpus.ac.uk/cmsw/search/document.php?documentid=107>.
22. Thom W. *Rhymes and Recollections of a Hand-Loom Weaver*. – London – Edinburgh – Aberdeen, 1844. *Corpus of Modern Scottish Writing*. – [Электронный ресурс]: <http://www.scottishcorpus.ac.uk/cmsw/search/document.php?documentid=113>.
23. Wilson J. *The Dialect of Robert Burns as spoken in central Ayrshire*. – Oxford University Press, 1923.

Лингвокультурная специфика количественных обозначений в российских и немецких рекламных текстах

В статье анализируются количественные обозначения в рекламных текстах, представляющих сферу услуг, в русском и немецком рекламном дискурсе, с выделением культурологических универсалий и отличительных черт.

The scientific essay runs the review and analyses of the usage of numerical indications in publicity texts presenting service sphere both in the Russian and German publicity discourse focusing on marking cultural universals and differentiating features.

Ключевые слова: количественные обозначения, рекламный дискурс, сфера услуг, универсалии, особенности

Key words: numerical indications, publicity discourse, service spheres, universals, peculiarities.

Современная реклама занимает важнейшее место в жизни общества. Она представляет собой разновидность предпринимательской деятельности, индустрии бизнеса, в сфере которой реализуются процессы изготовления, продвижения и потребления рекламной продукции. При этом реклама является специфической формой массовых коммуникаций и межличностного общения, а также средством достижения ряда некоммерческих (социальных, политических и др.) целей. Рекламная деятельность образует особое направление в культуре и искусстве, ориентированное на формирование художественного, эстетического вкуса людей, отображение новых тенденций в моде и дизайне [3].

В последние годы рассмотрение понятия количества все чаще является предметом научного исследования в философии, математике, социологии. Лингвисты продолжают исследования категории количества, которая затрагивает все слои языковой структуры – словарь, словообразование, морфологию и синтаксис. Символика числа – это область исследования, которая полностью отвергается рациональным сознанием, однако эта символика не может не учитываться при изучении функционирования числовых обозначений в рекламе. Например, можно верить или не верить в магическую значимость числа «тринадцать», но копирайтеры вынуждены учитывать особое отношение к этому числу многих людей.

Количественные обозначения занимают важное место в рекламе сферы услуг, характеристики которой в России и в Германии существенно различаются. Еще в конце прошлого века известные немецкие экономисты Х. Хойсерман и В. Зибель отмечали, что немецкая модель развития сферы

услуг отличается такими свойствами, как высокий уровень заработной платы, склонность населения к самообслуживанию, значительная доля производственных услуг, высокий уровень механизации вследствие разделения труда, высоких цен, меньшей склонности населения к потреблению услуг [4]. По мнению экономистов, сфера услуг в Германии развита слабее, чем в США и Великобритании. Однако в России эта сфера развита в еще меньшей степени. Несмотря на то, что в последние годы наблюдается значительный рост российской сферы услуг, обуславливающий интенсивное развитие в этой области рекламной деятельности, между смысловыми субсферами в российском и немецком рекламном дискурсе имеют место определённые различия.

Проведённое нами исследование в области использования количественных обозначений в презентации сферы услуг в российских и немецких рекламных текстах позволило выделить субсферы, в которых обнаруживаются наиболее значительные различия.

1. Банковские услуги. Современный уровень развития производительных сил требует от банковского сектора предоставления все большего числа услуг своим клиентам – промышленным, торговым и иным предприятиям и организациям, а также населению. В последние десять-двадцать лет банковское дело в ряде развитых стран вышло на качественно новый уровень. Этот уровень предполагает, в частности, охват большинства населения банковскими услугами. Так, в Германии около 80% взрослого населения имеют текущий счет или вклад в банке. Что касается занятой части населения, то 95% ее имеют счет либо в банке, либо в страховом обществе, либо в нескольких кредитно-финансовых институтах [2].

Анализ текстов российской и немецкой рекламы, включающих обозначение количества, продемонстрировал существенные различия в представленности данной сферы услуг в российском и немецком дискурсе. Эти различия связаны, в частности, с тем, что в Западной Европе проведение рекламных кампаний для банков началось еще в середине прошлого века, когда банковская сфера Германии и соседних государств переживала эпоху интенсивного развития. Россия в этом отношении значительно отстаёт, что связано с известными экономическими и политическими причинами. В советские годы Государственный банк страны занимал монопольное положение и поэтому в рекламе не нуждался; перестройка банковского дела в России началась в самом конце XX века. Таким образом, оказывается, что реклама, представляющая сферу банковских услуг, в России и в Германии находится в совершенно разных условиях.

Несмотря на существенные отличия в количественных и качественных показателях рекламных текстов в российском и немецком банковском дискурсе, обнаруживаются и некоторые общие черты, которые связаны со спецификой банковского дела как особой сферы экономики. К их числу, в частности, относится наличие одинаковых услуг, предлагаемых банками:

1) ссуда физическому лицу на покупку нового дома (*Darlehen an Privatkunden*): *Не уживаетесь в одном доме? Купи новый. Много проблем –*

одно решение. *Альфа Банк* [Я покупаю 2007, № 9]; *Darlehen an Privatkunden. Keine Probleme mit Quazir Bank. Einmal schneller sein als andere* [Stern 2008, № 25];

2) ссуда физическому лицу на строительство (ремонт) нового дома: *Построить дом легко. Деньги – наши; силы – ваши! Ссуда под 15% годовых. Приват-банк* [Телесемь 2009, сентябрь]; *Vertrauen Sie Bank Nr.1. Beste für Bauspardarlehen* [Der Spiegel 2007, № 49].

Анализ использования количественных обозначений в рекламных текстах в банковской сфере продемонстрировал, что и в России, и в Германии реклама используется для привлечения новых клиентов, поиска возможных вариантов модификаций традиционных операций. Поскольку наиболее важная информация в данной сфере – это размер процентной ставки и размер ссуды или займа, то и в российских, и в немецких рекламных текстах обозначение количества используется именно для презентации данной информации: *Кредитная карта – Получай и трати в 4 раза больше! Visa* [Самая 2008, № 2]; *+ 6% Rendite Das beste Rettungspaket: eine neue Art von Bank. Quirinbank* [Börsen-Zeitung 2010, № 4].

Ещё одна общая характеристика использования обозначения количества в рекламных текстах, представляющих банковскую субсферу, проявляется в том, что в обоих дискурсах отражено стремление банков найти возможные варианты традиционных, проверенных модификаций. Для достижения этой цели в рекламных текстах обозначение количества используется для привлечения клиентов не информацией о размере ставок и возможных скидках, а сведениями о более высоком уровне сервиса: подчеркивается высокая скорость проведения операций и временная стабильность банка. Подобные рекламные объявления были обнаружены как в российской, так и в немецкой рекламе: *Деньги за 4 часа! СКБ-БАНК* [Курс дела 2008, № 6]; *Mit 5 machter. Mit 40 ein Jahr viele Tore. Halbzeitpause. 25% sparen! Union Investment* [Der Spiegel 2009, № 15].

Количественное преобладание немецкой рекламы в данной субсфере объясняется, с одной стороны, более высоким уровнем развития банковских услуг в Германии по сравнению с Россией, а с другой – давними традициями немецкой банковской рекламы. Возможно, это отчасти связано и с тем, что немцы при обращении в банки изучают предложения банка значительно внимательнее, чем наши соотечественники, которые не имеют достаточного опыта пользования банковскими услугами. Выявленные универсальные для обоих дискурсов черты при использовании количественных обозначений в рекламе банковских услуг отражают специфику банковской сферы как особой отрасли экономики любой страны (ставки по вкладам, кредитам, условия кредитования и пр.). Кроме того, и в России, и в Германии высокий уровень конкуренции в современной сфере банковских услуг и мировой экономической кризис заставляют рекламодателей привлекать внимание потенциальных потребителей информацией о стабильности банка и качестве сервисного обслуживания.

2. Услуги в сфере образования. Образование всегда было и остаётся одной из наиболее важных сфер в развитии любой страны. Степень образованности и доля образованных людей в обществе являются ведущими показателями культурного уровня нации. Россия и Германия обладают богатыми традициями в сфере образования, однако и в этой сфере существует множество различий. Современная Германия – один из лидеров европейского университетского образования, в рамках которого сосуществуют университеты трех типов. Особенностью образования в Германии является то, что здесь нет вступительных экзаменов, а иностранным абитуриентам при поступлении в немецкий ВУЗ необходимо сдать только один обязательный экзамен по немецкому языку (DSH-Pruefung). Получить образование в Германии самостоятельно может любой (представитель другой страны, в том числе), причем обучение в ВУЗе бесплатно как для граждан Германии, так и для иностранцев. Таким образом, в немецкой рекламе нет необходимости называть стоимость обучения.

Традиционно высшее образование в России также было бесплатным, но в последние годы все больше студентов вынуждены платить за обучение, поэтому важную роль в рекламе отечественных образовательных услуг играет информация о стоимости обучения: *Диплом магистра экономики за 28.800 за год* [Телесемь 2009, 19-25 мая]; *Не считайте деньги. Считайте возможности. 1 семестр – 32 тыс. 4 семестра – и Вы специалист. Мы ждём Вас!* [Свободные деньги 2009, сентябрь/октябрь].

Подобные рекламные тексты в значительной степени и определяют причины существенных различий в представленности количественных обозначений в российском и немецком образовательном рекламном дискурсе. Большинство российских рекламных текстов в сфере образовательных услуг включают количественные обозначения для сообщения потребителю информации о стоимости обучения.

Ещё одной отличительной характеристикой российской системы образования, выявленной в процессе анализа корпуса рекламных текстов с обозначением количества, является наличие предложений о таких платных услугах, как написание рефератов, контрольных и курсовых работ, выпускных квалификационных, магистерских и диссертационных исследований. В подобных рекламных текстах обозначения количества используются как для обозначения сроков выполнения заказа, так и для информирования о стоимости предлагаемой услуги: *Курсовые работы за 2 недели! Недорого* [Тумба 2009]; *Любые работы на нашем сайте. В удобные для вас сроки от 1,5 тыс. руб. Качество гарантируем* [Тумба 2009].

В корпусе немецкой рекламы подобных текстов обнаружено не было, что, безусловно, демонстрирует культурологические различия системы образования России и Германии и само отношение к образованию.

Группа количественных обозначений, которые используются и в российских, и в немецких рекламных текстах, – это сообщения о сроках обучения: *Образование – нужно. Образование – важно. 1,5 года и ты пожарный отважный* [Выбирай 2008, сентябрь]; *4 Wochen Probstudium Per Fernstudium zum Erfolg! EURO-FH* [Der Spiegel 2009, № 8].

В подобных рекламных текстах проявляется культурологическая универсалия: для получения образования в любой стране важно упоминание о сроках обучения.

Таким образом, реклама, являясь фрагментом презентации культурологической информации, действительно позволяет получить некоторое представление как о системе образования в стране, так и о потребностях общества. Данные об этом отражаются в особенностях использования количественных обозначений в рекламе образовательных услуг России и Германии. И в российской, и в немецкой рекламе присутствуют тексты, включающие обозначения количества для презентации информации о длительности и качестве образования. Отличительной особенностью российских рекламных текстов является активное использование количественных обозначений с целью сообщения стоимости обучения, в том числе информации об оплате дополнительных образовательных услуг (написание курсовых работ, ВКР и т.д.). Подобные сведения отсутствуют в немецких рекламных текстах, что, на наш взгляд, демонстрирует различия в системах образования стран, а также в самом отношении к образованию в России и в Германии.

3. Туристические услуги. В России стремительно набирает популярность туристический бизнес: каждый год на рынке появляются сотни новых туристических компаний, предлагающих свои услуги. Туризм сейчас является одним из самых динамичных секторов экономики. По подсчетам специалистов, на планете примерно каждый восьмой человек трудоспособного возраста занят в этой сфере экономики. Туристическая отрасль создает сегодня минимум 12% мирового внутреннего продукта, занимает 3-е место среди ведущих отраслей экономики по объему дохода. А потребители тратят на туризм в среднем 11-12% своего заработка [1].

Рост туристического бизнеса наблюдается и в Германии. Так, научный консультант исследовательского центра FUR, профессор Мартин Ломан (Martin Lohmann), подводя итоги года, пишет: «Нам вновь предстоит очень хороший туристический год», – подчеркнул, представляя свое исследование, специализирующееся на изучении немецкого рынка туристических услуг. Практически все сегменты этого рынка в 2011 году стабильно росли, отметил автор исследования. Жители Германии (примерно 82 миллиона человек) совершили порядка 70 миллионов туристических поездок и потратили на них почти 61 миллиард евро. Рекордным оказалось и число ночевков в немецких отелях, выросшее приблизительно на 4 процента» [5].

Рост рынка туристических услуг закономерно сопровождается ростом рынка соответствующей рекламы. Следует отметить, что и в российских, и

в немецких рекламных текстах, представляющих сферу туризма, обозначение количества часто ориентировано на решение следующих задач.

1) Представить информацию непосредственно о фирме, акцентировав внимание на её индивидуальных характеристиках, преимуществах, уникальности: *Мы 18 лет с вами. Если вам 18, если вы родились 18-ого числа, если номер Вашего дома или квартиры 18, мы вас поздравляем – Вы уже выиграли туристическую поездку. Просто скажите нам, куда прислать путёвку* [Я покупаю 2009, ноябрь]; *Aus einem 5 Sterne Urlaub machen wir 5 Sterne Erinnerungen* [Wienerin 2006, № 12].

2) Представить информацию о стоимости предлагаемого тура: *Пегас-Тур: А нам 10 лет! В честь дня рождения дарим скидки клиентам. Закажите тур в Египет, Чехию, Францию, Венгрию, Германию, Израиль, Японию, на Бали и получите скидку 10%* [Выбирай 2009, июнь]; *Für Freunde und Familie! Top of Toskana € 299* [Wienerin 2006, № 12].

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в обоих дискурсах имеют место одинаковые способы воздействия на потенциального туриста, используемые в рекламе туристических услуг:

- привлечение внимания к фирме как стабильной, имеющей большой опыт работы в данной сфере (сведения о длительной истории), надёжной и популярной (сведения о количестве клиентов) организации;
- привлечение туристов более низкой стоимостью по сравнению с другими фирмами, наличием скидок и выгодных предложений;
- привлечение туристов оригинальностью предложений.

Подобное единообразие в использовании способов влияния на потенциальных потребителей туристических услуг в обеих странах объясняется, как уже отмечалось выше, всё большим развитием туристического бизнеса как в России, так и в Германии.

4. Коммуникационные услуги. Многоплановое воздействие на услуги оказывает современная научно-техническая революция. На основе компьютеризации, информационных технологий, новых средств коммуникаций возник и стремительно утвердился на рынках целый спектр новых услуг, радикально обновляются их традиционные виды, повышаются качественные показатели обслуживания. К таким услугам относятся коммуникационное обеспечение населения (Интернет-провайдеры, сотовая связь) и техническое обслуживание (установка и ремонт гаджетов).

Анализ российских и немецких рекламных текстов с обозначением количества, представляющих сферу коммуникационного обеспечения, продемонстрировал сравнительно одинаковую степень активности копирайтеров и продвижения данных видов услуг на российском и немецком потребительском рынке: *ТЕЛЕ 2: Зазвони их всех! 50 копеек за все звонки и услуги тариф «нокаут»* [Связной 2009, ноябрь]; *18 рублей за минуту на курортах Турции и Европы* [Выбирай 2007, июль]; *Für 9 Cent von callmobileins deutsche Festnetz Telefonieren* [Der Spiegel 2009, № 50]; *Sprich mit 7 cent in alle Netze. Immer ohne mindestumsatz. Gültig bei Anmeldung bis 31.12.06* [FAZ 2011, № 4].

Как показал анализ исследуемых рекламных текстов, большинство из них является презентацией возможных тарифов и преимуществ того или иного оператора или провайдера.

5. Медицинские услуги. На первый взгляд, статистические данные, полученные нами в результате анализа использования количественных обозначений в рекламных текстах, представляющих сферу медицинских услуг в России и в Германии, являются отражением культурологической универсалии: в российской рекламе выделено 27 текстов (3,9 %), в немецкой – 21 текст (2,9%). Основные различия становятся очевидными при более детальном анализе рекламных текстов, т.е. при анализе целей использования количественных обозначений. Можно выделить две цели использования количественных обозначений в рекламных текстах сферы медицинских услуг:

1) для информирования потенциального потребителя об уровне профессионализма и предлагаемых гарантиях;

2) для информирования о стоимости предлагаемых услуг.

Первая цель регулярно реализуется как в текстах российской, так и в текстах немецкой рекламы: *Стоматология «Белый кит». Три года гарантии на комплексный план лечения до 31 августа. При первом посещении клиники расходы на консультацию специалиста и диагностический панорамный снимок бесплатно* [Курс дела 2008, август]; *Figurenmodellierung. 3-5 Male. Und niemander fährt Ihr Geheimnis* [Online Focus 2009, № 3].

Сообщение об уровне профессионализма, гарантии качества предлагаемых услуг представляет собой культурологическую универсалию для обеих стран.

Стоит отметить, что в корпусе текстов немецкой рекламы нами не обнаружены примеры, содержащие количественные обозначения для презентации стоимости услуг, в то время как в российском дискурсе процент рекламных текстов с обозначением цены достаточно высокий (12 текстов из 27, что составляет 43,2 %): *Услуги узких специалистов: кардиолога + ЭКГ – 650 руб.; дерматолога 350 руб. Узи от 200 руб.* [Выбирай 2010, сентябрь]; *Акция! Белоснежная улыбка к вашему загару! Лазерное отбеливание 8000 руб.* [Выбирай 2009, август].

Данные различия в использовании количественных обозначений отражают идиоэтнические характеристики: система медицинского страхования в Германии принципиально иная, чем в России. В Германии существует два вида медицинского страхования: государственное и частное. Большинство граждан Германии (87%) застрахованы в государственных больничных кассах. Государственное страхование построено по принципу солидарности. Это означает, что страховые взносы зависят от дохода, а не от возраста и состояния здоровья. Таким образом, люди с высокой заработной платой финансируют не только свое медицинское стра-

хование, но косвенно также и тех, кто имеет маленький доход. Оплачиваемые виды медицинских услуг регулируются немецким законодательством. Государственная медицинская страховка охватывает только необходимые и целесообразные виды медицинских услуг. Иными словами, медицинское обслуживание в части признанных необходимыми услуг для немцев по существу бесплатное (если у человека есть страховка). Именно такая система бесплатного медицинского обслуживания делает несущественной информацию о стоимости соответствующих услуг. Совсем иначе дело обстоит в российской рекламе медицинских услуг, где информация о цене является ключевой. Это объясняется тем, что, несмотря на существование в России обязательного полиса медицинского страхования, предполагающего бесплатное медицинское обслуживание, качественное лечение и услуги, по мнению многих россиян, можно получить лишь за деньги.

6. Услуги в сфере строительства. В рекламных дискурсах обеих стран нами обнаружено примерно одинаковое количество текстов, представляющих количественные показатели в сфере строительных и ремонтных услуг (27 российских рекламных текстов и 21 немецких). Однако в текстах российской рекламы количественные обозначения используются преимущественно для определения стоимости услуг (14 текстов, что составляет 53,3%), тогда как в текстах немецкой рекламы – для презентации информации об уровне профессионализма исполнителей (15 текстов, что составляет 71,8%).

1) Презентация информации о стоимости работ: *Настоящие французские натяжные потолки от 200 руб./м.* [Соседи 2009, № 39]; *Unilux: Holz-Alu-Fenster – Die Sicherheit der großen Marke. 398, - Unilux Fenster und Türen* [Der Spiegel 2008, № 48].

2) Презентация информации об уровне профессионализма исполнителей, стоимости услуг, качестве и скорости работы: *Команда профессиональных строителей – дом под ключ. Сроки – Ваши. Работа – наша. При оплате от 500 руб./рабочий час за 3-6 месяцев* (Соседи 2009, № 39); *Ср.: Innere Ausstattung von Einfamilienhäusern. Hohe Qualität von Arbeit. Hundertprozentige Erfüllung von allen Forderungen des Auftraggebers* (SCHÖNER WOHNEN 2010, № 3); *Wir reißen Altbauten ab und bauen neue. Wohngesunde Baumaterialien. 100% Garantie* (SCHÖNER WOHNEN 2010, № 3).

Можно предположить, что отсутствие в немецкой рекламе обозначения стоимости выполнения строительных или ремонтных работ связано с тем, что качество для жителей Германии превыше всего, а указывать цену услуги в тексте рекламы не вполне этично. Возможно, это обусловлено и тем, что стоимость соответствующих услуг, как правило, соответствует их качеству и уровню профессионализма исполнителей. Потенциальный потребитель заранее предполагает, что высокое качество услуги предполагает соответствующую оплату и демпинг практически невозможен.

В целом анализ российских и немецких рекламных текстов продемонстрировал, что количественные обозначения используются для предоставления следующей информации:

1) ценовая информация, в том числе стоимость товара или услуги, скидки, льготы;

2) информация о характеристиках предлагаемой услуги (например, сроки обучения или туристической поездки, технические характеристики инструментов);

3) качество услуги (квалификация персонала, имеющийся у производителя опыт, гарантии и др.).

Акцентирование внимания на цене товара или услуги и их характеристиках/качестве, во-первых, отражает специфику самой рекламы как особого инструмента воздействия на потенциального потребителя; во-вторых, зависит от вида рекламируемых услуг (медицинские, образовательные, туристические и др.); в-третьих, отражает национальные традиции рекламной деятельности, особенности национальной культуры, экономические и социальные условия рекламной деятельности.

Таким образом, в дискурсах Германии и России количественных обозначений больше всего в рекламных текстах банковской, образовательной, туристической и коммуникационной субсфер. Показательны и отличительные признаки: во-первых, количественные обозначения в немецком банковском дискурсе встречаются в полтора раза чаще, чем в российском, во-вторых, в российском образовательном дискурсе количественные обозначения встречаются почти в два раза чаще, чем в немецком. Весьма значительные различия обнаруживаются также при обращении к количественным обозначениям в туристической, коммуникационной и некоторых иных субсферах.

Список литературы

1. Изорцев Л. Л. Туристический бизнес в России. – М., 2011. – [Электронный ресурс]: <http://lib.usue.ru/text/dop/pr427.htm>
2. Лаврушина О. И. Деньги. Кредит. Банки. – М., 2002. – [Электронный ресурс]: <http://bibliotekar.ru/biznes-36/69.htm>
3. Рогожин М. Ю. Теория и практика рекламной деятельности. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа Пресс, 2010.
4. Häußermann H., Siebel W. Dienstleistungsgesellschaften. – Suhrkamp, 1995.
5. Lohmann M. Туристический бизнес Германии – М., 2012. – [Электронный ресурс]: <http://www.atorus.ru/news/.html>

Системные отношения лексических единиц в тематической группе «Война»

В статье речь идёт об организации лексических единиц, входящих в тематическую группу «Война», с целью их изучения в иностранной аудитории. Выделены ряд тематических, лексико-семантических групп и подгрупп, а также лексемы, нуждающиеся в исследовании с позиции лингвострановедения.

The article talks about the organization of lexical units, belonging to the thematic group “War” with the purpose of their study in a foreign audience. A number of thematic and lexico-semantic groups and subgroups was identified, including lexemes, which should be studied from the point of view country’s culture and geography.

Ключевые слова: системность, тематическая группа «Война», лексико-семантическая группа, синтагматика, лингвострановедение.

Key words: systematic, thematic group “War”, lexico-semantic group, syntagmatic, country's culture and geography.

Тема войны актуальна для любого времени и любого народа, поскольку является частью языковой картины мира и исторической памяти нации. Как пишет Светлана Алексиевич, которая посвятила много своих произведений теме войны и её последствий, «...человеческая жизнь не бесконечна, продлить её может лишь память, которая одна только побеждает время» [14, с. 4]. В. Г. Поваляев в своём исследовании «Война как социальное явление» справедливо замечает: «Война не просто сопутствует развитию человеческого общества, война интегрирована в жизнь общества» [5, с. 3]. Историческая память любого народа находит своё отражение в языке.

Данная статья посвящена исследованию лексических единиц, входящих в тематическую группу «Война». Как известно, объединение единиц в тематическую группу основано на системных связях в лексической структуре языка. Прежде чем перейти к анализу материала тематической группы «война», остановимся на понятии системности в языке, которая, по словам Ю. С. Степанова, является одной из основополагающих проблем лингвистики. Под системностью понимается «совокупность элементов, связанных внутренними отношениями» [11, с. 42]. И. П. Слесарева замечает: «...понимание того, что слова в языке связаны внутренними отношениями, было свойственно исследователям лексики с древнейших времен, задолго до того, как стали говорить о системе, системном анализе, системном подходе и т. п.» [7, с. 13].

На развитие идеи системных отношений в области лексики большое влияние оказали как исследования западных учёных: Г. Ипсена, Л. Вейс-

гербера, И. Порцига, Й. Трира, так и труды отечественных лингвистов: В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, В. Г. Гака, И. В. Арнольд, Ю. Д. Шмелёва, А. А. Уфимцевой и других. Результаты исследований указанных выше ученых и других лингвистов доказали и продолжают доказывать важность системного рассмотрения лексики, а также подтверждают правильность суждений, высказанных ещё в XIX веке М. М. Покровским, который первым в отечественной лингвистике обнаружил признаки системного рассмотрения словарного состава языка. В первой главе «Семасиологических исследований в области древних языков» М. М. Покровский пишет, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, а соединяются в нашей душе независимо от нашего сознания в различные группы, причём для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Такие слова *argiōi* имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях» [4, с. 82].

Существует разное отношение учёных к возможности систематизации лексики. Ю. С. Сорокин считает, что «система в лексике проявляется: 1) в семантической структуре слова, отражающей его отношение к действительности; 2) в словопроизводственных отношениях, связях слов с другими словами по своей форме, отношению слова к той или иной общей или частной лексико-грамматической категории (части речи, гнездо слов); 3) в семантических связях и отношениях слова с другими словами: синонимия, антонимия; объединений слов в лексико-тематические группы, отдельные терминологические ряды, семантические микросистемы; 4) в контекстуальных семантико-фразеологических связях слов: наличии устойчивой сочетаемости слов в речи, определенных единообразных типов этой сочетаемости; 5) в объединении, группировке слов по стилистическим свойствам» [10, с. 13].

Большую часть указанных выше способов описания и систематизации лексических единиц мы используем в классификации нашего материала. Классификации различных лексических материалов по темам, а также по лексико-семантическим группам являются наиболее распространенным приемом описания лексики и очень действенным в теории и практике преподавания русского языка как иностранного.

Считается, что первым ввёл термин «тематическая группа» Ф. П. Филин, который под этим термином понимал «группу слов, объединённых на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [13, с. 526].

В известном словаре О. С. Ахмановой термин «тематическая группа» объясняется как «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному семантическому содержанию, то есть по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [1, с. 118]. Нетрудно заметить, что в этом определении автор употребляет термины «тематическая группа» и «семантическое поле» как параллельные, что, как показывают более поздние исследования, не совсем точно. Для нас ближе определение термина Л. М. Васильева: «Лексико-тематическая группа – это классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или темой, но общая (идентифицирующая) тема для них не обязательна [3, с. 105 – 113]. Заметим, что автор употребляет термин «лексико-тематическая группа».

Война явление универсальное и многозначное. Это явление социальное, культурное и психологическое. Тематическая группа «война» довольно объёмна по составу и разнородна по семантическим связям, в составе лексики выделяются как парадигматические, так и синтагматические отношения. Внутри исследуемых тематических групп можно выделить лексико-семантические группы, проанализировать в методических целях синонимические, антонимические, ассоциативные ряды, а также национально-детерминированные единицы, рассмотреть лингвокультурный аспект лексики.

Основываясь на тематической классификации единиц, относящихся к военной тематике, приведённой в «Тематическом словаре русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкина [12], мы предлагаем свою классификацию материала, которая учитывает тематические, парадигматические, синтагматические отношения исследуемых лексических единиц. В приведённом ниже перечне показано, что анализ материала проводился комплексно.

В тематическую группу «Война» включено 3 тематических подгруппы.

Так, в тематическую подгруппу «вооружённые силы» вошло 4 микроподгруппы: 1) виды и рода войск; 2) военно-воздушные силы; 3) военноморской флот; 4) воинские единицы.

В тематической подгруппе «оснащение армии» также 4 тематических микроподгруппы: 1) вид оружия; 2) боеприпасы; 3) военное обмундирование, снаряжение, форма; 4) место сражения, учения и военные сооружения.

Тематическая подгруппа «воинская служба» включает 3 тематические микроподгруппы: 1) воинские звания и знаки различия; 2) воинские награды и почётные звания; 3) воинские ритуалы.

Исследование единиц тематических групп и тематических подгрупп дало возможность в каждой из них выделить ряд лексико-семантических групп, а также рассмотреть синонимические и антонимические связи единиц, входящих в каждую из этих групп.

В данной статье остановимся на анализе тематической подгруппы «вооружённые силы». В указанном выше словаре авторы включили в неё 18 единиц: *оборона, обороноспособность, безопасность, защита, защи-*

тить, защитник, защитница, охрана, охранять, вооружённые силы, вооружённые силы России, армия, армейский, войска, войсковой, воин, воинский, военный.

Заметим, что из них 11 являются производными от существительных: *оборона, безопасность, защита, войска, охрана, армия, защитник.*

В «Большом русско-китайском словаре» все лексические единицы имеют эквиваленты [2].

В данной тематической подгруппе можно выделить три лексико-семантические группы. 1. Лексико-семантическая группа существительных: *оборона, обороноспособность, безопасность, защита, защитник, защитница, охрана, армия, армейский, войска, воин.* 2. Лексико-семантическая группа прилагательных: *армейский, войсковой, воинский, военный, вооружённые.* 3. Лексико-семантическая группа глаголов: *защитить, охранять.*

В этой тематической подгруппе выделяются две синонимичные пары, а именно: *охрана – защита, защитит – охранять.* Приведём примеры: 1) *Я ни разу не слышал, что на войне убивать нельзя. Я знал, что судят только тех, кто убивает в мирное время. Они – убийцы, а в войну это именуется по-другому: «Сыновний долг перед Родиной», «святое мужское дело», «защита Отечества». Нам объяснили, что мы повторяем подвиг солдат Великой Отечественной [15, с. 116]; 2) *В-третьих, при применении вооружённых сил для борьбы с террористами необходимы, с одной стороны, активные упреждающие действия и удары, с другой стороны – высочайшая бдительность всего личного состава, надёжная охрана и оборона всех государственных, общественных и других объектов на территории страны и всех элементов оперативного построения войск, базирования флота, коммуникаций, аэродромов, пунктов управления, объектов тылового и технического обеспечения [16].**

В «Словаре синонимов» под ред. А. П. Евгеньевой слова *охрана* и *защита* не указываются [9], но БАС даёт следующее толкование слова *защита*: «Охрана, ограждение, заступничество» [8, с. 1120].

В «Словаре синонимов» под ред. А. П. Евгеньевой слова *защитит* и *охранять* тоже не указываются [9], а в БАС даётся следующее толкование слова *защитит*: «Охранять, оберегать, ограждать от какого-либо неблагоприятного или вредного действия, влияния» [8, с. 1123].

Проанализируем с предлженных нами позиций лексические единицы, выделенные в «Тематическом словаре русского языка» [12]. Тематические подгруппы, очевидно, можно обозначить как тематические микроподгруппы, входящие в подгруппу «вооружённые силы», которая в свою очередь входит в тематическую группу «Война».

В тематической подгруппе «вооружённые силы» выделено 4 тематические микроподгруппы, как указано выше. Все единицы в этих четырёх микроподгруппах имеют эквиваленты в «Большом русско-китайском словаре» [2].

Виды и рода войск, оружие. Армия. Данная микроподгруппа включает 37 единиц: *сухопутные войска, пехота, пехотинец, мотострелковые войска, мотострелок, воздушно-десантные войска, десант, десантник, танковые войска, танк, танкист, ракетные войска, ракетная установка, ракетное оружия, артиллерист, войска связи, связист, связистка, радист, радистка, рация, передатчик, разведка, контрразведка, разведчик, разведчица, контрразведчик, контрразведчица, войска противовоздушной обороны, пограничные войска, пограничник, застава, нарушитель, перебежчик, шпион, шпионский, шпионка.*

Приведём примеры: 1) *За ним двигалась пехота, а с флангов конница....* [16]; 2) *В результате, возможно, сухопутные войска и не потребуются задействовать, как это было, например, в Югославии;* 3) *Командовал ими на тот момент Саша Шкрабов, в прошлом прапорщик-мотострелок, ныне, кажется, покойный* [16].

В данной тематической микроподгруппе можно выделить две лексико-семантические группы и словосочетания.

1. ЛСГ существительных: *войска, пехота, пехотинец, мотострелок, десант, десантник, танк, танкист, установка, оружия, артиллерист, связист, связистка, радист, радистка, рация, передатчик, разведка, контрразведка, разведчик, разведчица, контрразведчик, контрразведчица, пограничник, застава, нарушитель, перебежчик, шпион, шпионка.*

2. ЛСГ прилагательных: *сухопутный, мотострелковый, десантный, танковый, ракетный, противовоздушной, пограничный, шпионский.*

Следует обратить внимание на то, что часть единиц, входящих в лексико-семантические группы, приводится в словаре в словосочетаниях, которые мы приводим ниже отдельно, так как словосочетаемость имеет особое значение в обучении русскому языку иностранных учащихся. Это следующие единицы: *войска – сухопутные, мотострелковые, воздушно-десантные, танковые, ракетные, пограничные, связи, противовоздушной обороны; ракетная установка, ракетное оружие.*

Для обучающего процесса важно заметить, что в данных словосочетаниях функционируют как согласованные, так и несогласованные определения.

Военно-воздушные силы. В этой микроподгруппе всего 7 единиц: *военно-воздушные силы, авиация, военный самолёт, истребитель, истребитель-бомбардировщик, вертолёт, лётчик.* Приведём примеры из художественной литературы: 1) *Вооруженные Силы Советского Союза – наши Сухопутные войска, Военно-Воздушные силы и Военно-Морской Флот – встречают тридцать вторую годовщину своего существования в обстановке успешной борьбы советского народа за досрочное выполнение послевоенной пятилетки* [16]; 2) *3 января 2003 года исполнилось 60 лет героической обороне города Малгобек от немецко-фашистских захватчиков, которые зимой 1943 года рвались к малгобекской нефти, на которой работала вся советская авиация* [16]; 3) *Он категорически настаивает,*

что будущий военный самолет – это 4-х моторный, с отличным вооружением [16].

В данной тематической микроподгруппе можно выделить следующие лексико-семантические группы и словосочетания.

1. Лексико-семантическая группа существительных: *силы, авиация, самолёт, истребитель, бомбардировщик, вертолёт, лётчик.*

2. Лексико-семантическая группа прилагательных: *воздушный, военный.*

Словосочетания: *военно–воздушные силы, военный самолёт, истребитель-бомбардировщик.*

Военно–морской флот. В микроподгруппу входят 7 единиц: *флот, корабль, авианосец, подводная лодка, крейсер, эсминец, вертолётносец.*

Приведём примеры: 1) *Кроме того, Петербург – морская столица России, место, где родился наш флот* [16]; 2) *Когда летом прошлого года атомная подводная лодка «Наутилус» прошла подо льдом через полюс из Тихого океана в Атлантику, американская печать откровенно подчеркивала не столь научное, сколь военное значение этого плавания* [16].

В данной тематической группе можно выделить одну лексико-семантическую группу и словосочетания.

Лексико-семантическая группа существительных: *флот, корабль, авианосец, лодка, крейсер, эсминец, вертолётносец.*

Словосочетание: *подводная лодка.*

Последняя микроподгруппа, входящая в подгруппу «вооружённые силы», это войсковые единицы. Данная микроподгруппа состоит из 20 единиц: *объединение, фронт, армия, флотилия, эскадра, соединение, дивизия, бригада, корпус, часть, полк, подразделение, батальон, дивизион, эскадрилья, рота, батарея, взвод, отделение, расчёт.*

Приведём примеры: 1) *Мы здесь не стреляли, не бомбили, не отравляли, не взрывали. Мы – большая, сильная и морально здоровая армия* [15, с. 51]; 2) *Получил бумаги в Баграм на должность командира инженерно-дорожного взвода в саперном батальоне* [15, с. 94].

В данной тематической микроподгруппе можно выделить одну лексико-семантическую группу существительных: *объединение, фронт, армия, флотилия, эскадра, соединение, дивизия, бригада, корпус, часть, полк, подразделение, батальон, дивизион, эскадрилья, рота, батарея, взвод, отделение, расчёт.*

Для выявления реакции на слово война нами был проведён опрос китайских бакалавров II курса Санкт-Петербургского государственного университета, который показал, что война ассоциируется со следующими единицами: *смерть, беда, армия, кровь, победа, власть, Япония, оружие, герой*. Интересно отметить ответ «Япония», за которым стоит ассоциация с конкретным историческим событием, память о котором долго живёт у китайского народа (Японско-китайская война).

В тематическую группу «Война» можно включить 20 лексических единиц, отобранных из «Большого лингвострановедческого словаря» под

ред. Прохорова Ю. Е. Это следующие лингвострановедчески ценные единицы: *Аврора, Александр Невский, армия, Битва за Москву, Блокада Ленинграда, Будённый С. М., Великая Отечественная война, «Война и мир», Георгиевский крест, День Победы, казак, Катюша, Красная армия, Курская битва, Октябрьская революция 1917 г., Отечественная война 1812 г., Полтавская битва, Седьмое ноября, Сталин И. В., Сталинградская битва.* Эти единицы требуют специального лингвострановедческого комментария, который нуждается в особом рассмотрении в перспективе исследования данной тематики.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Большой русско-китайский словарь. – Бэйцзин, 1998.
3. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – №. 5. – С. 105 – 133.
4. Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков: магистерская диссертация. – М., 1895 // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 61 – 153.
5. Поваляев В. Г. Война как социальное явление: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007.
6. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
7. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М. 1990. – С. 13 – 15.
8. Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина. – М. –Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – Т. 4 (Ж – З).
9. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970.
10. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30 – 90-е годы XXI века. – М. – Л., 1965.
11. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. – М., 1975.
12. Тематический словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. – М., 2000.
13. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в честь на акад. Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523 – 538.

Список источников примеров

14. Алексиевич С. У войны не женское лицо. – Пальмира, 2004.
15. Алексиевич С. Цинковые мальчики. – М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
16. <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

Принятые сокращения

- ЛСГ – Лексико-семантическая группа.
БАС – Словарь современного русского литературного языка.

Сведения об авторах

Артемьева Людмила Сергеевна – аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); toomuchtender@gmail.com

Бачалиашвили Ольга Вячеславовна – соискатель, Столичный институт иностранных языков (Москва); Olga.Bachaliashvily@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна – доцент, Челябинский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Челябинск); tatia.volkova@gmail.com

Воронина Лариса Владимировна – доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Белгород); voronina@bsu.edu.ru

Гаганова Анна Анатольевна – соискатель, Литературный институт им. М. Горького (Москва); briolett@yandex.ru

Ерофеева Тамара Ивановна – профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, доктор филологических наук, профессор (Пермь); erofkaf@rambler.ru

Керимов Руслан Джаванширович – доцент, Кемеровский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Кемерово); kerimovrus@rambler.ru

Косвои Мухаммадбегии Махдии Шахрох – аспирант, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Таджикистан), преподаватель русского языка, университет «Алламе Табатабаи» (Иран); mahdimb@yahoo.com

Лёвин Константин Юрьевич – аспирант, Воронежский государственный университет (г. Воронеж); k.ljowin@gmail.com

Ли Цианьхуа – старший преподаватель, Китайский океанологический университет (г. Циндао, КНР); lee.jianghua@hotmail.com

Лучкина Ольга Александровна – преподаватель, Ленинградский государственный университет (Санкт-Петербург); olyalukoie@gmail.com

Лю Жуйфэн – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); LRF_CHINA@MAIL.RU

Матюшкина Екатерина Никитична – преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург); Ekaterina-matyush@yandex.ru

Никифорова Ольга Олеговна – аспирант, Самарская государственная академия культуры и искусств (г. Кашира); olga-kharina@yandex.ru

Печенкина Татьяна Александровна – аспирант, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск); Erdman20061@yandex.ru

Пузов Николай Александрович – доцент, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Институт языка и литературы, кандидат филологических наук, доцент (г. Тирасполь, Приднестровье); diagonals@mail.ru

Садыки Нияра Наримановна – соискатель, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала); trazyat@yandex.ru

Скокова Татьяна Николаевна – доцент, Белгородский национальный исследовательский университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Белгород); Skokova@bsu.edu.ru

Смирнов Игорь Борисович – профессор, Китайский океанологический университет, кандидат педагогических наук, доцент (г. Циндао, КНР); Ibsmirnov52@yandex.ru

Смирнова Наталья Владимировна – старший преподаватель, национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», кандидат филологических наук (Москва); Natasha22L@yandex.ru

Советов Иван Михайлович – старший преподаватель, Московский педагогический государственный университет, кандидат филологических наук (Москва); Ivan_Sovetov@mail.ru

Станишевская Анна Измайловна – соискатель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); red_23@list.ru

Строганова Ольга Александровна – аспирант, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН) (Санкт-Петербург); stroganova.olga88@gmail.com

Уртминцева Марина Генриховна – профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород); urtminzeva@yandex.ru

Федулова Ульяна Михайловна – соискатель, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург); uma-84@mail.ru

Храмченко Дмитрий Сергеевич – доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук (г. Тула); hramchenko@rambler.ru

Чаплыгина Юлия Александровна – ассистент, Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (Курская область, пос. Касиновский); u554173@yandex.ru

Щелчкова Екатерина Борисовна – аспирант, Российский университет дружбы народов (Москва); kshcha@inbox.ru

Шмулевич Лия Ильинична – аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург); lshmulevich@inbox.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Для заметок

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 3

Том 1. Филология

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 25.09.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,25. Тираж 500 экз. Заказ № 950

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а